

*Посвящаю
моим детям
Славочке и Риточке*

Не Ты ли в дальнюю страну,
В страну, неведомую ныне,
Введешь меня — я вдаль взгляну
И вскрикну: «Бог! Конец пустыне».

Александр Блок

Ю.А. Михайлов

ПОРА ПОНИМАТЬ
КОРАН

*Издание четвертое,
исправленное*

Научно-издательский центр
«Ладомир»
Москва

Предисловие
В.В. Наумкина, В.В. Попова

Вступительная статья
М.Л. Шевченко

Оформление
А.П. Зарубина

ISBN 978-5-86218-483-9

© Ю.А. Михайлов. Исследование, 2008.

© В.В. Попов, В.В. Наумкин. Предисловие, 2007.

© М.Л. Шевченко. Вступительная статья, 2007.

© А.П. Зарубин. Оформление, 2007.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания
любым способом без договора с издательством запрещается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — одна из первых публикаций недавно созданного в Москве Центра арабских и исламских исследований. Центр был учрежден группой российских исламоведов, специалистов по арабским странам, Ирану, Турции и другим государствам мусульманского мира. Его задача — объединить усилия ученых по распространению в России объективного знания о мусульманской цивилизации, содействовать проведению фундаментальных исследований, публикациям, научным и общественным обменам.

Создатели этой некоммерческой организации рассчитывают, что их коллективный опыт может быть востребован и политиками при принятии решений по различным вопросам, касающимся как отношений России с мусульманским миром, так и межконфессиональных и межэтнических отношений внутри нашей страны. В планах ученых, объединившихся под эгидой Центра арабских и исламских исследований, — публикация «Золотой библиотеки ислама», в которую войдут переводы на русский язык источников мусульманского вероучения и выдающихся письменных памятников мусульманской мысли.

Создатели Центра рассчитывают также, что его деятельность будет способствовать дальнейшему развитию и укреплению общественных, научных и культурных связей России с исламским миром. Россия — как многонациональное и поликонфессиональное государство — за долгую историю сосуществования и взаимообогащения различных этнических групп и конфессий, прежде всего православных христиан и мусульман, накопила столь богатый опыт, что он может быть полезен миру, который безответственные политики пытаются загнать в пропасть межцивилизационной войны.

Ислам пришел на территорию современной России вскоре после своего возникновения в VII веке. Именно в то время здесь появились первые общины последователей новой рели-

гии, на долгие годы определившей путь развития культуры многих народов будущего Российского государства. Исламский компонент стал неотъемлемой интегральной частью многокультурной российской цивилизации и оказал сильное воздействие на эволюцию российской государственности.

Политика Екатерины Второй, направленная на утверждение в Российской империи основ веротерпимости, ограждение российских мусульман от любых попыток вмешательства в их религиозную жизнь и предоставление им всех возможностей для ее развития, заложила основы взаимоотношений между православными и мусульманами в России. Толерантность закрепилась как главная неотъемлемая черта и православия, и российского ислама.

Волна исламофобии, прокатившаяся по западному миру в последнее пятилетие, не затронула Россию. Лишь небольшая группа людей, поддавшись этим настроениям, не устояла перед опасным соблазном возложить на великую религию ислама, основанную на милосердии и терпимости, вину за те беды, что принесли миру агрессивные и невежественные фанатики, самочинно наделившие себя правом творить зло якобы от имени ислама. Празднование тысячелетия Казани явилось апофеозом единства народов и конфессий России, убедительным свидетельством прочности связывающих нас исторических уз.

В основе конфронтационного отношения к исламу неизменно лежит поверхностное представление об этой религии. Поэтому мы считаем, что исследование Ю.А. Михайлова «Пора понимать Коран» чрезвычайно важно как попытка, предпринятая русским человеком, сформировавшимся в традициях православной культуры, понять основы этого вероучения. Не будучи ни мусульманином, ни профессиональным исламоведом, автор проявил завидное упорство и добросовестность в стремлении познать и объективно оценить достоинства этой религии, всегда привлекавшей и вдохновлявшей многих русских мыслителей, ученых, литераторов. Ему, на наш взгляд, удалось ярко продемонстрировать заложенные в исламе созидательные, конструктивные, гуманистические аспекты.

Представляя читателю эту работу, мы надеемся, что ее публикация внесет вклад в благородное дело сближения православных и мусульман, способствуя познанию ими друг друга.

В.В. Наумкин, В.В. Попов

РОССИЯ – ИСЛАМ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Представляя вниманию читателей важную, уникальную и весьма неоднозначную книгу Юрия Михайлова, я хотел бы остановиться как на ее безусловных достоинствах, так и достаточно дискуссионных моментах, которыми она, как всякий искренний и умный труд, изобилует.

Михайловские размышления над Кораном никого не оставят равнодушным – они заставляют спорить, полемизировать и не соглашаться.

Я с удовольствием представляю лица записных исламофобов – русских националистов, сионистов и сторонников «открытого гражданского общества», всегда почему-то оказывающихся в последнее время в одной политической лодке. Они возьмут в руки эту книгу и (уверен!) с карандашом в руках внимательно ее проштудируют для написания своих публичных доносов под видом «аналитических статей», главным содержанием которых являнутся призывы к властям «расправиться и запретить».

Но Бог с ними...

Ведь к безусловным достоинствам сборника «Пора понимать Коран» относится прекрасный литературный стиль и страстность авторского изложения. Именно это заставляет вспомнить о стиле Владимира Соловьева, Василия Розанова, Дмитрия Мережковского и многих других гениев русской мысли, видевших задачу своей интеллектуальной деятельности, в частности, в проговаривании и осмыслении на русском языке и в контексте русского интеллектуального действия великих культурных и религиозных традиций человечества.

Но у работы Юрия Михайлова есть и еще одно достоинство (помимо многих других, менее значимых). Он сделал то, что не способны или мало способны были совершить философы и культурологи, родившиеся и выросшие в лоне исламской цивилизации. Он связал контекст исламской религиозной и политической мысли (а именно в исламе они связаны, как нигде) с контекстом не только классической европейской школы философствования во всех ее аспектах (онтологическом, гносеологическом и т. д.), но и русской философской мысли, основанной на христианской, прежде всего православной, традиции мировидения.

Юрий Михайлов пошел еще дальше. Он попытался свести воедино коранические основания видения исторического процесса с современными системами анализа глобальных процессов развития информационного и постиндустриального общества. Валлерстайн, Хантингтон, Негри, Иноземцев и многие другие признанные интеллектуалы современного мира влетены Юрием Михайловым в ткань его размышлений над Кораном.

Результат получился более чем любопытный — я уверен, что из мусульман лишь немногие, в основном те, кто владеет западным философским и политологическим языком, смогут оценить и принять результаты огромной работы Юрия Михайлова.

Вообще создается впечатление, что книга и не адресована мусульманам. Она адресована и будет, безусловно, интересна именно читателю-немусульманину, занимающему активную гражданскую и политическую позицию.

И это не случайно, поскольку главной задачей своего труда автор полагает (и это проступает сквозь несколько апологетический по духу текст книги) защиту особого цивилизационного и исторического места России как культурно-политического феномена, связующего христианский и исламский принципы познания и преобразования мира.

Наша страна обладает уникальными возможностями соединять в одном государственном теле исламскую и христианскую цивилизации (буддийская, равно как и шаманские анклав, находится, очевидно, за пределами исследования). Это вынуждает страну к принятию определенных политических форм и стратегий и занятию принципиальной исторической позиции.

Собственно, возможны только три пути развития российского политического организма.

Первый — строительство национального русского государства с доминированием идеологии, основанной на интерпретации православной веры в крайнем осифлянском духе.

Таким образом, не желая отказываться от исламских территорий России и не желая признавать за ними равных прав на участие в определении будущего страны, сторонники этого пути будут вынуждены или встать на путь сепаратизма (отделения русских территорий от остальной, нерусской, территории РФ, что, кстати, апологеты Кондопоги и делают с усердием, не уступающим дудаевско-басаевскому), или вести кровопролитную войну на истребление и порабощение коренных народов России, подчинение их православно-государственной парадигме.

Второй, либерально-корпоративный, путь предполагает крайне прагматический подход к формированию будущего страны.

Главный критерий — эффективность. Магистральная задача — войти в мировое экономическое пространство на более или менее достойных (для менеджерской корпорации конечно же) условиях. Этот вариант предлагали и предлагают Гайдар, Чубайс, Ходорковский и им подобные.

Мусульмане России как таковые не нужны государству — рыночной корпорации. Недаром в 1991 году разделение СССР и выброс из него мусульманской Средней Азии (помимо воли населения, которое отдали на произвол потенциальным средневековым деспотиям, чего чудом избежали, да и то благодаря огромной доле неместного населения, пожалуй, только Казахстан и Киргизия) были одной из ясно осознаваемых и реализованных политических задач реформаторов-демократов.

Продать Западу можно только то, что удастся загримировать (с помощью информационных технологий) под Запад или покорную ему колонию. Мусульмане, как, впрочем, и русские-православные, оказались с трудом «гримируемыми» под продажу. Поэтому для либералов нет дилеммы.

С их точки зрения, мусульманские анклавы России должны быть подавлены и изменены в цивилизационном ключе с привитием им всех пороков «гражданского общества»: терпимости к разврату, толерантности к гомосексуализму, участия в ростовщических биржевых операциях, потребления спиртного, разрушения традиционной семьи, разложения родовых и семейных структур и т. д. (они это называют модернизацией). Или выброшены вон из состава России через демагогические завывания о «праве наций на самоопределение».

Западу, а тем более либеральному Западу, исламские территории и мусульмане как активная и самодостаточная цивилизационная сила не только не нужны в своем составе, но и смертельно опасны.

Поэтому главное условие вхождения России в Запад — отказ от своей исламской составляющей, возможно, превращение в жандарма (подобного сионистскому Израилю), который будет огнем и мечом «пасти и истреблять» исламские народы по своим границам.

Однозначно прозападными, существующими в интересах Запада и ставящими под угрозу историческое развитие России, являются оба пути — и национал-патриотический, и либеральный.

Третий путь России, предлагаемый Юрием Михайловым и видящийся мне оригинальным, русским путем, связан с укреплением государственных интернационалистских и интерцивилизационных структур.

Он связан с признанием уникальности русской многокультурной цивилизации, подавлением в ней наследия колониализма и недопущения насаждения моделей неоколониализма, а также создания социальных и политических возможностей для народов России участвовать в формировании единого российского исторического пути.

Следование этому пути ставит Россию в совершенно уникальное положение на арене мировой истории. Она оказывается потенциальным активным оператором сразу же во многих геополитических зонах. Обладая огромными природными, человеческими и интеллектуальными ресурсами, Россия добавляет к ним еще и ресурс цивилизационный, коим не обладает, пожалуй, кроме США (хоть и не в столь явной, связанной с традицией «родной земли» форме), ни одно государство на Земле.

Понятно, что враги России — внешние и внутренние — сделают всё, чтобы не позволить ей реализовать этот свой потенциал.

Думаю, что книга Юрия Михайлова поможет тем, кто верит в особое историческое призвание России, быть более решительными и внятными в их нелегкой борьбе.

Но, признавая несомненные достоинства сборника «Пора понимать Коран», я хотел бы отметить то, с чем в этой выдающейся книге принципиально не согласен и не могу согласиться ни при каких обстоятельствах.

В первую очередь я не согласен и не могу согласиться с яркой и порой даже поэтической идеализацией исламской цивилизации, исламской истории и исламской традиции, допускаемой автором.

Мне представляется, что отделение высокой этики веры от низкой и земной практики религии необходимо при анализе любой вероисповедальной традиции и истории.

История ислама — отнюдь не история идеального общества или общины. Ведь уже с первых дней после смерти пророка Мухаммада, а некоторые источники утверждают, что и в последние дни его жизни, среди мусульман начались не просто дискуссии, но братоубийственные конфликты.

Эти конфликты, в ходе развития которых единоверцами были убиты трое из восхваляемых мусульманами «праведных халифов» и уничтожена значительная часть особо почитаемых в исламе «сподвижников», продолжают и по сей день, как наглядно нам демонстрирует иракская трагедия.

Без понимания внутренней вероучительной причины этой кровопролитной истории развития ислама невозможно адекватно представить и великую религию Единобожия во всей ее исторической и теологической полноте.

Исламская история учит нас, что те периоды социальной стабильности и гармонии, которые так привлекательны для Юрия Михайлова и которые по праву считаются культурно-историческим достоянием всего человечества, наступали не в периоды догматического следования мусульман положениям шариата, основанным на интерпретации Корана и Сунны, а как раз в периоды сильного проникновения в исламское общество христианских, иудейских или даже зороастрийских и буддийско-индуистских культурных влияний.

Требования же жесткого соблюдения принципов Корана, дискуссия вокруг достоверности хадисов (подлинны ли это высказывания Пророка или приписанные ему позднее из сиюминутных политических интересов), интерпретация шариатских норм в сторону буквального следования кораническому тексту и т. п. исходили как раз всегда от тех групп и сил, которые противопоставляли себя так называемой «исламской культуре».

Таковыми были хариджиты, вставшие на путь борьбы против всех и вся.

Таковыми были ранние шиитские движения, крайним проявлением идеологии которых стали карматы, похитившие и расколовшие Черный камень Каабы.

Таковыми стали ваххабиты, уничтожающие даже памятники и артефакты, связанные с жизнью Пророка и его семьи.

Ислам — сложнейшее и необычайно многофакторное социальное, культурное, политическое, теологическое, правовое пространство сплетения человеческого и нечеловеческого. И он ни в коем случае не сводим к какой-либо одной интерпретации.

Категорически я не согласен и с гипотетическими рассуждениями автора о том, что бы было, если бы князь Владимир Святой принял в известной ситуации религиозного выбора решение о необходимости для Руси исламской веры.

Мне кажется, что даже иронический пересмотр русской истории в таком ключе чуть ли не перечеркивает несомненные интеркультурные достоинства работы Юрия Михайлова.

Не согласен я с теми социальными и, очевидно, гуманитарными надеждами, которые автор вольно или невольно связывает с так называемым «русским исламом».

Явление это, несмотря на значительное число конвертов, тем более маргинальное и опасное, что обратившиеся в ислам русские, евреи, армяне, карелы и т. д. принципиально не стараются ввести достижения исламской культуры и истории в контекст русской политической, культурной или социальной жизни. Это, безусловно, было бы полезно, и это достаточно успешно пытается делать сам Юрий Михайлов.

Эти русскоязычные исламские неофиты, перенимая арабские или иные восточные модели поведения, естественные для народов Малой Азии или Ближнего Востока, перестают быть собственно русскими, людьми, принадлежащими к русской культуре.

В итоге они пытаются использовать ислам для решения собственных психологических, финансовых или политических проблем, идя в своем развитии практически до полного разрыва с русской культурой и ее традициями.

Это делает большинство русских мусульман и не мусульманами вовсе, а странноватыми исламообразными сектантами, находящимися в орбите влияния даже не исламской цивилизации, отнюдь не отвергающей национальные культурные традиции, но неких глобалистских параисламских информационных систем, своего рода экспортного варианта ваххабизма, дико и чужеродно выглядящего в той же Саудовской Аравии или иных исламских странах. Такие «русские мусульмане» становятся инструментами игр спецслужб, интересы которых предельно далеки от интересов религии и культуры.

Эти «русско-исламские конверты» неизбежно сползают к самым одиозным формам религиозного экстремизма, которые не имеют ничего общего ни с идеологией шиитской революции, ни с исламскими формами борьбы палестинского народа, ни с иными проявлениями борьбы мусульман против всех форм колониализма и неоколониализма, опирающихся на ясную национальную и культурную традицию — пуштунскую, кашмирскую, иранскую, ливанскую и т. д.

Объективно «русский ислам», особенно облаченный в формы русофобии, — крайне вредное и опасное для будущего России явление, играющее на руку как национал-шовинистам, так и либералам-западникам, в равной мере желающим изменения цивилизационного облика нашей Родины.

Но попытка рассказать России и представителям ее народов об исламе и его месте в современном мире, не апологетическо-сектантское, но бережное и внятное изложение опыта и содержания исламской духовной истории и их вписывание в контекст российской культурной жизни не только полезны, но и, несомненно, будут востребованы теми политическими и общественными силами нашей страны, которые хотели бы не только ее вздоровления, но и политического возрождения.

Чему и служит, на мой взгляд, блистательная книга Юрия Михайлова «Пора понимать Коран».

*Максим Шевченко, политолог, журналист,
руководитель Центра стратегических исследований религии
и политики современного мира*

Не достичь вам праведности, пока не [научитесь] расходовать из того, чем особо дорожите.

Коран 3: 92

Не создал Всевышний ничего благороднее человеческого разума. На тех, кто им пренебрегает, обрушится гнев Божий.

Обращайтесь к людям с речами соответственно их разумению.

Пророк ислама Мухаммад

Коран — это горящий факел, свет которого никогда не угаснет; это океан, глубины которого не постичь человеческой мыслью.

Али ибн Аби Талиб, четвертый халиф

Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

Александр Пушкин. Подражания Корану

Настанет время, я не сомневаюсь в этом, когда <...> имя Магомета [станут произносить] с глубоким уважением. На [него] <...> будут смотреть <...> как на благодетельное существо, одного из тех, кто более всего способствовал осуществлению плана Божественной мудрости для спасения рода человеческого.

Петр Чаадаев

Мы обязаны признать <...> пророчество [Мухаммада] и то, что он — небесный посланник на Земле.

Карл Маркс

Магометанство мне очень помогло.

<...> смотрите на меня как на доброго магометанина, тогда всё будет прекрасно.

Лев Толстой

[Мухаммада] следует назвать Спасителем человечества. <...> Если какая-нибудь религия и имеет шанс властвовать в Англии и Европе следующие сто лет, то эта религия — ислам.

Бернард Шоу

Россия [должна стать] <...> родной всему мусульманскому Востоку <...> и действительно [пойти] <...> во главе мусульманских народов и их цивилизации.

Я верю, что рано или поздно мусульманство, воспитанное Россией, станет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства.

Исмаил Гаспринский

ОТ АВТОРА

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

Федор Тютчев

В эту книгу вошли две статьи, опубликованные с годичным интервалом в журнале «Политический класс»*, и текст выступления на торжествах по случаю 15-летия Исламского культурного центра России**.

Адресатом данного издания нам видятся в первую очередь политики, политологи и госслужащие, безапелляционно-негативно или скептически-снисходительно относящиеся к исламу, но при этом мало что смыслящие в нем, а также те, кто не совсем понимает, «с какого бока» подступиться к этой религии, и опасается «выдохнуться» с первых же шагов.

Невежество и мракобесие, царящие во многих областях российской жизни, правят бал и на «мусульманском поле». Молох непрофессионализма «добрых молодцев, облеченных властью», год от года калечит судьбы десятков тысяч наших верующих соотечественников.

Своей книгой автор (даже если это отдает верхом идеализма, самонадеянности и прожектерства) хотел бы остановить бездушную машину, с завидным постоянством выдающую державные благоглупости и вынуждающую всех нас жить заведомо хуже, чем можно было бы.

* См.: *Михайлов Ю.А.* Непонятый Коран: [Статья первая.] О политической составляющей положения с книгоизданием для российских мусульман // Политический класс. 2005. № 2. Февраль. С. 13–15; *Он же.* Непонятый Коран: Статья вторая. Открыть «врата иджтихада», начать великий джихад! // Там же. 2006. № 3. Март. С. 37–51; 2006. № 4. Апрель. С. 70–81. Первая статья печатается с незначительными исправлениями, вторая — в существенно дополненном и переработанном виде.

** Прочитано на заседании 31 мая 2006 года.

Когда порой слышишь натужные «размышлизмы» на тему: кто мы, европейцы или азиаты, и обреченно звучащее в ответ «евразийцы», невольно испытываешь чувство стыда от плохо скрытой за этим словом-уродцем констатации собственной «быгтийной ущербности»: «Вы уж извините нас, лапотников, господа хорошие. Мы — вот ей же богу! — тутошние, европейские будем-с. Но, поди ж ты, незадача какая: по одежке-то мы вроде как европейцы, а поскреби маненько — и азиатчина, как есть, в тебя зенками своими упрется. Такая, чуешь, закавыка, стало быть»*.

Одним словом, — азио́пцы, как любят смачно выражаться наши просвещенные западники, оттюнинговавшие свои «мерсь» и «яйца Фаберже» для удобства несения/везения на российскую (точнее — кремлевскую) Голгофу «креста патриотизма».

То, что Россия — не Европа и не Азия, очевидно каждому. Наша страна — уникальный геополитический поликонфессиональный и многонациональный сплав, закаленный веками исторических испытаний и сохранявший себя как единое целое даже в самых экстремальных условиях, сплав, в котором се-

* К реальным взглядам идеологов евразийства — Н.С. Трубенского, Г.В. Вернадского, Г.В. Флоровского и др. — эта точка зрения, разумеется, отношения не имеет, а отражает лишь обывательские представления некоторых бывших уездных партхозактивистов и сельских массовиков-затейников, возомнивших, что раз теперь они «князи», то и страной не грех порулить с ветерком, и идеологийку какую-никакую на досуге учинить, и в прямом телеэфире косоворотку на груди рвануть, да так, чтоб пуговицы поотлетали, даром что «от Армани» — для своего собрата — суверенного евроазиата, ограбленного олигархами, ничего не жалко.

Что касается самой концепции евразийства, то процитируем на сей счет высказывание академика Василия Бартольда: «Всё это интересно, но научно несостоятельно уже потому, что географическая терминология тут ставится в зависимость от изменчивых политических условий. <...> Вообще для меня всякая отвлеченная доктрина становится неприемлемой, как только начинают насильственно подводить под нее факты» (цит. по: *Лукин Б.В.* Из эпистолярного наследия В.В. Бартольда: (письма В.В. Бартольда к Н.П. Остроумову) // *Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке.* М., 1979. С. 193). «<...> куцее евразийство конца прошлого века перестало быть продуктивным, — считает политолог и востоковед Алексей Малащенко. — С его помощью нельзя ни оправдать уходящие в небьгие имперские претензии России, ни выдвинуть оригинальную версию российской идентичности» (*Малащенко А.В.* Ислам для России. М., 2007. С. 129).

годня уже невычленимы его изначальные основания — прежде всего православие и ислам. Удалил из исторического процесса одно из них — и не видать нам русского народа. Ислам и православие — одни из главных звеньев «генома русскости». Поэтому быговую исламофобию, процветающую ныне кое-где в нашем Отечестве, следует рассматривать как прямую атаку на российский этнос и, соответственно, как угрозу единству Российской Федерации.

Когда мы слышим о недугах, которыми поражено сегодня российское общество, то обычно на ум приходят алкоголизм, наркомания, токсикомания, низкая рождаемость, высокая смертность, беспризорность, болезненное пристрастие к азартным играм, падение нравственности и правовой культуры, бездуховность, бродяжничество, эгоцентризм, деградация института семьи, казнокрадство, героизация и романтизация криминального мира, низкая предпринимательская активность населения, лицемерие политиков и т. д. и т. п. Каждый, кто хоть краем уха слышал, к чему нетерпим ислам в социальной сфере, назовет весь или бóльшую часть этого перечня. И вместе с тем многие не забудут упомянуть как вполне приемлемый институт многоженство.

Так в силу каких причин столь распространено ныне отрицательное отношение к этой религии?

Чаще всего звучит несогласие с тем, какое место отводит ислам женщине, упоминаются неединичные случаи «нецивилизованных» поступков и просто вопиющих по дикости выходов некоторых лиц, величающих себя мусульманами. Когда же начинаешь разбираться, выясняется, что собеседник, как правило, плохо знаком с исламской системой социальных ценностей, в том числе и по части семейного права (не говоря еще и о знании тех существенных различий, что разделяют традиционные богословские школы), да к тому же не в состоянии отличить, где кончается ислам и где начинаются доисламские обычаи, «приправленные» местными «крайностями». Не нужно слыть бывалым путешественником, чтобы заметить, насколько непохожа жизнь в разных мусульманских государствах. А потому несложно догадаться, что далеко не все, даже самые яркие, впечатления могут служить основой для выработки ясного представления о том, каково же на самом деле вероучение пророка Мухаммада.

По данным социологического центра «Pew Research», в России, в отличие от Запада, отмечен устойчивый рост симпатий к мусульманам — с 53% в 2004 году до 59% — в 2006-м*.

И это неудивительно. Сближение России и исламского мира предопределено не только политическими и историческими реалиями, нашим прошлым, но и экономически чрезвычайно перспективно. К 2020 году население основного исламского региона — Ближнего Востока и Северной Африки — вырастет на 50% (в 2002 году оно составило 423 млн чел.). Темпы роста ВВП в Ближневосточном регионе поднялись со средних 3% до 5,5–6% в 2004–2005 годах (и не только благодаря «нефтяному ралли»). Как пишут Маркус Ноланд и Говард Пэк, исследователи вашингтонского Института мировой экономики, в докладе, подготовленном к Всемирному экономическому форуму по Ближнему Востоку (Шарм-аш-Шейх, 2006 г.), если этот регион сможет с выгодой использовать «демографические дивиденды», то «ученые мужи будущего будут восхвалять дисциплинированную исламскую этику как залог развития так же страстно, как клеймят ее сегодня в качестве препятствия экономического роста. <...> Если [сегодняшняя] разумная политика будет продолжена, то *через десять лет мы будем восхищаться арабским экономическим чудом*»**.

Такие перспективы не могут не тревожить стратегов тех стран, залогом процветания (стабильности) которых стала легитимация непаритетных межгосударственных отношений. Условием сохранения сложившегося статус-кво является использование многообразия этого мира для его раскалывания, поддержания в нем заданного уровня конфликтности (пожар в доме у соседа — желательны руками другого соседа — как отличный способ удержания обоих в зависимом положении).

Вместо того чтобы выявлять и устранять причины конфликтов, считая их противными человеческой природе, сильные мира сего пытаются выдать их за данность (онтологизировать), «вписать» в естественный ход истории.

* См.: Европа испугалась: Там всё меньше симпатизируют мусульманам и всё больше Израилю // Коммерсантъ. 2006. № 114. 27 июня. С. 8.

** Прыгнут ли ближневосточные тигры?: Ближневосточные страны могут оказаться не так далеки от экономического рывка // Коммерсантъ. 2006. № 87. 18 мая. С. 8. Курсив мой. — Ю.М.

В своем выступлении на Всемирном саммите религиозных лидеров (Москва, 2006 г.) Президент РФ Владимир Путин сказал: «Миру фактически навязывается конфликт цивилизаций, и надо в полной мере отдавать себе отчет, к каким катастрофическим последствиям такая конфронтация могла бы привести»*.

Предложив мировому сообществу свою модель толерантности и открытости, наша страна имеет все шансы претендовать в обозримой перспективе на статус «сердца мира»**.

Не реализованный пока потенциал российской уммы — прекрасный трамплин для масштабного расширения нашего присутствия на Ближнем Востоке. Единство мусульман плюс в целом неконфликтная история взаимоотношений русского православия (восточной ветви христианства) и ислама*** — прекрасный шанс сплотить вокруг России страны мусульманского мира (их больше 35), создав кумулятивный эффект в экономическом развитии всех участников этого органичного партнерства.

Всем, кого покоробили эти слова, напомним кораническую мудрость: «И, быть может, отвратительно вам что-либо, но оно вам во благо, и, быть может, нравится вам что-либо, а оно вам во зло» (2: 216).

* Цит. по: http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/03/2300_type63376-type63381_108171.shtml.

** Геополитическое понятие «хартленд» (*англ.* heartland) введено Хальфордом Маккиндером для обозначения «осевого региона Евразии», в который английским ученым включены Россия, Центральная и Восточная Европа, Тибет (см.: *Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. L., 1919*).

*** Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (в миру — Василий Иким), много внимания уделяющий истории взаимоотношений ислама и христианства, написал: «Это утверждение может показаться парадоксом, но из всех мировых религий православие и ислам видятся наиболее близкими друг другу. <...> Между православными и мусульманами никогда и нигде не возникало столкновений на религиозной почве именно потому, что православие всегда соблюдало главное условие добрососедства с исламом — невмешательство в его внутренние дела» (*Владимир, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский. Миф об «угрозе ислама» с точки зрения православного христианина // Христианство и ислам: Пути реального взаимодействия. М., 2006. С. 15*).

То, что Россия — не Европа и не Азия, не Восток и не Запад и *никогда не будет* ни одним из них — не наша беда, а наше исключительное преимущество, лишь усиливаемое глобализационными процессами. Российский ислам — наш стратегический резерв, который пришла пора активно действовать на благо возрождения страны. И прежде всего надо поставить надежный заслон планомерной дискредитации религии Посланника Божьего Мухаммада, проводимой сегодня западными и отдельными российскими СМИ.

Данная книга — отнюдь не вероучительное пособие, не свод богословских штудий и даже не религиозно-ведческое введение. Имея адресность, оговоренную выше, издание вобрало в себя те обычно отсутствующие в доступной литературе сведения, которые, с нашей точки зрения, было бы полезно знать каждому, кто так или иначе соприкасается с мусульманами и хотел бы сделать первые шаги для знакомства с их верой, понять, в чем ее исключительная сила.

Проще сказать, чем ислам не является, чем передать то, что он есть. Более того, верующий человек знает всегда больше, чем он может выразить словами («Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь». — Федор Тютчев). Апеллируя к этим, на наш взгляд, веским аргументам, мы были вынуждены ограничиться лишь эскизной подачей многих затронутых тем.

Главное, что мы попытались донести до читателя, — это чувство *социального оптимизма*, составляющего стеновой хребет доктрины жизнеустройства мусульман.

Понимая, насколько непросто немусульманину отделаться от навязчивого желания увидеть в позиции автора явное/скрытое стремление принизить другие религии в угоду исламу, сразу оговоримся, что *в основаниях вероучения пророка Мухаммада лежит уважительное отношение и к иудаизму, и к христианству*, «людям Писания» (некоторые мусульманские экзегеты относят к ним порой и зороастрийцев с индусами и буддистами). И что, как не Коран, лучше удостоверит это?

«Каждой [общине] мы даровали закон и путь. Пожелай Бог, и Он сделал бы вас одной общиной, [однако Всевышний разделил вас,] чтобы испытать тем, что даровал вам. Стремитесь же опередить друг друга в благих делах, ведь всем вам

предстоит вернуться к Богу. И Он возвестит вам о том, в чем вы расходились» (5: 48); «Воистину, верующим (мусульманам. — *Ю.М.*), а также иудеям, христианам и сабиям — всем, кто уверовал в Бога, в Последний день и творил добро, уготована награда у их Господа. Не изведает он страха и не постигнет их печаль» (2: 62; 5: 69); «Уверовали мы (мусульмане. — *Ю.М.*) в ниспосланное нам и ниспосланное вам (людям Писания. — *Ю.М.*). Бог наш и ваш — Один и Тот же [Бог Единый], и мы предаемся Ему» (29: 46); «Мы (мусульмане. — *Ю.М.*) вершим свои деяния, а вы (люди Писания. — *Ю.М.*) — свои. Нет у нас причины враждовать друг с другом. Бог соберет всех нас вместе, и к Нему мы возвратимся (42: 15); «Ты [, Мухаммад,] <...> непременно убедишься, <...> что самые дружески расположенные к верующим [в Коран] те, кто говорят: «Ведь мы же христиане!» Это потому, что среди них есть священнослужители и монахи и они (христиане. — *Ю.М.*) не высокомерны» (5: 82); «О обладатели Писания! Основы [веры] вы лишитесь, коль Тору и Евангелие* не будете блюсти, а также то, что помимо них ниспослано вам от вашего Господа!» (5: 68).

Не ставя под сомнение огромную положительную роль основных конфессий, представленных в России, и в первую очередь православия, хотим подчеркнуть, что понимание вероучения ислама и, в частности, его главной книги — Корана позволит, с нашей точки зрения, преодолеть сумятицу во многих головах, резко понизить градус агрессивности у одних и вернуть других в ряды россиян, трудящихся во благо Отечества.

В письме Алексею Сергеевичу Суворину от 7 января 1889 года Чехов, говоря о том, что именно его подвигло к сочинению пьесы «Иванов», сказал: «Я лелеял дерзкую мечту суммировать всё то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях». Чтобы преодолеть ипохондрию, необходимо, на взгляд Антона Павловича, «чувство личной свободы», а чтобы его обрести, «надо *выдавить из себя по каплям раба*», и тогда, продолжает писатель, в жилах человека потечет не рабская, а «настоящая человеческая кровь».

Именно программу выдавливания из себя всего рабского, преодоления зависимости от тварного (вспомним уже

* Под «Торой» и «Евангелием» мусульмане понимают соответственно Пятикнижие Моисеево и Четвероевангелие, но довольно часто — Ветхий и Новый Заветы.

упоминавшиеся наркоманию, социальную индифферентность, бездуховность, эгоцентризм и т. д. и т. п., в общем всё, что в исламе именуется ширком), программу превращения «раба собственных страстей» в полноценного гражданина и патриота, сознающего свою зависимость от одного лишь Бога; превращения в социально активного нравственного человека, знающего ответ на вопрос, в чем смысл его жизни («Русский человек страдает от бессмыслицы жизни». — *Семен Франк*), и предлагает нам Коран.

Вот почему мы считаем столь важным для российского общества, переживающего ныне нелегкие времена растерянности и апатии, томимого «духовной жаждой», религиозно оголодавшего, открыть для себя Священное Писание мусульман.

С благодарностью вспоминая о той заинтересованной реакции, которую проявили многие верующие, ознакомившиеся с журнальными вариантами помещенных здесь материалов и настоятельно рекомендовавшие выпустить их отдельным изданием, хотим выразить надежду, что сделанные нами многочисленные изменения и дополнения послужили улучшению текстов и оправдают чаяния как мусульман, так и всех, кто не пожалеет времени для вдумчивого прочтения этой небольшой книжки.

В заключение хотим выразить особую признательность всем, кто в той или иной степени содействовал появлению данного издания, и в первую очередь А.И. Бляхеру, Л.В. Бесмертных, А.И. Антипову, Е.М. Забродиной, Д.А. Андрееву, А.Г. Курбанову, В. Садуру, В.И. Матузовой, Т.К. Ибрагиму, Н.И. Пригариной, на разных этапах сделавших множество ценных замечаний, способствовавших устранению ошибок и рождению новых идей, В.В. Попову, Послу по особым поручениям МИД РФ, уговорившему автора взяться за подготовку этой книги и приложившему немало усилий для ее появления на свет, и конечно же В.Т. Третьякову, главному редактору журнала «Политический класс» и еженедельника «Московские Новости», ведущему телепередачи «Что делать» (канал «Культура»), разговоры с которым об исламе вылились в заказ им для его обретавшего жизнь журнала первой представленной здесь статьи и фантастически быструю публикацию второй.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЛОЖЕНИЯ С КНИГОИЗДАНИЕМ ДЛЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

Ислам — религия активного социального действия. Каждый мусульманин стремится вести не только праведный образ жизни, но и преобразовывать для этого общественную среду вокруг. Важно, в какие формы облекается эта деятельность, куда направлен религиозный порыв верующего, что он считает для себя обязательным, что допустимым, а что запретным. Вот здесь и начинаются проблемы.

Основой для принятия решений в исламе являются Коран, Сунна пророка Мухаммада, согласованное мнение религиозных авторитетов и т. д. Понятно, что в Коране не каждый разберется, Сунну мало кто знает. В помощь верующим существует колоссальная литература на арабском языке. Но арабским владеют единицы, да и нужные труды далеко не всегда доступны, не каждому из них можно доверять. Приходится обращаться за советом к единоверцам. Но и единоверцы-то бывают разными. И чем менее осведомлен вопрошающий, тем проще недобросовестным лицам заморочить ему голову. Так вот, если такой невежественный, но неутомный мусульманин доверчиво внимает «подкованным» наставникам, заряженным на агрессию, он и ведет себя соответствующим образом, пребывая в уверенности, что тем самым следует Завету с Богом, т. е. договору, заключенному Всевышним с верующим человечеством, договору, который, по понятным причинам, выше любого светского законодательства и аргументации иноверцев и атеистов.

Очевидно, что в условиях неуклонного роста численности мусульман в России, в том числе и прежде всего среди русских (а именно — наиболее неравнодушной их части, видящей в

исламе действенный инструмент для преобразования общества, «наведения порядка»), первоочередной становится задача религиозного просвещения.

Что же мы имеем на сегодняшний день? В глаза бросается множество поверхностных брошюр всевозможного толка, сочиненных в основном арабами, иранцами и турками, «мобилизованными и призванными» на фронт оболванивающей пропаганды. Изначально эти книги адресовывались авторами их соотечественникам и написаны с учетом ментальности данной категории читателей. Ряд публикаций не только не дает целостного взгляда на ислам, но откровенно выпячивает его отдельные стороны, гиперболизуя, например, все аспекты, связанные с оборонительной доктриной, свойственной цивилизационной парадигме этой религии, и истолковывая оную (доктрину) как наступательную. Абсолютное большинство книг построено по принципу догматического изложения неких взглядов, в которые читателю остается только верить (и претворять в жизнь), в то время как ислам — религия, обращенная прежде всего к разуму человека, предполагающая осмысленность поступков в свете норм шариата, т. е. правил повседневного поведения, регламентированных Создателем. А потому добротная литература для мусульман призвана обучить их думать собственной головой, стремиться к самосовершенствованию путем самовоспитания и самообразования, выработать в себе здоровую толику скептицизма. Если проводить поверхностную аналогию, то у русскоязычных мусульман нет сегодня даже простейшего, но внятно написанного вероучительного пособия вроде «Закона Божьего», медресе не обеспечены профессиональной учебной литературой, уровень подготовки преподавателей исламских учебных заведений оставляет желать много лучшего, а потому те, кто решил посвятить жизнь делу Веры, отправляются на учебу преимущественно в Саудовскую Аравию, Алжир и Египет (обычно за счет принимающей стороны!). К сожалению, с годами большинство из «отучившихся» так и не становятся исламскими богословами, застывая в своем развитии на уровне кондового начетничества, помноженного на полутрамотную русскую речь. Проблемой из проблем является отсутствие, за редким исключением, у мусульман России харизматических лидеров,

на которых власть могла бы опереться. А марионеточность некоторых бесконечно конфликтующих друг с другом «верховных» вождей, увенчанных чалмой, на руку лишь тем, кого устраивает кажущаяся незрелость исламского фактора на большей части территории России (принимать же за оный действия бандформирований в Чечне или вылазки экстремистов по меньшей мере нелепо).

Казалось бы, в силу профессиональных обязанностей исламом должны заниматься востоковеды. Но задач подготовки учебной и иной религиозной литературы перед ними никто и никогда не ставил, да они к этому и не готовы, а посему те тексты, что выходят из-под их перьев, интереса у большинства мусульманской аудитории не вызывают. Немаловажно, что среди исламоведов (у многих мусульман этот термин вызывает неприкрытое раздражение, поскольку, по их мнению, несет в себе отрицательную (антиисламскую) коннотацию, обозначая научную специализацию, которая сформировалась в лоне западной (западнохристианской) гносеологической традиции и призвана выполнить социальный заказ — доказать «ущербность/патологичность/вторичность/противоестественность/варварскость...» религии пророка Мухаммада и всего, что с ней связано) встречаются довольно известные личности, которые на дух не переносят ислам, и сей негатив весьма ощутимо сказывается при расстановке акцентов в подготавливаемых этими специалистами-провокаторами экспертных заключениях.

Массовое представление об исламе среди россиян, в том числе и у высшего руководства, сильнейшим образом искажено, что оборачивается грубыми просчетами, многие из которых дают о себе знать уже сегодня и с еще большей силой «аукнутся» в будущем (чего стоит откровенно конъюнктурная борьба с пресловутым ваххабизмом или сведение причин религиозного экстремизма к бедности исполнителей терактов). Сплошь и рядом российские политики жонглируют исламской терминологией, не подозревая о реальном значении этих сакральных для верующих слов, а порой и намеренно наполняя их ложным содержанием. Восприятие ислама элитой России как потенциальной угрозы будущему страны стало общим местом. Непонимание мировоззренческих

основ этой религии, ее социальной доктрины порождает в мятущемся мозгу российских (и не только) политиков животный страх. Этим страхом, а порой и неизбежным ужасом, поражено сознание интеллектуалов христианского Запада. Не сумев его преодолеть, они свыклись с этим состоянием, даже теоретически обосновали «столкновение цивилизаций». Для нашей же огромной страны, волею судеб оказавшейся связующим звеном (буфером, шлюзом) между двумя претендующими на планетарное лидерство мирами — мусульманским Востоком и христианским Западом, — жить с этим страхом противно природе российской государственности, а потому губительно для нее. Фантом «исламской угрозы человечеству» не дает спать некоторым горе-стратегам. Выработка внутренней политики сквозь призму такого одурманенного взгляда несет в себе тот разрушительный потенциал, для нейтрализации которого прикладывается сегодня столько сил. Власть своими руками создает себе и своему народу проблемы.

Понятно, что книжной продукцией не исчерпывается всё информационное поле, к которому обращают взоры мусульмане. Можно говорить еще о нескольких маргинальных малотиражных и совершенно невлиятельных газетах и журналах, интернет-сайтах, отдельных теле- и радиопередачах на федеральных каналах. Большинство последних отличает этнографический подход к исламу.

Поэтому ожидать каких-то добрых всходов на этой запущенной ниве просвещения не придется. Иногда складывается впечатление, что государство будет удовлетворено, если эта «нива» вообще останется безжизненным пустырем. Чем не классическая «страусова» позиция? Рост влияния ислама в России — процесс, объективно обусловленный; его при всем желании не остановить, и для властей предержавших лучше, пока не поздно, взять управление им на себя.

Российскому государству, ныне не на шутку озабоченному проблемой сохранения территориальной целостности, надо на время забыть о своей иллюзорно-мишурной светскости и заняться координацией и финансированием религиозного просвещения российской уммы. Да и немусульманам будет полезно уразуметь, что же такое истинная вера Пророка единобожия, понять, где здесь созидательный потенциал (а он огромен!) и

как можно на него опереться. Вообще необходима масштабная долгосрочная государственная программа по позиционированию ислама в России (разработать ее нетрудно). Мусульмане не на словах, а на деле должны ощутить живейший и доброжелательный интерес к ним со стороны государства, которому пора наконец уяснить, что в поле его конституционной ответственности как государства светского должны бы оказываться и дела религиозные, когда речь заходит о защите духовного здоровья граждан от всякого рода бацилл в религиозной оболочке. Власти давно пора озаботиться тем, чтобы у верующих был выработан стойкий иммунитет к агрессии на почве веры. Способ профилактики таких недугов известен — духовная вакцинация населения. Наиболее эффективное средство — просвещение (которое никак не может быть сведено к тем набившим оскомину трафаретам о миролюбивости ислама, что с кислой миной озвучивают должностные лица). Тем самым будет сделан решительный шаг к искоренению самой возможности взрывания в отечественной молодежной среде будущих Басаявых, не говоря о легко прогнозируемом подъеме патриотических настроений среди российских мусульман.

Когда, бывая на Кавказе, порой слышишь: «Россию спасет ислам», надо понимать, что говорящие это наши соотечественники (представители так называемого «религиозного меньшинства», коим они себя не ощущают, но унижение от такой характеристики испытывают в полной мере) обычно имеют в виду простую мысль: лишь ислам с его категорическим неприятием бесхозяйственности, мздоимства, казнокрадства, всякого рода паразитизма за счет других людей (не говоря уже о воровском беспределе, что творился в годы ельцинской приватизации), позволит навести в государстве порядок. Налицо обостряющееся желание жить в обществе социальной справедливости и отсутствие видения других средств достижения этой цели, кроме как путем перестройки системы общественных отношений на основе регламентации всех сторон жизни Божественным правом (шариатом). Создавая новую Россию, было бы верхом политической близорукости игнорировать эти пока еще до конца не оформившиеся чаяния 20-миллионной массы верующих, самой религией подгалкиваемых к активной борьбе со злом (приобретающей подчас самые крайние

формы, степень радикализма которых во многом обусловлены психологическим настроением верующих, религиозной компетенцией как основной их массы, так и лиц, претендующих на духовное лидерство; провокаторы и одержимые — не в счет). «Добро должно быть с кулаками!» — заявил некогда русский поэт, ныне православный публицист-державник, Станислав Куняев, невольно снабдив российских мусульман емким императивом социальной доктрины ислама. А вот чем на практике они будут руководствоваться в борьбе со злом, государству хорошо было бы знать заранее, а лучше — вовремя подключиться к формированию соответствующей духовной платформы, не дав развернуться зарубежным «инженерам душ человеческих».

Если говорить о книгоиздании, то архинеобходим новый научно комментированный и высокохудожественный перевод Корана, адекватно передающий текст единобожного Откровения, что позволит каждому осознать человечность этой религии. Такой перевод надо будет всячески пропагандировать среди населения. К сожалению, сегодня самым тиражируемым является рифмованное переложение с английского на русский, выполненное Валерией Пороховой. Покажем на примере одного из аятов, чем оборачивается непрофессионализм в такой, казалось бы, безобидной на первый взгляд сфере, как перевод Корана. Прочитаем 127-й аят 3-й суры в исполнении Пороховой: «Может Он (Бог. — *Ю.М.*) [от тел неверных] любую отсекают конечность, повергнуть их и вынудить уйти с позором и крушением надежд»*. В квадратных скобках — самодеятельная интерполяция переводчицы. На память приходят ужасающие документальные кадры отсечения голов, кистей рук и ступней ног у пленников чеченскими боевиками. Нетрудно догадаться, откуда было почерпнуто представление о допустимости таких изуверств. Вот вам наглядное воплощение на практике положений «Вероустава», как именует свой «перевод смыслов» Корана В. Порохова. Хороши же эти «смыслы»! А что на самом деле написано в данном аяте Священного Писания мусульман? Во-первых, речь идет

* Коран. Перевод смыслов и комментарии. 3-е изд., доп. и перераб. М., 1997. С. 85.

не о «неверных», а о неверующих, что далеко не одно и то же. Во-вторых, аят связан с подготовкой мусульман к битве с язычниками у Бадра. В этом аяте Всевышний объясняет, как не надо атаковать противника и что следовало бы делать. В. Порохова, не зная коранического арабского и плохо владея английским, не поняла, что речь идет не о человеческих конечностях, а о флангах войск язычников. Правильный перевод, выполненный Виктором Ушаковым: «[Дарует помощь вам Господь,] чтоб часть (фланг) язычников отсечь и нанести удар такой им, чтоб обратились они вспять, надежду потеряв».

На Западе, озабоченном крайностями, к которым в достижении своих радикальных целей прибегают лица, ничтоже сумняшеся величающие себя мусульманами, нарастает вал публикаций, посвященных исламу, в том числе созданных религиозными авторитетами. Задачи этих книг — осмыслить данное вероучение, взглянуть на него непредвзято, очистить от террористической пены, сделать общедоступным всё высокодуховное и способствующее саморазвитию личности, что отличает эту религию. Наша же страна остается в стороне от этого процесса, хотя много больше других страдает от терроризма. Одна из причин — недооценка малочитающей властью роли печатного слова и, как следствие, отсутствие какого бы то ни было финансирования этого важнейшего с общегосударственной точки зрения направления формирования общественного сознания.

Российские мусульмане при поддержке государства должны быть обеспечены книгами, представляющими ислам в истинном свете. Эти книги могут быть созданы как российскими авторами, подготовке которых надо уделить специальное внимание, так и после тщательного отбора переведены на русский, в первую очередь с европейских языков.

Экстремизму, опирающемуся на религиозное мракобесие, догматизм, косность, дремучее невежество, массовую религиозную малограмотность мусульман, пора поставить мощный пропагандистский заслон, и книги, наряду с электронными и печатными СМИ, общественными мероприятиями общегосударственного масштаба, могут сыграть в этом отнюдь не последнюю роль. Чем глубже верующие будут понимать ислам, тем труднее будет их подвигнуть к нецивилизован-

ным формам отстаивания своих интересов. И от позиции государства в этом вопросе зависит слишком многое. Но, как известно, государство — это в первую очередь бюрократия, ни за что не отвечающая. Тем же немногочисленным представителям власти, которые уполномочены принимать соответствующие решения, недосуг разбираться в поднятых здесь проблемах. Проще тратить миллиарды бюджетных долларов на укрепление силовых структур, чем в тысячи раз меньше на книги, которые, по мнению правителей, читать просто некогда — всё время поглощено борьбой. Воистину сон разума рождает чудовищ, чудовищ в исламском обличье. Вряд ли какая-нибудь власть, привыкшая добиваться всего с помощью кулака, наполненного деньгами, способна понять, что такой путь бесперспективен. Ислам — религия *сопротивления насилию*. То, что в знании — сила, по-видимому, невдомек нашим премудрым правителям. А ведь ислам — это религия Книги! И первым словом, которое услышал Пророк единобожия от ангела Гавриила, явившегося к нему с Благой Вестью от Бога, было: «Читай!»

Итак, отношение к исламу пора решительно пересмотреть. Исламский фактор с его мощным потенциалом к единению уммы и защите основополагающих человеческих ценностей вполне может стать одним из столпов стабильности в регионах компактного проживания мусульман. Для этого государству совместно с представителями российской исламской интеллигенции и образованного духовенства предстоит продумать и создать условия, позволяющие, в частности, целенаправленно заполнить информационный вакуум, в котором по сию пору пребывает абсолютное большинство российских последователей пророка Мухаммада. Речь конечно же не идет о том, чтобы органы власти взяли на себя религиозное просвещение. Но необходимая финансовая и организационная помощь этому начинанию должна быть оказана.

По нашему мнению, поставленной задачей надлежит заняться специализированной некоммерческой структуре под патронажем Администрации Президента РФ.

Ее цель — превращение ислама, в лице российской уммы, в одну из фундаментальных основ единения России и ее экономического процветания.

Важнейшие задачи – содействие созданию авторитетного среди мусульман религиозного органа для реализации оговоренной выше цели; противодействие антироссийским акциям в псевдоисламском обличье; религиозное просвещение российских мусульман.

Метод – содействие становлению и укреплению/сплочению российской уммы на основе всемерной популяризации морально-нравственных устоев, образующих социальную доктрину мусульман (построение влиятельной религиозной организации, во главу деятельности которой должно быть поставлено активное культивирование праведности – по сути, здорового во всех смыслах образа жизни – как повседневной нормы, обязательной для соблюдения каждым гражданином России исламского вероисповедания).

Направления деятельности – выработка рекомендаций органам государственной власти на основе анализа текущей ситуации; подготовка и публикация широкого спектра книжных изданий (в частности, Корана, многотомной «Настольной библиотеки мусульманина»), статей для светских печатных СМИ; организация массовых мероприятий среди мусульман; ведение просветительно-пропагандистской работы через светские электронные СМИ; выпуск религиозных печатных СМИ, исламских теле- и радиопередач; подготовка религиозных кадров; учреждение российских и участие в международных конференциях; организация научных исследований; взаимодействие с зарубежными исламскими организациями; координация их деятельности на территории России.

Финансирование – бюджетные и спонсорские средства.

Что касается научно-издательского центра «Ладомир», в котором имеет честь служить автор данной статьи, то здесь хорошо знают имеющиеся в стране творческие кадры, внимательно отслеживают западные (и не только) публикации соответствующей тематики; в издательстве сформирована содержательная программа книжных публикаций по просвещению российских мусульман, готовится новый научно-комментированный перевод Корана. Дело за «малым»: государству осталось поддержать начинание государственной же важности.

ОТКРЫТЬ «ВРАТА ИДЖТИХАДА», НАЧАТЬ ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД!

Недавние волнения во Франции и «война карикатур» породили новый вал публикаций, посвященных исламу. Читая их, ловишь себя на мысли, что видишь ситуацию глазами цивилизованного европейца, из самых благих побуждений пустившего к себе в дом недавнего варвара и пытающегося найти объяснение внешне не мотивированному агрессивному поведению неблагодарного постояльца. Ответов накопилось уже предостаточно, но ясности не прибавляется.

К сожалению, развернутых, основательно аргументированных заявлений тех, кто обычно так любит выступать в СМИ от имени мусульман, мы не встречаем.

Общим местом экспертных заключений стала констатация тотального возрождения религиозного сознания в XX веке и повсеместного становления религиозного фундаментализма. Религия объявлена главной силой, мотивирующей и мобилизующей массы. При этом выражается сожаление, что, с одной стороны, мусульмане не хотят последовать примеру Запада и отделить Церковь от государства (Самюэль Хантингтон со товарищи), с другой — что у них «отсутствует институт, подобный Церкви», и это, мол, самым пагубным образом сказывается на мусульманском сообществе (Георгий Мирский)¹, третьи же настоятельно советуют последователям пророка Мухаммада просто скопировать «западную модель во всех деталях» (Дениэл Пайпс). Рецептам несть числа, суть же их всех сводится к одному: мусульманам предлагают перестать быть мусульманами!

Будучи не способными предложить ясное и понятное решение проблемы терроризма, многие политологи своей ангажированностью и некомпетентностью подливают масла в огонь и способствуют разжиганию пресловутого «конфликта цивилизаций»².

Мир полным ходом приближается к очередной точке бифуркации, налицо нарастание «тектонического напряжения», порождаемого усилением противостояния главных игроков на планете за расширение ментальных пространств, и никто реально не знает, чем всё это закончится. Мышление в категориях ньютоновского детерминизма, присущее нынешнему поколению политологов (футурологов) и характеризующееся построением прогнозных сценариев методом линейной аппроксимации хода истории — из прошлого в будущее, принесет человечеству еще немало бед.

Пора наконец уразуметь, что никакие события с участием мусульман не могут быть поняты и никакие советы не будут приняты, если вы опираетесь на так нравящееся вам, но не отражающее действительность представление об исламе.

Надо перестать морочить людям головы. Давайте *попробуем взглянуть на миф глазами мусульманина*, чтобы понять логику его поступков (ислам в целом чрезвычайно логичен и рационалистичен и исключительно во многом, если не сказать во всем, смыкается с позицией здравого смысла), при этом постараемся избегать набивших оскомину клише³. Задумаясь, почему шейх Юсуф ал-Карадави, один из самых авторитетных ныне мусульманских богословов, написал: «Предназначение Ислама — в разрешении реальных проблем, а не в пребывании в религиозных иллюзиях, несбыточных идеалах и мечтах. Эта религия адресована не крылатым ангелам, а обычным людям»⁴. Заодно поговорим о том, что России еще надо предпринять для системного искоренения социального радикализма с исламской окраской.

Божественное Мироздание и человек в нем глазами мусульманина

Ислам (*араб.*, букв.: «предание (зверение) [себя Богу без всяких условий]») — последняя по времени возникновения из трех монотеистических (авраамических) религий, отличительной особенностью которой является, в частности, *строгое единобожие* (чистое богопочитание), отрицающее какую бы то ни было возможность локализации извечно существующего единственного и единого (единосущного) Бога (*араб.* Аллах),

сотворившего два мира — посюсторонний (некоторые другие названия: этот, дольный, земной, греховный, ближний, чувственный, тленный, бренный, преходящий) и потусторонний (иной, горний, вышний, будущий, последний, последующий, сверхчувственный, грядущий, занебесный, вечный) — и управляющего их развитием, будучи трансцендентным им обоим.

Населив земной мир, Господь решил поставить над ним наместника (см.: 6: 165)⁵. Устрашившись колоссальной ответственности, от предложения Создателя отказались небеса, земля и горы;⁶ согласие же отвечать за судьбы Мироздания дал человек (см.: 33: 72). Всевышний по достоинству оценил это решение и, желая облегчить вылепленному Им из «сухой звонкой глины» человеку (15: 26; 6: 2; 32: 7) наместническую миссию, облагодетельствовал его бесценным даром — разумом и волей, для чего «вдохнул» в избранника «от Своего Духа» (32: 9; 15: 29; 38: 72)⁷, а также сделал бессмертным, наделив способностью к умножению (земная жизнь людского рода продлится вплоть до Страшного суда, бытие же духа индивида нескончаемо во времени). Инициировав таким образом человека⁸, Бог выказал ему огромное доверие, ведь, обретя способность к рефлексии, к самостоятельному суждению и волевому усилию, человек в отличие от других тварей Божьих обрел беспрецедентное право — решать, соблюдать ему установления Всевышнего или нет — «Кто хочет, пусть уверует, а кто не хочет — может отказаться» (18: 29). Тем самым человек взвалил на себя главный груз — быть свободной личностью (свободной в произволении вменять себе в обязанность Закон Божий или игнорировать его) и вместе с тем нести перед Господом ответственность за собственные деяния. Но Создатель и тут не оставил человека Своими благими заботами, поведав в удобной человеческому разуму форме — Откровения — то главное о Своем Творении, знание чего должно предостеречь наместника от совершения греховного (греховное есть только то, что негодно Богу). В награду за стойкость в вере человек по завершении земного пути будет определен в лучшую часть вышнего мира — Рай.

В свете сказанного весьма уместно вспомнить об одном из фундаментальных принципов современной космологии — Антропном принципе, фиксирующем связь между свойствами Метагалактики и существованием в ней человека. Извест-

но, что мир, в котором мы живем, представляет собой реальность, «каркасом» которой служит ансамбль физических констант, численные значения которых с необычайной точностью подогнаны друг к другу. Вероятность эволюционного сложения такого ансамбля ничтожно мала. Меж тем в иных условиях человек никогда не возник бы. А потому даже атеисты в большинстве своем не склонны отрицать целеполагание в развитии вселенной, на пике которого находится не просто жизнь, а мыслящая материя. По достижении этой, в определенном смысле конечной, стадии («настройки» на человека) вселенная обрела возможность взглянуть на самое себя, осмыслить себя и продолжить свое развитие уже в новом качестве — в диалоге с человеком⁹, наделенным способностью к богопознанию — «Небеса, землю и всё, что между ними, Мы сотворили только для проявления Истины» (15: 85).

Итак, Творение (так в дальнейшем будем именовать *этот мир*) и человек с его мыслями образуют одно целое. Собственно человек — составная, вершинная часть Творения, причем часть активная, наделенная потенциалом к созиданию. И что бы он ни предпринимал, плохое или хорошее, на Творении сказываются его мысли и поступки. В пользу этого свидетельствует фундаментальный Принцип всеобщей взаимосвязи, действующий на всем пространстве бесконечной вселенной («всё оказывает влияние на всё, и со временем это всё неумолимо расширяется»¹⁰). Кстати, физическое единство мира — одно из весомых доказательств единственности Творца.

Схематично человека можно представить как неустойчивую систему, в которой «земное» противостоит «духовному». И то, сохранит эта система равновесие или выйдет из него, зависит, помимо Бога как Вседержителя (Пантакратора), от самого индивида, его разума. Оптимальной точкой в кривой качаний этой системы является точка равновесия, «золотой середины». Если эту точку развернуть во времени, получится линия, называемая в исламе «прямым [Богом указанным] путем» (1: 6). Всякое же отклонение от этой линии следует толковать как знак совершения прегрешения, и, чем «отпадение от Бога» значительнее, тем сильнее амплитуда отклонения. Понятно, что жизненный путь каждого человека начинается в момент его рождения, когда младенцем он покидает тело матери — гармонизированную с окружающим миром среду (это на-

чальная точка «пути»¹¹, и с неизбежностью завершается на Страшном суде у Бога (соответственно в конечной точке «пути»)¹². А вот то, насколько «прямым» окажется этот «путь», всецело зависит от воли и разума индивида, если, разумеется, Создатель не распорядится иначе¹³ (как начальная, так и конечная точки «пути» всегда остаются неизменными, независимо от того, жизнь блаженного или жизнь грешника они маркируют). Лишь у абсолютного праведника линия жизни совпадает с «прямым путем».

Оказавшись свободной личностью, человек отнюдь не перестал быть частью Творения. Что бы ни попало в человеческие руки — всё это достояние Бога¹⁴. Даже собственное тело и жизнь не принадлежат человеку, ведь он никоим образом не причастен к их появлению — не создавал ни рук, ни ног, ни даже отдельных молекул. Но, поскольку в момент его рождения ему было оказано Творцом величайшее доверие и человек удостоился чести стать своего рода биологической оболочкой для «дуновения» Самого Бога («человек как храм Божий»), жизнь его приобрела священный статус. Поэтому Коран и ставит знак равенства между убийством/сохранением жизни одного безвинного человека и гибелью/сбережением жизней всех людей (см.: 5: 32; причем такой грех, как распространение нечестия, также кодифицируется Священным Писанием мусульман как старание к погублению человечества, ведь терзающий собственное естество беззаконием угашает в себе свет искры Божьей, повергая охлаждающую душу в богопустынную мглу).

Вдохнув в Творение «от Своего Духа» и активизировав в нем (Творении) разумное начало с креативным потенциалом, Бог предоставил этой мыслящей субстанции относительную самостоятельность, оказав ей тем самым высочайшее доверие и объяснив, чего от нее ожидает.

Выражаясь формально, проинструктированному Богом человечеству его Домоустроитель доверил управлять сложной открытой нелинейной самоорганизующейся системой. Объектом управления при этом является, в частности, и сам орган управления. Иначе говоря, будучи частью Божественного Универсума, множество индивидуальностей, составляющих человечество, должно управлять наряду с внешним материальным миром еще и самим собой, всей людской массой,

неся в полной мере ответственность за совершенные ошибки. Всё плохое, как и всё хорошее, содеянное человеком, равно как и его мысли, накапливается в Творении, изменяя его, и, в соответствии с Принципом всеобщей взаимосвязи, «эхом» отзывается на человеке.

Человечеству всякий раз приходится осмысливать происходящие изменения как результат своей деятельности. В этом процессе оно выступает как единый организм, обладающий коллективным разумом. (Фундамент этого единства — Божественное основание человеческой природы; строгое единобожие, в сущности, и означает преданность человека собственной идеальной природе.) Мысль здесь — действующая природная сила, оказывающая определяющее влияние на состояние преобразуемой реальности. И чем эффективнее в следовании заповедям Создателя труждается человечество, тем более значимым в Творении становится пространство ноосферы, как бы разрастаясь в объеме по отношению к «бездумной» материи. С появлением разума состояние Творения оказывается в прямой зависимости от состояния мысли¹⁵.

В свете сказанного уместно говорить о духовности Творения. Дух открывает для себя возможности в природном, материальном, светском (что неудивительно, ведь Творец всего сущего один). Вся необъятность материального образует поле действия духа.

Человек и Божественные ресурсы

Духовное и светское в исламе не являются различными сферами, и природа поступка, каким бы важным со светской точки зрения он ни был, определяется складом ума совершающего его человека. Именно невидимое, ментальное основание действия в конечном счете и задает его характер.

Выше уже говорилось о человеке как неравновесной системе. Выполнение наместнической миссии подразумевает следование духовным основаниям. Но, будучи частью Творения и являясь поэтому материальным существом, человек должен удовлетворять потребности своего тела. На эти цели Бог разрешил расходовать любые (за исключением заведомо вредных) материальные ресурсы Творения: «подчинил» человеку «землю», то есть отдал в пользование все блага все-

ленной — «Так странствуйте же по ее просторам и вкушайте из дарованного Им удела» (67: 15), подчинил человеку «то, что на небесах и на земле, одарил милостями и явными, и недоступными [разумению человека]» (31: 20), сотворил для него звезды, чтобы он находил «по ним путь во мраке суши и моря» (6: 97), приспособил к его «нуждам ночь и день, солнце и луну, звезды — и они покорно исполняют Его веления» (16: 12), придал небу свойства «надежного крова» от губительных для человека ультрафиолетовых лучей и небесных тел, падающих на землю (см.: 21: 32)¹⁶, и т. д. и т. п., в общем — всё для человека, всё для его блага, его религии и жизни, для того, что способствует сохранению его интеллекта, нравственности, чести, имущества и человеческой природы (как самостоятельного и одновременно коллективного существа). Но главное: потребление даровано Создателем не как самоцель¹⁷, а как то, без чего невозможна духовная жизнь и практическая реализация (материализация) ее плодов. В силу этого и потребности человека должны удовлетворяться в той мере, в какой они отвечают этим задачам (вспомним весьма уместный в данном случае афоризм «Я ем, чтобы жить, а не живу, чтобы есть»).

Чтобы неравновесная система человека оставалась в точке «золотой середины»¹⁸, должны строго соблюдаться Божественные заповеди. Но в этом-то и состоит главная трудность. Недаром, когда ангелы узнали, кого именно Бог поставил Своим заместником, они изумились: «Неужто Ты поселишь там того, кто будет распространять нечестие и проливать кровь, тогда как мы прославляем Тебя хвалой и освящаем Тебя?» (2: 30).

Тем «органом» (балансиром), что призван удерживать человеческую систему в равновесии, является разум индивида. В Коране словно набат звучит: «Быть может, вы уразумете!», «Воистину, во всем этом знамения для разумных людей!», «Неужели вы не уразумете?» — и т. д. и т. п. Постоянная «включенность» сознания, неослабеваемость интеллектуального напряжения — это, по Корану, *естественное* состояние правоверного мусульманина. Вспоминается Декартово «*Cogito ergo sum*» (лат. «Мыслю, следовательно, существую»). Отсюда несложно понять, почему осуждаются любые действия, вызывающие помутнение рассудка, лишение человека душевного спокойствия, всё, что распаляет страсти, наркотическое и

эмоциональное опьянение. А поскольку наместничество — это ежесекундная реализация воли Бога¹⁹, что предполагает постоянную духовную связь с Ним, жизненная миссия человека оказывается под угрозой. «Земное» — это та ахиллесова пята, через которую нечестие (персонифицированное в Сатане) пытается воздействовать на человека, и поэтому разум последнего должен быть постоянно начеку, не давая духовному оку смежиться. Ради поддержания необходимых для этого «бодрости духа и ясности мысли» мусульманину необходимо совершать «зарядку для души», регулярно мысленно восходя к Богу с молитвой, помяная Его («<...> их сердца утешаются поминанием Всевышнего» (13: 28)) и тем самым всякий раз активируя с Ним двустороннюю связь (Творец связан с человеком всегда, тот же далеко не всякую секунду помнит о своем Господине, Устроителе жизни каждого верующего, его Наставнике и Спасителе) — «<...> если богобоязненных людей коснется наваждение от Сатаны, то они вспоминают [о Боге] и прозревают» (7: 201)²⁰. В этом смысле Коран — суть ниспосланный нам Небесный Камертон, помогающий поддерживать правильную «настройку» на Создателя.

Жить в этом мире и быть свободным от него, жить в нем, но без остатка вверять себя Тому, Кто *вне его*, Кто зиждит его и лишь феноменально проявлен в нем, — вот кредо авраамического монотеизма, символ веры *подлинно свободной* личности. «Не сотвори себе кумира», трона порока, вериг души, слепоты вежд, расторгни узы лжи, укорени на сердце Истину, прозри, кто в Доме Господин, и, не перечая ни в чем, исполнись Ему подчинением, взойди на просторы Бытия не прахом ничтожным, отродьем презренным, сиротой бесприютным, холопом земли, но Человеком, Возделывателем твердей сотворенных, Рабом Архистратига мирозданий.

Будучи наместником Всевышнего, находясь всецело в Его власти и под Его защитой, призванным реализовывать Его волю, мусульманин («раб Бога»), дабы «трезвенствовать умом от мертвых дел и внимать душою всякой час», неизменно сопровождает свои действия упоминанием имени Господа, подчеркивая, что всё совершаемое им (верующим) делается ради Создателя и во имя Его²¹. Как же в таком случае совмещаются свобода воли и полная зависимость человека от Творца, подотчетность Ему? Ответ прост: надо прилагать все усилия для

реализации своих намерений, для изменения существующего порядка вещей, уповая на содействие Всевышнего, а что окажется неподвластным, то и следует стоически принимать как *испытание* от Создателя (см.: 31: 17). В конце концов для истинно верующего должен быть важен не столько конечный успех или неуспех в каком-то «земном деле», а то, с какой мотивацией оно совершалось — на «пути к Богу» или в отклонении от этой стези — на «пути к Геенне». Поэтому подлинным успехом будет зачет дела как благого, а не греховного *на Последнем суде*. Точно так же никакие неудачи, неприятности и беды в *этом* мире неправомерно истолковывать как обязательно наказание Божье (хотя и это не исключается, но даже и наказание призвано подвигнуть человека одуматься). В основном всё это лишь *испытание* для человека (к этой теме мы еще вернемся). А вот неприятности на том свете — это действительно настоящая кара, поскольку лишь Всевышнему ведома вся правда земной жизни (см.: 39: 70).

Ислам весьма щепетилен в вопросах о способах приумножения благосостояния индивида. Поощряются те доходы, от которых выигрывает общество в целом и которые не оборачиваются убытком для кого бы то ни было²².

Юсуф ал-Карадави решительно заявил: «<...> истинно верующие — не те, что восседают в мечетях, дервишеских обителях и монастырях. Истинно верующие — это деловые люди (бизнесмены), которых мирские дела не отвращают от религиозных предписаний»²³. Пророк Мухаммад остерегал: «Нищета — путь к неверию».

Ростовщичество²⁴, лотерейный бизнес, пари, азартные игры (то есть то, что связано с рисковыми обязательствами), воровство, принуждение к заключению сделок, лживая реклама, мошенничество, взяточничество, обман («Не обмеривайте и не обвешивайте людей, не обманывайте их в имущественных вопросах <...>» (7: 85); «Будьте верны обязательствам» (5: 1)), а также всё способствующее им, резко осуждаются, что неудивительно, ведь общественное богатство («имущество Бога») при этом не прирастает, просто его часть как бы перекладывается из кармана одного «раба Божьего» в карман другого²⁵.

С позиций ислама взимание процентов подразумевает присвоение чужой собственности без предоставления компенсации. Отдать деньги «напрокат» еще не значит получить пра-

во на долю от результатов чужого труда (собственность человека неприкосновенна), не говоря уже о снятии с себя ответственности за неудачу предприятия, в которое деньги были вложены. Стороны должны делить как риск убытков, так и доход пропорционально фактическому участию в деле (перед Богом, Держателем благ и Высшим Судией, все равны)²⁶. У лихоимцев, живущих за счет ростовщичества, пропадает необходимость зарабатывать своим трудом. Сильные не должны обогащаться за счет слабых, поскольку это раскалывает общество. Распространение взяточничества обрекает общество на коррупцию и разложение. Принимаются несправедливые решения, в то время как справедливые блокируются, недостойным создаются льготные условия, при том что достойные не получают положенного. Общество «разъедает дух конъюнктуры, вытесняя дух ответственности». Экономика должна служить целям совершенствования общества. А потому в целях обуздания «духа наживы» допускается вмешательство государства в деятельность частных лиц и частных предприятий. Азартные игры плохи не только потому, что, с точки зрения ислама (а значит — Бога), одни незаконно наживаются, а другие бестолково тратят деньги, но еще и потому, что эти игры делают человека зависимым от «воли случая, удачи и пустых надежд», отвлекают от достойного и полезного труда, предписанного Всевышним. Человек теряет голову, страсть всецело поглощает его — «<...> своим богом сделал собственную прихоть» (25: 43), — отнимает силы и время. Возникает известная психиатрам зависимость (истолковываемая исламом как форма языческого поклонения), «земное» подавляет в человеке «духовное», Сатана торжествует («Они (т. е. рабы своих похотей, «мертвые души», «каменные сердца». — Ю.М.) — всего лишь подобие скотов» (25: 44)). Недаром Коран ставит знак равенства между опьяняющими напитками и азартными играми, лотереей (см.: 5: 90–91).

В связи с тем, что главным в человеке является духовное, исламом в первую очередь приветствуется развитие способностей, которыми Бог наградил Своего избранника (вспомним о «вдохновении» от Духа Создателя), благодаря чему Творение может совершенствоваться. Именно в конкретных индивидуальностях и проявляется бесчисленное разнообразие живых форм, в которых Всевышний раскрывает безгранич-

ное богатство Своего Бытия. Именно в человеческих талантах, Божественных по природе, этой милости Создателя и знаке Его величайшего доверия, заключен тот неисчерпаемый ресурс, на основе которого только и может строиться доктрина социального жизнеустройства человечества, запитываться «вечный двигатель» прогресса. Погубить свой талант, зарыть его *в землю* (в «земное» — сколь неожиданно и убедительно зазвучала эта метафора!) — всё равно что убить себя («Не пренебрегай своей долей в этом мире <...>» (28: 77)).

Человек со всеми его творческими задатками и врожденными идеями, способностью к богообщению, рациональному труду и воспроизводству популяции — вот *главный ресурс Творения*. Раскрываясь в своих дарованиях, наместник Божий оказывает на Реальность всё большее влияние, изменяясь (обогащаясь) вместе с ней и умоцняя тем самым свои «ресурсные» возможности.

Поскольку человечество — это единый организм, спаянный Божественным началом, оно (человечество) не вправе оставаться равнодушным к судьбам своих членов и потому несет за них консолидированную ответственность перед Богом — как за их жизни, так и за реализацию их дарований²⁷.

Человек в принципе не может состояться как полноценная личность вне социальной среды — сообщества индивидов, каждый из которых движим от рождения желанием развить свои способности. Однако сложившееся сегодня повсеместно положение вещей таково, что благоприятные условия для самореализации одного («счастливчика», «баловня судьбы») оказываются возможны лишь за счет ущемления соответствующих фундаментальных прав другого (порой многих других). Каков же выход? Исламская антропология дает недвусмысленный ответ. Стяжанием щедрот этого мира ослеплены ныне сердца большинства людей, слепь и рядом в угоду материальным выгодам на алтаре прихотей приносятся богоданные способности. Но ведь «не хлебом единым» должен жить человек. (Да и можно ли назвать человеком (т. е. тем, кто рожден для наместничества) того, кто пренебрегает своим призванием?) Телеологическое измерение всякой деятельности должно стать для верующего главенствующим. Не «кто успел, тот и съел», не «каждый сам за себя», не «человек человеку волк», а «один за/для всех и все за/для одного». Приобретший блага на пути

Господа должен, твердо памятуя об их истинном Подателе, облегчить другому восшествие на стезю Света, помочь встать на ноги и окрепнуть «вдохновенному» в этом человеке «гению».

Согласно второму началу (закону) термодинамики²⁸ (также установлению Божьему, как и все законы для физического мира), любая изолированная система стремится к восстановлению равновесия, а потому для неуклонного развития Творения человек обязан постоянно прикладывать усилия, быть *постоянно активным* в ноосфере, иначе его ждет гибель в «трясине (омуте) “земного”». Способность вырабатывать креативную энергию — уникальный дар от Бога²⁹. Всевышний ничего не дает «просто так». Дар должен быть поставлен «на службу делу Создателя».

В свете вышесказанного не нуждается, по-видимому, в особых обоснованиях нетерпимая позиция ислама по отношению к попрошайничеству, тунеядству, обломовщине, бессельному (бессмысленному) времяпрепровождению, «убиванию времени» (= самоубиению соответствующей части своей жизни), в общем, к паразитизму в любой форме. Поэтому, с точки зрения этой религии, добросовестный мирской труд — один из видов поклонения Богу³⁰. Мусульманин (от *араб.* муслим, букв.: «предавший [себя Богу]») *не может не быть активным* в борьбе за дело Господне, в отстаивании своих и своей общины интересов, не должен пасовать перед трудностями³¹. «Кто добровольно и покорно принял унижение, — предостерегал Посланник Божий, — тот не мой сторонник». С другой стороны, «Всевышний спрашивает с каждого только в меру его возможностей» (2: 286).

Ислам не считает верующим человека, если его вера сводится к механистическому повторению ритуальных актов (обрядоверию) или представляет собой пассивное, слепое принятие всего, что сказано или написано.

Акт веры — это в первую очередь волевое, координируемое разумом усилие (*араб.* джихад) по преобразованию окружающего мира на духовных основаниях. Иными словами, истинно верующий — это одухотворенная личность с активной жизненной позицией. Вера в исламе не может стать актуальной без подкрепления ее интеллектуальной рефлексией индивида³². Поэтому нет ничего удивительного в том, что в отличие от иудаизма и христианства с их чудесами, рассчитанными

лишь на чувственное восприятие («достаточно только верить»), Коран, главное из чудес ислама, адресован разуму человека.

Никакая крайность исламом не одобряется (вспомним образ неравновесной системы), при этом любой ресурс Творения, который может быть развит, приумножив тем самым общественное благо, *должен быть* развит, иное — грех перед Богом. «“Лучший из вас, — вразумлял пророк ислама Мухаммад, — не тот, кто ради небесного пренебрегает земным, и не тот, кто поступает наоборот; лучший из вас тот, кто черпает от обоих”. Следуя этой ценностной парадигме, — пишет Тауфик Ибрагим, — мусульманская этика отвергает безбрачие, благословляет труд и [нажитое им] богатство. <...> Социальная доктрина ислама пронизана эгалитаризмом, солидаризмом, активизмом и антиаскетизмом»³³.

С любым ресурсом Божьего Творения необходимо обходиться предельно рачительно, а потому ислам осуждает жадность, скарედность, равно как и роскошь, расточительство, считая последние бесполезными тратами. Поощряется благотворительность, но лишь в отношении тех, кто в этом действительно нуждается³⁴. Мусульманин должен отличаться умеренностью и бережливостью, следить за своим здоровьем, заниматься спортом, в общем, вести здоровый образ жизни. Любое излишество — это всегда ущерб чему-то благому (вред чревоугодия, например, очевиден³⁵). Роскошь (но не состоятельность!) считается верным показателем царящей в обществе социальной несправедливости, противной заповедям Господним.

Правоверный мусульманин (как актер Бога в Его Творении) *не может не быть сосредоточен на приумножении блага*, а потому ему не могут быть присущи те черты, которые давно воспринимаются цивилизованным сообществом как неприемлемые: несдержанность, в том числе нетерпимость к окружающим³⁶, кичливость, чванство, лицемерие, хвастовство³⁷, склонность к сквернословию, грубости, клевете, распутству (молодой женщине, например, запрещается выставлять напоказ перед посторонним мужчиной свои «прелести», то есть то, что способно «свести его с ума» и тем самым отвлечь от праведных дел (см.: 24: 31), мужчине же надлежит тупить взор и заботиться о своей добродетельности (см.: 24: 30)). Если тело, одежда и место моления нечисты, молитва не будет

услышана. Ислам пресекает всё, что может нанести вред вере, морали, чести и нравственности людей.

Коран призывает: «Не отдавайте неразумным людям [в управление] ваше имущество <...>» (4: 5). А ведь касается это не только межличностных отношений, но и страны в целом! Государственная должность должна предоставляться лишь тому, кто способен принести гражданам (а следовательно, и Провидению) максимальную пользу. Аналогичные требования надлежало бы предъявлять и к руководителям религиозных общин. Карьера не может быть самоцелью мусульманина³⁸. Запустение плодородных земель столь же греховно, сколь и нещадная эксплуатация природных богатств. Приумножение состояния ради самого состояния, накопление благ с одновременным их выведением из хозяйственного оборота — всё это виды «деятельности», наносящей «урон» Всевышнему³⁹. Мужчины и женщины, находящиеся в репродуктивном возрасте, должны иметь семью и детей⁴⁰.

Рачительности способствуют соревновательность, конкуренция, поэтому ислам выступает за действительно свободный рынок, против монополизации и искусственного манипулирования ценами.

Отношение мусульманина к ресурсам Творения, то, как он распоряжается данной ему свободой, скажется определяющим образом на его посмертной судьбе. Земная жизнь со всеми ее горестями и радостями — это нечто вроде одного затянувшегося экзамена на право оказаться в лучшем из миров («Он — Тот, Кто поставил вас преемниками на земле и вознес по степеням одних над другими, чтобы *испытать* вас в том, что Он даровал вам» (6: 165); «<...> Мы установили вас преемниками на земле, дабы *посмотреть*, каковы окажутся ваши деяния» (10: 14); «Каждая душа вкусит смерть. Мы подвергаем вас искушению добром и злом ради *испытания*, и к Нам вы будете возвращены [после смерти]» (21: 35)⁴¹). Бог, собственно, и объяснил, как надлежит поступать, чтобы достойно выдержать этот экзамен⁴². Но человек, плоть от плоти «праха земного», слаб (см.: 4: 28; 30: 54) и склонен тащиться на поводу своих страстей, не в силах сопротивляться «земному притяжению». Меж тем «Бог не меняет положения людей, пока они сами не изменяют того, что в них самих. Если же Он пожелает им зла (т. е. не воспрепятствует чело-

веку совлечься в него. — *Ю.М.*), то ничто не отвратит от этого» (13: 11).

«Жребий человека в том и состоит, — пишет Мухаммад Икбал, — чтобы участвовать в глубинных процессах Универсума и формировать свою собственную судьбу так же, как и судьбу мира — то путем приспособления к его силам, то посредством использования всей своей энергии для создания собственных сил ради достижения своих задач и целей. <...> Если же человек неинициативен, не развивает внутреннее богатство своего бытия, если он перестает ощущать внутренний импульс движущейся жизни, тогда дух внутри него затвердевает, словно камень, и он (человек. — *Ю.М.*) сходит до уровня материи. <...> жизнь и поступательное движение его духа зависят от установления связей с реальностью, с которой он сталкивается. Знание — вот что устанавливает эти связи <...>»⁴³. М. Икбалу вторит Юсуф ал-Карадави: «<...> стремление к знаниям — обязанность каждого мусульманина <...>. Мусульманин, преднамеренно находящийся в темноте невежества, несомненно, обречен стать грешником»⁴⁴.

Ислам и научное знание

На недоуменный вопрос ангелов по поводу избрания человека заместителем «Бог ответил: “Воистину, Я ведаю о том, что вам неизвестно”. И Бог научил Адама всем именам, затем спросил о них ангелов и велел им: “Разъясните мне [суть] этих имен, если вы искренни”. Ангелы ответили: “<...> [Но ведь] мы знаем только то, чему Ты научил нас. <...>”. Бог сказал: “О Адам! Разъясни им [суть] имен”. Когда Адам разъяснил ангелам [суть] имен, Бог сказал: “Разве Я не говорил вам, что знаю сокровенное на небесах и на земле <...>?”» (2: 30–33)⁴⁵. Понятно, что теперь кое-что из «сокровенного» знал уже и Адам, праотец человечества.

Создатель научил человека концептуальному мышлению (способности давать вещам «имена») и снабдил памятью. Именованная всякой «вещи», в том числе живой твари, означает не только познание ее (его) богоданной сущности (вспомним словосочетание «имя существительное»), но, и это главное, — власть над ним, установление отношений ответственности. Наместник Всевышнего получил от Господа также дар интуитив-

ного постижения истины (мудрости) — умение видеть «сердцем» (32: 9) — «его сердце подтвердило то, что он зрел [воочию]» (53: 11, 17). Именно на сердце нисходит с Посланием Дух Верный (см.: 26: 193–194). Сердце наставляется на «прямой путь» (см.: 64: 11), оно же — орган «разумения», когда речь идет о духовных истинах: «Разве они не странствовали по этим землям — так отчего же их сердца не постигают сего и уши не слышат этого? Воистину, не очи слепы [их], но слепы их сердца, что [бьются в их] груди!» (22: 46). На сердце Мухаммада запечатлевался Коран (см.: 2: 97). «Я проснулся, а в моем сердце словно сделана запись», — вспоминал Пророк начало откровений. За каждодневно повторяющимися и уникальными явлениями природы и фактами истории Творец призвал человека видеть «знамения для разумных [людей]» (2: 164)⁴⁶, ведь в этих знамениях заключено прикровенное знание о Создателе. Тем самым Бог вооружил человека способностью к генерированию индуктивных и дедуктивных умозаключений, продуцированию и восприятию аналогий. По сути, Всевышний оснастил лучшее Свое творение инструментарием для познания и восхваления Его Самого — Праосновы мироздания, «всякого многообразия сущего», ведь только «в Нем коренится всё, поскольку всё исходит из Него как Первопричины и влечется к Нему как к последней цели. Всё участвует в Его Полноте и потому является подобием или, по крайней мере, хранит следы Его Величия»⁴⁷. Без богопознания наместничество в Творении невозможно, богопознание невозможно без науки, а наука, в свою очередь, была бы невозможна, если бы Творение, ее предмет, не имело единой Божественной «платформы». Какие бы явления Природы ни оказывались в поле зрения науки, она — верный союзник мусульман, приверженцев строгого единобожия, отрицающих наделение какой-либо части тварного мира Божественными функциями, отказывающих реальности в какой-либо ее сакрализации и потому расценивающих любые ограничения по изучению Творения как богопротивные.

Научная деятельность, с точки зрения ислама, — один из путей поклонения Всевышнему и приобщения к Нему⁴⁸ (законы природы — это выражение Его непреложной воли; наука лишь открывает их, но не объясняет), границы научного познания в определенном смысле — границы богопознания («Люди постигают из Его знания лишь то, что Он пожелает» (2: 255)). А по-

сколько вселенная бесконечна как на микро-, так и на макроуровне, то есть она информационно неисчерпаема, то в силу конечности научного знания человечество на любом этапе своего развития обречено знать о Творении, а соответственно о Боге, бесконечно мало (из общих оснований математического анализа известно, что любая конечная величина всегда бесконечно мала в сравнении с бесконечно большой). Вспоминается притча о художнике, хотевшем приблизиться к горизонту, чтобы нарисовать его покрупнее. Но сколько бы бедолага ни устремлялся к нему, тот оставался всё таким же недоступным. (С позиций теории Большого взрыва, вселенная конечна и во времени и в пространстве. Но в сравнении с возможностями человека масштабы ее столь велики, что допущение о бесконечности всё равно будет оправданным.) История естествознания свидетельствует, что, чем больше мы хотим знать о нашем мире, тем более сложным он представляется. Божественное бытие несказанно превосходит исторически актуальное для человека сущее — «Если бы из всех деревьев земли изготовили каламы, если бы к [Мировому] океану прибавили еще семь морей [, наполнив их чернилами], то и их не хватило бы, чтобы исчерпать Слова Божьи <...>» (31: 27). Наука может претендовать лишь на правдоподобное описание реальности, на всё большее приближение к истине физических процессов.

Разумеется, богопознание не сводимо к добыванию научного знания. «<...> Коран, сам представляющий Божье Откровение, — пишет Тауфик Ибрагим, — ориентирует прежде всего на откровение как первейший и надежнейший источник знания о Боге и о Его воле, воплощенной в Законе, — в предписанных людям правилах служения Всевышнему и общения их друг с другом. Только Божьим откровением мы посвящаемся в <...> Сокровенное, в тайны божества: сущность Бога, Его имена и атрибуты; в мир духов — ангелов, джиннов и демонов; в эсхатологические реалии <...>»⁴⁹. Как подчеркивал египетский просветитель Мухаммад Абдо, популярнейший теоретик и идейный вдохновитель мусульманских реформаторов, один из корреспондентов Льва Толстого, Бог является Автором двух Книг: одной, сотворенной, — Природы, Великой книги вселенной, другой — Откровения — Корана. Это своего рода Дело и Слово Божьи. Богословское и научное познания дополняют друг друга. При этом в рамках самого богословия, отра-

жая его двусмысленную природу, традиционно существуют «естественное» («естественнонаучное») богословие и богословие откровения. Известный современный ученый и теолог Джон Полкинхорн так охарактеризовал эту комплементарность: «Сфера деятельности науки — физический мир, который мы превосходим и который поэтому может быть подвергнут экспериментам. Сфера деятельности богословия — постижение Бога, Который превосходит нас и с Которым поэтому можно пытаться общаться, только вооружившись благоговейным страхом и смирением. Как только эти сходства и различия будут осознаны, мы сможем воспринимать науку и богословие как близких родственников в интеллектуальном смысле, несмотря на то, что объекты их исследования настолько отличаются друг от друга»⁵⁰. Чернила ученых Пророк ислама приравнивал к крови мучеников за веру⁵¹.

Известна древняя притча о встрече на дороге хромого и слепого. Один был зряч, но с трудом передвигался, другой — подвижен, но плохо разбирал дорогу. И тогда хромой взял слепого за плечи, и они зашагали по дороге вместе. Вот так и богословие, знающее ответы на вопросы «куда?» и «почему?», сопутствует науке с ее знанием ответа на вопрос «как?». Согласие веры и разума, «озарение [верующего] ума через сердце» (кн. Евгений Трубецкой), «осиявание души светом боголюбивого ума» (Антоний Великий) есть то необходимое условие, которое позволяет человеку быть сознательным мусульманином.

В процессе богопознания, в диалоге с Творцом человек постигает истину и о самом себе, о своем месте и роли в Мироздании, о свободе, дарованной свыше (в сей миг провидения он и становится Человеком). Но узнать об обретении свободы еще не значит стать свободным. А без последнего намеченность неосуществимо. Человек де-факто должен быть независим от всего сотворенного. Возвыситься же над миром, расторгнуть все узы подневольности дольнему может только набожная личность, разум которой в свободном поиске занебесного достиг интеллектуального пика, когда познал истину благовестия и воспринял ее как *очевидную*.

Иницированное и направляемое Богом познание Его человеком неотрывно от парного этому процессу познания человеком самого себя. Ведь богооткровенное знание ни для кого, за исключением самого человека, не представляет смыслообра-

зующей ценности, оно сущностно преломлено к человеку. И в этом плане ислам есть *научение (наставление) о Человеке*.

Ислам — активный борец со всеми формами язычества, многобожия (в том числе поклонением образам, могилам, умершим, мощам, камням⁵², верой в «плохие» и «хорошие» дни, приметы, гадание, астрологию, алхимию, оккультизм, хиромантию, колдовство, амулеты, талисманы, крестики, обрядки, ладанки и т. п.). Формой язычества считается любое безоглядное увлечение чем-либо (материальным или нематериальным, в том числе самим собой) в этом мире, когда человек начинает воспринимать реальность в искаженном свете, забывая, естественно, о Боге. Пророк единобожия замечал: «Несчастен раб динара, несчастен раб дирхама (т. е. соответственно золота и серебра. — Ю.М.) и несчастен раб лепешки и куска ткани». Всякий совершающий грех свидетельствует о себе как о *рабе* этого *фреха*. По воззрениям мусульман, язычник, равно как и атеист, живет в иллюзорном мире, в пространстве миражей, «королевстве кривых зеркал», поскольку не может отличить добра от зла, правды от кривды, разрешенного от запретного, похвального от осуждаемого, не способен понять истинную подоплеку происходящих событий, правильно оценивать собственные поступки. Недаром в Священном Писании мусульман Коран характеризуется как «[подлинное] руководство для людей, разъяснение прямого пути и отделение [истины от лжи]» (2: 185). Сам же ислам часто называют религией истины, ведь истинно только то, что Бог наделил таким статусом.

Судьба человека с точки зрения ислама

В Коране сообщается: «[Бог] сотворил всё сущее и придал ему должную меру» (25: 2). Помимо гармонизации Реальности, когда всё в ней было сбалансировано и взаимообусловлено, под «приданием меры» здесь подразумевается наделение судьбой⁵³. То есть каждому элементу бытия, в том числе человеку, Создатель уготовил его будущность⁵⁴. При этом ислам отвергает фатальную предопределенность. В противном случае о каком развитии Творения можно говорить — «Он приумножает в Творении, что пожелает» (35: 1) — и на

каком основании наказывать за проступки? По мнению Мухаммада Абдо, «фатализм, упование на другого сродни прямому отрицанию Божественной воли, желанию избежать ответственности за свои действия, непризнанию логики разума, который составляет основу веры»⁵⁵.

В Коране и речи нет об историческом процессе как о механистическом выстраивании спланированных загодя событий. Бог Сам наделил человека свободой волеизъявления, способностью к воображению лучшего мира и реализации задуманного, предоставив для этого пространство вселенной. А потому *под коранической «мерой»-судьбой следует понимать заложенные в человеке возможности к самосовершенствованию, самореализации*. И это обновление себя, самораскрытие своего внутреннего мира оказывается тем более полным (актуальным), чем духовнее становится человек. Аят «[Всевышнему] дано творить и повелевать» (7: 54), — пишет Мухаммад Икбал, — <...> означает, что сущностная природа [человеческой] души направляющая, поскольку она проистекает из направляющей энергии Бога <...>»⁵⁶. Из аятов «<...> каждый день Он за делом» (55: 29), «Не властны над Ним ни дремота, ни сон» (2: 255), «Мы сотворили небеса, землю и то, что между ними, за шесть дней, и Нас ничуть не коснулась усталость» (50: 38) прямо следует неразрывность процесса созидательной активности Всевышнего, ежемгновенно материализующего (твародейственным «Будь!») Свою волю в Творении. Всякий такой акт, рождая настоящее как наблюдаемую нами эмпирическую реальность, формирует будущее в виде нового набора потенциально возможных состояний Творения. А поскольку настоящее возникает постоянно (движется вместе с нами по «стреле времени»), то и коридор возможностей будущего непрерывно перестраивается. Следовательно, говорить о будущем в ключе его фаталистической предопределенности нет никаких оснований. Правильнее было бы говорить о его открытости либо фактическом отсутствии — нет никакого будущего, уже сейчас ожидающего, когда мы, так сказать, доберемся до него. В силу этого истолкование понятия «судьба» как четко «прочерченной» линии жизни возможно лишь для субъекта, уже завершившего свой земной путь. Демиургом же судьбы (в рамках Провидения) живущего че-

ловека является он сам. Физик-математик Джон Полкинхорн заметил: «В детерминированной вселенной полное знание настоящего позволило бы всецело предсказать будущее и полностью знать прошлое (на что указывал Лаплас еще два столетия назад). И, таким образом, в этом смысле было бы вполне естественным наделить прошлое, настоящее и будущее равным онтологическим статусом. С другой стороны, недетерминированная вселенная, обладающая множеством действующих каузальных принципов, включая выбор каждой свободно действующей личности, представляется, в отличие от мира статической вневременности, миром реального становления, в который вписывается реальность перемещающегося настоящего момента»⁵⁷. Заметим, что утверждение о фактическом отсутствии фиксированного будущего ни в коей мере не умаляет всеведения и всемогущества Бога, Владыки времени. Просто творимая Им Реальность, творимая в единстве со временем (недаром в науке выделяются понятия физического, исторического, астрономического, биологического, топологического, субъективного, внутреннего времени и т. п.), и есть наше настоящее. Промысл же Божий — наше будущее⁵⁸. Творение включает в себя действительность и возможность, которые с позиций времени относятся друг к другу как прошлое и будущее. Если воспользоваться образом, найденным Эрнстом Блохом и развитым Юргеном Мольтманом, то настоящее — это линия фронта, место «бифуркации возможностей», где они либо реализуются, либо растворяются в небытии. Прошедшая действительность получает окончательное закрепление, будущая возможность открыта. В каждом случае действительность — это свершившаяся (актуализированная) возможность. Поэтому о возможности следует говорить как о способе бытия, лежащем в основании нашего мира⁵⁹.

В Коране сформулирована прозрачная максима: «Если Вы творите добро, то поступаете во благо себе, если же вершите зло, то опять же в отношении себя» (17: 7). Мусульманину грех жаловаться на судьбу или искать причины своих бед во внешних обстоятельствах — «Дурное предзнаменование — в вас самих» (36: 19).

Проблема теодицеи — оправдания действий Бога по отношению к Его Творению и, разумеется, человеку — в контексте проблемы зла и страдания не стоит в исламе. Раз за разом

Всевышний повторяет, что причина зла в этом мире отнюдь не Он. От Него, Источника неоскудевающей благодати, — лишь одно добро («Всё хорошее, что постигает тебя, — от Бога» (4: 79)). Человек сам порождает зло, когда, пренебрегая указаниями Господа и тем отпадая от Его воли в своеволие, отклоняясь в беззаконие, потакает собственным страстям (слабостям, «земному»), превращая свой внутренний мир в ристалище блажей, «освобождая место» (развязывая руки) очередному демону (шайтану)⁶⁰. Попирая законодательство Господа, претворенное Им в сем мире, богоотступник противополагает себя (вступая в *противоестественные* отношения) Творению, социуму и в конечном счете самому себе. Неприкаянность в поисках собственного я, внутренний дискомфорт, восприятие внешней, гармонизированной Создателем среды как враждебной (агрессивной), безуспешные попытки «подстроить» ее «под себя» либо «вписаться» в нее, неудовлетворенность жизнью даже при внешнем благополучии, вольное или невольное калечение судеб близких людей, коллективов, а то и целых народов, государств — вот лишь некоторые штрихи к портрету законопреступника. Вместо Божественного Света душа его застилается тенью. Греша, человек себе же создает проблемы, сам себя препровождает в Узилище неверов и недоверов, последнее Дьяволово пристанище, закладывая в душе растопку для адского огня (см.: 43: 76). Источая зло, грешники *отделяют его от себя*, а потом, страдая от него и вынуждая невинных людей мучиться, изводят себя вопросом, в чем корень их (грешников) бед, и, не находя ответа, продолжают беззаконствовать. В Коране говорится о взаимном тяготении нечестивцев друг к другу — «<...> Мы приближаем одних грешников к другим <...>» (6: 129), в отличие от праведников, сплываемых притяжением к Богу. Разъяснив природу зла, Господь объясняет, как противостоять нечести.

Смысл же страдания, порой безмерного и с позиций человеческой рациональности ничем не объяснимого, следует истолковывать под углом испытания и принципиального неведения человеком замыслов Творца (о чем уже говорилось). Всевышний демонстрирует это в Коране на множестве примеров. Наиболее показательный из них — история путешествия некоего Моисея (отдельные толкователи усматривают в нем пророка иудаизма) с безымянным «рабом из рабов Наших», опекае-

мым Богом, Который даровал ему знание (см.: 18: 60–82). Мусульманская традиция обычно идентифицирует этого героя, само воплощение беспредельного предания себя («раб из рабов») Всевышнему, абсолютного «орудия Провидения», с Хидром, одним из четырех бессмертных наряду с Ханохом (Енохом), Илией и Иисусом. Моисей просит у «раба» согласия сопроводить его, чтобы почерпнуть от его мудрости. Тот не возражает, но выдвигает условием ни о чем не спрашивать и сохранять выдержку, какие бы поступки он ни совершал, к тому же предрекает Моисею поражение в его затее. Спутники плывут на рыбацкой лодке, и «раб» делает в ней пробоину, затем хладнокровно убивает встреченного ими мальчика, а в деревне, жители которой негостеприимно обходятся с прибывшими невесть откуда двумя незнакомцами, вдруг ни с того ни с сего чинит ветхую стену одного из домов. Возмущенный Моисей не в силах обуздать эмоции. Он мучит «раба» вопросами и, не получая ответов, всякий раз осуждает его. Тот в конце концов порывает со своим несдержанным учеником, растолковав напоследок высшую мудрость содеянного, не укладывающуюся в обыденную мораль: потопив лодку, «раб» уберет рыбаков от худшей доли — пленения царем-тираном; убив в отрочестве будущего злодея, дал возможность его отцу и матери родить добродетельного наследника; укрепив стену, не позволил обнажиться спрятанному под ней кладу, который Бог предназначил добрым сиротам, проживавшим в этом доме, и которому суждено быть обнаруженным ими лишь по достижении зрелости. «<...> все мои деяния [во время нашего путешествия], — заключил раб Божий, — исходили не от меня [а были внушены мне Всевышним]. Вот толкование того, о чем, не могли совладать с собой [ты допытывался у меня]» (18: 82).

Отсюда мораль: человеку не дано понять смысла тех испытаний, что выпадают на его долю. Чтобы постичь их истинную природу, необходимо вмешательство Высшего Знания. Возможно, дабы реализоваться в этом мире, полной мерой изощрив свои дарования, нам (кому-то из нас) предначертано совершить восхождение на такие Эвересты и Монбланы бытия, которые без предварительных, на пределе мыслимых возможностей «тренировок/испытаний/закалок духа» просто не одолеть. Остается довериться Творцу (неисследимому в Своих путях и непостижимому в Своих замыслах) даже во-

преки возмущающемуся разуму — «И, быть может, отвратительно вам что-либо, но оно вам во благо, и, быть может, нравится вам что-либо, а оно вам во зло» (2: 216). Русская поговорка гласит: «Что ни делается, всё — к лучшему». Алексей Журавский дополняет палитру смыслов изложенной нами истории: «Моисей встречается раба Божьего в поисках “места слияния двух морей”». В аллегорических толкованиях эта встреча символизирует слияние двух потоков знания — человеческого и Божественного»⁶¹.

Как известно, помимо человека Создатель наделил разумом ангелов (сотворены из света) и джиннов (сотворены из особого огня). Первые «не отступают от повелений Бога и выполняют всё веленное Им» (66: 6). Среди последних, созданных для поклонения Всевышнему (см.: 51: 56), встречаются верующие и неверующие, добрые и злые (см.: 72: 14, 11). К джиннам из них же самих посылались Пророки (см.: 6: 130). Сатана родом — «из джиннов» (18: 50). В его свите — злые духи-демоны. В целом картина противостояния на земле выглядит как противоборство наделенного разумом человека и не менее разумного, но лишённого Божественной опоры Дьявола (см.: 34: 14). Перевес в схватке обеспечен верующему тогда, когда на его стороне Бог (а вместе с Ним и ангелы — «<...> [Господь] посылает [их], чтобы они хранили вас <...>» (6: 61), — воинство Небес и земли, вестники и посланники Всевышнего, своим поклонением Адаму признавшие превосходство над собой человека). «Если вы последовали прямым путем, — говорится в Коране, — то не причинит вам вреда тот, кто впал в заблуждение» (5: 105). Одевание праведности — лучшая защита от демонов (см.: 7: 26)⁶².

Судьба человека — в его собственных руках, а то обстоятельство, что Творение развивается, говорит о появлении у индивида всё новых и новых возможностей влиять на свою будущность — «Тех же, кто радели за Наше [дело], Мы наставим на Наши пути» (29: 69). В известных хадисах пророком Мухаммадом передаются воспринятые им слова Создателя: «Воистину, Я сообразуюсь с надеждой Своих рабов»; «Когда Я возлюблю верующего, то становлюсь слухом, которым он слышет, зрением, которым он видит, рукой, которой он берет предметы, и ногами, которыми он ходит».

Обеспечив покровительство каждому, кто борется за Его дело, Господь *избавил сердца верующих от страха*⁶³ перед на-

стоящим и будущим, страха за свое имущество, своих близких, за самих себя, страха, исходящего каждого человека, ослепленного чрезмерным вниманием к «земному» в ущерб «духовному», «горнему» и тем самым остающегося беззащитным перед стихией нижнего мира.

Бесстрашие, санкционированное всемогущим Господом, придает мусульманину сил и питает чувство уверенности в завтрашнем дне. А потому, от кого бы на земле ни исходила несправедливость, от маленького или большого начальника, от короля или президента, правоверному мусульманину всегда достанет мужества решительно выступить против источника зла. Юсуф ал-Карадави написал: «Принцип свободы слова превращается из права в обязанность, когда молчание наносит вред обществу, вызывает общесоциальное зло. В этой ситуации каждый обязан сказать правду и не бояться последствий: “<...> повелевай совершать одобряемое, запрещай порицаемое и терпеливо сноси всё постигающее тебя. Воистину, в этих делах [надлежит быть решительным]” (31: 17)»⁶⁴. Пророк Мухаммад внушал: «Наилучший джихад — слово правды перед тираном». Истинно верующий никогда не окажется в проигрыше, ведь за ним — Бог.

Ислам дает ясный и понятный ответ на главный для каждого из нас вопрос: зачем мы пришли в этот мир?

Земная жизнь приобретает отчетливый смысл тогда, когда человеку открывается Божественная перспектива его восхождения — воскресения в новом теле и в новой реальности, воскресения для вечной жизни⁶⁵. Каждое действие и поступок наполняются *новым содержанием*, отличным от того, что обусловлено «земным» здравомыслием. Жизнь, еще недавно походившая на безысходное блуждание по Лабиринту бытия в поисках «земных» сокровищ в надежде заполучить с их помощью «ключи счастья» и прервать тем самым дурную бесконечность исканий, обрела наконец смысл и цель. Духовно прозревшему («загоревшемуся», «запевшему») сердцу явился в новом, «невечернем» (Алексей Хомяков) Свете неведомый доселе абсолютно прямой путь, ранее затенявшийся и искажавшийся «прелестями» греховного мира. Крепко ухватившись за «вервь Всевышнего» (3: 103), единственного и надежнейшего Проводника на этом благодатном пути, и не давая хватке ослабнуть — подвергая себя зоркому самоконтролю,

изживая всякое недолжное состояние души, преодолевая дьявольские наваждения, искушения и соблазны, — человек, свободно восхотевший Бога, религиозно окрыленный, уверенно направится к Нему, своему Создателю, этой смыслообразующей цели жизни. Направится кратчайшим путем, указанным Самим Господом. А кому, как не Творцу всего и вся, знать, какой из путей в спроектированном Им Лабиринте бытия кратчайший к Нему?

Ислам и демократия

История отмечена многими обращениями Бога к людям с Откровениями. Хотя на заре человечества Он дал Адаму, первому пророку и первому мусульманину (единобожнику), сокровенное знание, потомки Первочеловека постепенно утратили это знание и погрузились в нечестие. К разным народам Всевышний направлял Своих пророков, в том числе Ноя, Авраама, Моисея, Соломона и Иисуса Христа, но люди не смогли сохранить в первоизданном виде предсказания вестников Божьих⁶⁶. Понадобилось еще одно, заключительное Откровение, переданное человечеству через последнего пророка — Мухаммада («печати пророков» (33: 40) — здесь слово «печать» используется в значении «запечатывать», «закрывать», «завершать», «прекращать»; «удостоверять [свидетельствуя об истинности]»; «последний»). Для надежности Откровение заучивалось сподвижниками Мухаммада на память. Образ жизни этого Пророка, «совершенного человека», стал для мусульман эталонным. В отличие от Ветхого и Нового Заветов, богодухновенных посланий, запечатленных «священнописателями», Коран — это богоизреченный текст, прямая речь Бога⁶⁷. Главная цель Благой Вести мусульман — подтвердить богоданность тех Откровений, с которыми прежние пророки приходили к «людям Писания» (иудеям и христианам)⁶⁸, указать на искажения, появившиеся в понимании ранее низведенных Книг («Мы ниспослали тебе Писание с истиной в подтверждение истинности прежних Писаний и для предохранения их [от извращений]» (5: 48))⁶⁹, и пробудить в человеке более высокое осознание его связи с Богом и миром. Ислам в глазах его последователей — это не какая-то новая религия, а та, что исповедовал Авраам (истинный моноте-

изм), но очищенная от позднейших наслоений, пророк же Мухаммад — продолжатель и завершитель профетической миссии предыдущих пророков. Памятуя о горестных словах Иисуса «Воистину, нет пророка в своем отечестве» (Лк. 4: 24), заметим, что Мухаммад не только пришел с Добрым Провозвещием к людям, но, будучи услышан ими, смог уже *при жизни* основать в родной Аравии новое государство — воплощение торжества своего учительства и предтечу цивилизации невиданного доселе типа.

Мусульмане отвергают социальное устройство, игнорирующее регламент, назначенный Творцом всему сущему, «законодательству же, созданному человеком, — пишет Юсуф ал-Карадави, — присуще несовершенство, поскольку законодатели часто ограничиваются материальными интересами, пренебрегая религиозными ценностями, нормами морали и нравственности. Они не в состоянии преодолеть тенденциозности, отказаться от учета узконациональных и клановых интересов, идущих вразрез с интересами общенациональными. Их законы — это законы сегодняшнего дня, а посему они не в состоянии охватить того, что свершится в будущем. Законодатели — это обычные люди со своими слабостями, недостатками и пристрастиями. “Да, <...> [человек] несправедлив, невежествен” (33: 72)»⁷⁰. Господу лучше всех известна природа Его творений и что для них благо.

Из сказанного не следует, что принятие обществом абсолютного верховенства Закона Божия, стремление организовать жизнь общества на духовных основаниях обязательно должны обернуться отказом государства от светскости. Более того, многие современные мусульманские реформаторы прямо говорят, что «власть в исламе может быть только светской»⁷¹. Согласно доктрине ислама, на земле с завершением в 632 году со смертью пророка Мухаммада пророческой миссии уже не может появиться кто-либо, претендующий на абсолютный авторитет⁷². Все люди равны. Как выразился Мухаммад Икбал, «ислам ужасает любой личный авторитет. <...> Из всеобщего *Эго*, который творит и хранит все *эго*, следует сущностное единство человечества. Деление людей на расы, национальности и племена преследует только цели идентификации. Мусульманская форма объединения в молитве <...> — еще одно свидетельство стремления реализовать

сущностное единство человечества как факт жизни посредством уничтожения всех границ, разделяющих людей»⁷³.

По мнению многих именитых социологов, эгалитаризм, якобы не оставляющий места индивидуализму, краеугольному камню западной цивилизации, помноженный на авторитаризм⁷⁴ и неразделимость светского и духовного, — это то, что делает ислам несовместимым с демократией и соответственно необратимо отодвигает мусульман на обочину человеческой истории.

Поражает не столько некомпетентность такого рода суждений, а апломб, оракулова непогрешимость и непререкаемость, с которыми они изрекаются. Отношения ислама и западной политологии весьма точно охарактеризовал один из наиболее ярких участников этого незримого противостояния — Самюэль Хантингтон, директор Института стратегических исследований Гарвардского университета: «Каждая сторона, сгущая краски, драматизирует и преувеличивает различие между силами добра и зла и в конечном счете пытается превратить это различие в основополагающее между живыми и мертвыми. <...> Когда война по линии [цивилизационного] разлома обостряется, каждая сторона демонизирует своих противников, зачастую изображая их недостойными звания человека, и тем самым узаконивает их убийство»⁷⁵. Ислам конечно же раздражает западного интеллектуала своей «упертостью» в одну, и к тому же весьма странную и никчемную, с его точки зрения, книгу — Коран: «Правда состоит в том, что отыскивать в Коране нити к разгадке подлинной природы ислама практически бесполезно. Это громадная книга, полная стихов и противоречий <...>»⁷⁶.

Однако вернемся к проблеме эгалитаризма и демократии. Сошлемся на мнение одного из крупнейших американских социологов — Иммануэля Валлерстайна. Размышляя над тем, каким будет общество будущего, и считая пока невозможным предвидеть его структуру, он называет критерий, которому «с позиций сущностной рациональности» оно уж точно будет отвечать: «Эта система [должна быть] преимущественно эгалитарна и в основном демократична. <...> Историческая система не может быть эгалитарной, если она недемократична, поскольку недемократическая система неравномерно распределяет власть, а это значит, что она будет неравномерно распре-

делять и всё остальное. Она также не может быть демократичной, если не является эгалитарной, так как неэгалитарность системы предполагает, что одни имеют больше материальных ценностей, чем другие, и потому неизбежно будут обладать большей политической властью»⁷⁷.

Таким образом, эгалитаризм и демократия органически взаимообусловлены. К тому же, и это очень важно в плане нашего исследования, та социальная общность, к которой, по мнению Им. Валлерстайна, неумолимо движется человечество, полностью соответствует чаяниям мусульман с точки зрения означенных характеристик.

Квинтэссенция суждений об индивидуализме как об уникальной системообразующей особенности западной цивилизации принадлежит Ларри Зидентопу: «Положение о том, что общество состоит из индивидов, каждый из которых имеет собственную онтологическую определенность, эквивалентно христианской посылке о равенстве душ перед Богом. Христианский постулат о статусном равенстве превратился, подкрепленный традицией естественного права, в то средство, с помощью которого западные мыслители <...> проводили всё более систематические различия между личностью как носителем нравственных норм и человеком как исполнителем различных социальных ролей, достигающих ему по воле случая. <...> “Рождение” индивидуума стало в этом понимании заслугой христианства. На протяжении столетий понятие “индивидуализм” постепенно трансформировалось из нравственного критерия в первичную, или организующую, социальную роль, в роль, которая формирует любое общество, основанное на принципах гражданского равенства <...>. Христианская онтология заложила основы всего того, что обычно называют либеральными ценностями Запада: как приверженности равенству, взаимности, так и утверждению свободы личности. <...> Преимущественное положение равенства [среди других либеральных ценностей] создает сферу проявления или роль индивидуального сознания. Принцип равенства исключает не только статусное неравенство, но и право какой-либо личности или общественной группы выносить неоспоримые суждения. Таким образом, свобода становится врожденным, или естественным, правом, ибо изначально никто не считается вправе управлять действиями других или навязывать им собственное

мнение на основании своей внутренней исключительности. Именно этот смысл мы вкладываем в понятие “общества индивидумов”. <...> Христианство дает моральное оправдание для социальной роли индивида, предоставляя ему как личности возможность самостоятельного доступа к сокровенным истинам. Такое оправдание, в свою очередь, означает, что легитимным является то объединение людей, которое основано на принципе согласия. Очевидно, что интериоризация Бога имеет своим следствием требование свободы совести и выбора, защищенной правом. В дальнейшем посылка о неразрывно связанных между собой духовном равенстве, нравственном самоконтроле и уважении прав человека стала критерием легитимности сообщества. Они образуют целостную форму <...>, которая является отличительной особенностью западной цивилизации и которая в большей степени, чем любой иной фактор, сделала западные общества воплощением новаторства и прогрессивности»⁷⁸.

Как ни парадоксально, в сказанном оксфордском профессоре нет ничего, что не наличествовало бы в социальной доктрине мусульман. «Равенство душ перед Богом» прямо следует из аята: «Ни одна душа не понесет чужого бремени» (17: 15), то есть никто не ответствен за грехи другого. Единственное преимущество одного человека над другим, с точки зрения ислама, заключается в степени праведности⁷⁹. В исламе нет церковной иерархии, поскольку отрицается всякое обожествление чего-либо или кого-либо в этом мире. Поэтому каждый мусульманин при наличии должного уровня подготовки может обращаться «к сокровенным истинам» с целью сформировать свое собственное независимое суждение⁸⁰. Ничто и никто, кроме Бога, не довлеет у мусульман над «индивидуальным сознанием» и с представлениями о личности у них всё в порядке. А уж говорить о каких-то авторитетах, осмеливающихся навязывать мусульманскому сообществу «собственное мнение на основании своей внутренней исключительности», вообще не приходится. Фарид Закария, этнический мусульманин, родившийся в многонациональном и поликонфессиональном Бомбее, главном экономическом центре Индии, написал: «<...> если и стоит отметить какую-то свойственную только исламу черту, так это не его приверженность деспотии, а как раз обратное: в исламе есть антиавторитарная составляющая, заметная се-

годня в каждой мусульманской стране. <...> подчинение правителю обязательно для мусульманина лишь в той мере, в какой приказания правителя отвечают законам Всевышнего. Если требования властелина идут вразрез с верой, требование подчиняться ему перестает действовать. <...> в исламе нет религиозного истребления — Папа или епископов, которые могут объявить декретом, какова правильная интерпретация [того или иного религиозного предписания]»⁸¹. Принцип согласия, единодушного (на основе консенсуса) мнения, иджма, — один из важнейших источников исламской доктрины и исламского комплекса социальных норм — фикха⁸². О «свободе совести и выбора» в исламе недвусмысленно свидетельствуют, в частности, уже цитировавшиеся выше айаты⁸³. Получается, что индивидуализм в той интерпретации, какую вкладывает в это понятие Ларри Зидентоп, в исламе как раз есть. Видимо, дело в чем-то другом.

Недемократичность режимов в исламских государствах этот социолог объясняет «отсутствием [там] понимания или признания связи между духовным равенством и требованиями равной свободы. <...> Когда отрицается связь между духовным равенством и равной свободой, проведение различий между конформизмом и истинно нравственным поведением становится невозможным. Эта неопределенность закладывает основы для тирании»⁸⁴.

Итак, дело не в исламе и не в его социальной доктрине, а в том, что многие режимы, называющие себя исламскими, весьма далеки от подлинного вероучения пророка Мухаммада. *Мы меж тем ведем речь о религии мусульман в свете Корана и Сунны Посланника Божьего.*

Ретивым же социологам с политтехнологами настоятельно порекомендуем не пользоваться лукавым приемом из арсенала нечистоплотных спорщиков, называемым «подмена тезиса» (путем ловкого передергивания первичных оснований придать к якобы логически безупречным, а по сути ложным выводам). Ну как можно всерьез утверждать, что наблюдаемая социальная практика (в том числе проявления так называемых «народных форм религиозности») и есть конституирующее воплощение богословских аксиом вероучения, исповедуемого большинством населения рассматриваемого государства? С каких это пор стало возможным (научно состоятельным) судить

о религии по порядкам, царящим в том или ином уголке земного шара, хотя бы и закрепившим в скрижалях своего законодательства ее державный статус?

Институт демократии вполне ограничен для ислама. Великий экономист и социальный философ Йозеф Шумпетер, исследуя в 30–40-х годах XX века современную ему массовую демократию и разрабатывая соответствующую ей теорию «демократического метода», противопоставлял ей общепринятую в то время «классическую доктрину демократии». В последней Й. Шумпетер выделял веру в существование Общего Блага, которое открывается суверенному и рациональному волеизъявлению народа и утверждается посредством его. Избранным народом представителям и уполномоченным остается лишь «технически» осуществлять общую волю. Придя к выводу, что Общее Благо — это фикция и что в действительности есть лишь частные предпочтения лиц, составляющих электорат, что воля избирателей не изъясняется, а «фабрикуется» (аналогично тому, как формирует вкусы коммерческая реклама), что в сфере политики люди, поглощенные частными интересами, не обладают рациональностью, а выступают в ней «дикарями», Й. Шумпетер заявил, что демократия — это всего лишь процедурный метод избрания политиков, но не способ выражения политической воли народа, как следует из классической доктрины; что народом фактически правит состоятельное меньшинство, выдвигающее из своей среды политиков, призванных реализовывать его решения; что в рамках демократии удовлетворяются лишь такие интересы, которые в случае их неудовлетворения грозят обернуться выступлением сил, способных прибегнуть к недемократическим методам достижения своих целей (т. е. демократия как метод будет свернута). Понятно, что все остальные интересы, которыми живет общество, оказываются при этом незначимыми. А потому, чем меньше людей участвует в политике, тем лучше для общества. Достаточно лишь, чтобы обеспечивался минимальный кворум для соблюдения избирательных процедур⁸⁵. Очевидно, что такой способ волеизъявления граждан может содействовать только поддержанию перманентной расколотости общества, что никак не может устраивать мусульман.

Таким образом, присвоение обществом права наполнять Общее Благо конкретным содержанием, следуя логике умо-

зрительной целесообразности (полезности), оборачивается выхолащиванием самой сути этой категории. Реальной ценностью оказывается то, что ценно для одной лишь властвующей элиты.

В исламе же система социальных ценностей прямо коррелирует с концепцией Божественного Общего Блага, лежащей в основе духовных оснований единства уммы и составляющей естественный фундамент для построения классического демократического общества, а не его муляжа, как это произошло на Западе.

В качестве иллюстрации процитируем одного из самых знаменитых «исламских фундаменталистов» Хасана ал-Банну, основателя организации «Ассоциация братьев-мусульман»: «О братья, истина заключается в том, что, когда исследователь начинает рассматривать принципы конституционного режима, заключающиеся в сохранении личной свободы граждан во всех ее проявлениях, совете с народом, избрании правителей из его среды, их ответственности перед гражданами за все свои действия с четким разграничением властей на разных уровнях, то обнаруживается, что все эти нормы целиком и полностью совпадают с учением Ислама, его укладами и положениями, касающимися формы власти»⁸⁶. В силу этого «Братья-мусульмане» убеждены, что система конституционной власти наиболее близка к Исламу из всех существующих в мире режимов. Они полагают, что по своей справедливости с ней не может сравниться ни одна другая система»⁸⁷.

Главную беду мусульман Самюэль Хантингтон видит в том, что в отличие от западнохристианской цивилизации, где царство Божие и царство кесаря разделены⁸⁸, у последователей пророка Мухаммада религия и светская жизнь неразрывны.

Так что же именно мусульманами предлагается вынести за пределы царства кесаря? Не духовенство же, которое в исламе и так никогда не было наделено властными и иными полномочиями, призванными держать под контролем общественную и личную жизнь верующих. Недопущение сакрализации какой-либо части тварного мира (например, отказ любому человеку, даже пророку, в признании его божеством, в частности сыном Создателя⁸⁹) не вызывает в исламе необходимости в разграничении посясторонней реальности на профанную и сакральную части и ведении вполне естественной борьбы (как

это происходило и происходит в христианском мире) за сжатие пространства сакрального, поскольку оно мешает развитию общества—ноосферы—Творения (сакрализация любой части последнего рассматривается мусульманами как отход от монотеизма, уступка язычеству).

Констатируя пустопорожность разговоров о необходимости для арабского мира нечто вроде Реформации, в результате которой «поповская шайка не могла более постановлять, что должны и чего не должны делать обычные люди», Фарид Закария объясняет: «Из-за отсутствия центральной религиозной власти в исламских странах⁹⁰ всегда налицо было превосходство государства над Церковью (в Европе сложившееся в результате религиозных войн). Мусульманский халиф был прежде всего государем. Он сам не был Папой, и ему не приходилось соперничать с таковым. Он мог строить мечети и покровительствовать религиозным школам, но не имел религиозной власти⁹¹. (В одном из <...> хадисов Пророк провозглашал, что единственное, что нужно правителю для поддержания легитимности, — это содействовать молитвам.) Поэтому мало смысла в утверждениях, будто мусульманам необходимо пройти через [полное отделение Церкви от государства] <...>, чтобы решить проблему, которой у них и не было»⁹².

На поставленный выше вопрос напрашивается один ответ: когда речь заходит о царстве кесаря, следует напрочь забыть о Боге и Его заповедях как главном регуляторе общественной жизни⁹³. Именно о такой определяющей черте западного индивидуализма и умолчал Ларри Зидентоп. Произошедшая на Западе секуляризация — нечто большее, чем просто отделение Церкви от государства. Самюэль Хантингтон, например, справедливо заметил: «[Мусульманами] всё чаще говорится, что Запад не просто следует несовершенной, ложной религии, которая тем не менее является “религией Книги”, а что он *не исповедует вообще никакой религии*. В глазах мусульман западный секуляризм, нерелигиозность, а значит, и аморальность, — зло худшее, чем породившее их западное христианство» (курсив мой. — Ю.М.)⁹⁴.

Если восприятие тварного мира как изначально и всецело профанного — аксиома для последователей пророка Мухаммада, то для христиан это, очевидно, не так. Проведя десакрализацию *этого* мира «до основания», западные теологи,

нацеленные на «преодоление религии» и «расколдование мира», констатировали «смерть Бога». «[В результате] Небеса опустели: разрушены прежние наивные представления о Боге; к этому результату привело то христианское понимание Бога, которое на протяжении двух тысяч лет развивала метафизика, к этому итогу привела иудео-христианская религия, способствовавшая профанации, обезбожению мира. Если прежде в сознании людей был Бог, то теперь Его там нет»⁹⁵. В общем, вконец осекуляризованный западный человек утратил связь с Создателем, духовно оскопив себя. Немецкий богослов Доротея Зёлле увлеклась, например, «атеистической верой в Бога», Пол Ван Бурен — «секулярным прочтением Евангелия»⁹⁶. Американский культуролог Габриэль Ваханян был вынужден заключить: «<...> вся духовная история западного христианства последовательно приводит к имманентизму и атеизму современной западной культуры»⁹⁷. Дело дошло до разработки «теологии смерти теологии»⁹⁸. Вспоминается один из аятов Корана: «Однако они (христиане. — Ю.М.) предали забвению ту часть Писания, которую им было велено помнить. Мы же возбудили среди них вражду и злобу [друг к другу] до самого Судного дня» (5: 14).

Сердобольные западные миссионеры-«демократизаторы», готовые не покладая рук учить уму-разуму весь «недоразвитый» мир, предлагают мусульманам незамысловатый и уже «опробованный на себе» рецепт, который позволит «этим несчастным» стать «современными людьми»: всякий раз, когда необходимо включаться в жизнь общества, надо не забывать «откладывать в сторону» мысли о Боге. То есть, поскольку института священства в исламе нет, а с Богом мусульманина связывает лишь основанное на личной вере сознание зависимости от Всевышнего, предполагающее безусловное повседневное следование Его наставлениям, верующему, намеревающемуся заняться «земными делами», предлагается на это время отделять от себя ни много ни мало личную веру. По сути же, ради торжества западной демократии мусульманам настоятельно рекомендуют становиться атеистами и язычниками! Несложно представить, каких «слов благодарности» обычно удостоиваются «апостолы демократии».

На память приходят слова Федора Михайловича Достоевского, вложенные им в уста Ивана Карамазова: «<...> если есть

и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. <...> в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, *всё будет позволено*, даже антропофагия»⁹⁹ (курсив мой. — Ю.М.).

Констатируя факт «эрозии христианства среди жителей западных стран», Самюэль Хантингтон не особенно тревожится на сей счет, ведь эта «угроза жизнеспособности западной цивилизации <...> даже в самом худшем случае является лишь далеко отстоящей по времени»¹⁰⁰.

Эрозия, о которой пишет американский социолог, разъедает фундамент западного общества, необратимо меняя качество межличностных отношений, оказывающихся «всё менее устойчивыми. Из трех типов связей — длительные (родственные, семейные), среднесрочные (дружеские, соседские, профессиональные), кратковременные контакты — доминирующее положение получают именно последние — кратковременные модульные отношения функционального характера, каждый из участников которых взаимозаменяем»¹⁰¹. «Лицемерие, двойные стандарты, излюбленный оборот “да, но...”»¹⁰² стали поведенческой нормой во взаимоотношениях западных стран с незападными.

А вот точка зрения одного из видных российских идеологов политического ислама Гейдара Джемаля: «Мусульманин смотрит на Запад и видит порнографию, педофилию, пьянство, финансовые спекуляции, безудержный эгоцентризм и потребительскую мораль, двойные стандарты в этике, презрение к духовным ценностям, феминистическое издевательство над семьей и правом на жизнь, затравленность отцов семейств, психически искалеченных разводами детей... Хватит?»¹⁰³

Разумеется, это взгляд радикала, руководствующегося примерно той же формулой оценки противной стороны, что изложил С. Хантингтон¹⁰⁴. Гиперболизм высказывания Г. Джемаль легко объясним, ведь, где бы ни «отметилась» западная цивилизация своим «миссионерским добродеянием», лучше всего ей удастся прививка к новому месту именно ее «родимых пятен».

Но если всё обстоит так ужасно, чем тогда объяснить колоссальные успехи западных экономик за последние десятилетия?

Ответ опять же лежит на поверхности, в плоскости всё тех же проблем. Навязывая всем свой пресловутый индивидуализм, Запад медленно, но верно сам от него отказывается. Достигнув пика в форме общества массового потребления с его «тиранией вещей» и «фетишизмом удобств» (вот уж триумф идолопоклонства), столкнувшись с кризисом этой системы ценностей, западная цивилизация вышла на новый этап своего развития, где знание, информация стали главным, причем постоянно пополняемым, а потому неисчерпаемым производственным ресурсом (формируемым в пространстве ноосферы Творения). А это вызвало к жизни потребность в новых подходах к реализации интеллектуальных возможностей людей.

Ислам и общество знаний

Когда выше речь шла о рачительном расходовании ресурсов Творения, очевидным образом это не касалось знания: чем больше человек/мусульманин будет знать об окружающем мире (Божьем Творении и соответственно о Самом Боге), тем больше собственно Человеком/Мусульманином он будет становиться.

Протицируем наблюдение Владислава Иноземцева: «<...> стремление к максимальной *реализации своей индивидуальности* не должно, как это часто делается, рассматриваться в качестве подтверждения тенденции к росту *индивидуализма* современного человека. Автономизация деятельности, безусловно, находит свое выражение в том, что современные работники “отвергают ценности иерархии, государственного контроля над экономикой и корпоративизма”¹⁰⁵, но, даже признавая, что подобная индивидуализация не только является фактором отрицания прежних “материалистических”¹⁰⁶ отношений, но и выступает в роли центрального элемента всей социальной трансформации¹⁰⁷, мы не считаем возможным говорить, что современное общество в обязательном порядке порождает индивидуализм в качестве одной из характерных черт нового работника. *Индивидуализм и автономность* не являются синонимами. Творческий индивид движим стремлением к самореализации, немислимой вне рамок социального целого. Его (индивида. — Ю.М.) поиски, как в сфере производства, так и в потреблении, в иных формах жизнедеятельности, не только не исключают привер-

женности целям совершенствования коллектива и общества, но, скорее, предполагают ее в качестве своего фундаментального элемента»¹⁰⁸.

Постиндустриальная эпоха, в которую постепенно втягивается человеческая цивилизация, отмечена несколькими принципиально важными в контексте обсуждающихся здесь проблем чертами:

- это постэкономическая эпоха, когда уровень жизни поднялся настолько высоко, что удовлетворение основных материальных потребностей перестало играть определяющую роль в жизни человека, снизилась его зависимость от хозяйственных и политических институтов, отошли в прошлое иерархические структуры лидерства, внутренне человек стал более свободен, открылись принципиально новые возможности для самореализации;
- производство знания, «интеллектуальных технологий» превратилось в самостоятельную отрасль экономики, что сформировало объективную потребность в постоянном самообразовании, повышении людьми квалификации, получении всё более качественного образования, причем в областях, в максимальной степени отвечающих природе дарований обучающихся;
- массовое раскрытие и реализация талантов стали самым перспективным и выгодным вложением средств; тестирование подрастающего поколения (конкурсы, олимпиады и т. п.) превратилось в обычную практику;
- успех предприятий стал напрямую зависеть от взаимной заинтересованности друг в друге членов трудового коллектива, соответственно в обществе повысились требования к таким качествам личности, как доброжелательность, коммуникабельность, богатство внутреннего мира;
- при разрешении комплексных вопросов социального планирования и прогнозирования стали использоваться методы социальной инженерии; принципы чистой экономической целесообразности перестали быть приоритетными на фоне интересов человека как целостного субъекта;
- общество озаботилось экологическими проблемами, ресурсосберегающими и природоохранными технологиями; возросло значение гуманитарных вопросов в системе международных отношений; властные структуры навсе-

гда утратили «возможность» не считаться с мнением общественных организаций.

Очевидно, что превращение интеллектуального потенциала в главный производственный ресурс человечества со всей остротой поставило вопрос о гармонизации отношений личности с социумом. Ведь результаты творческой деятельности актуальны лишь тогда, когда общество их усваивает (как правило, вначале в лице трудового коллектива, членом которого индивид состоит, менеджерского подразделения, призванного организовать овеществление полученного знания, или придание ему товарного вида, или преобразование (упаковку) и канализацию его в определенном направлении). При этом социальное признание личности (а это, собственно, главная цель) оказывается тем более значимым, чем больше людей сумело воспользоваться результатами ее умственной деятельности.

Итак, западная цивилизация пожинает плоды экономического успеха там, где оптимальным образом сочетаются интересы творческого работника и коллектива, при этом успешней оказывается тот коллектив, в котором большее число сотрудников смогло реализовать себя на благо внешнего по отношению к предприятию социума. А поскольку в трудовом коллективе людей связывает, как правило, общая цель, то в результате наложения интеллектуальных усилий раскрепощенных творческих работников возникает своего рода резонансный эффект, всеобщее групповое напряжение, способствующее бурному развитию предприятия.

Привязка оценки значимости человеческого труда к шкале социального признания всецело коррелирует с соответствующим представлением мусульман. Пророк Мухаммад говорил: «Каждому мусульманину, чей урожай вкушают люди, воздастся за это, даже за то, что своровано из урожая. Что бы ни вырастил человек (например, плодоносное дерево), он будет получать вознаграждение до Судного дня». А вот еще одно высказывание Вестника ислама: «Кто посадит дерево и будет терпеливо ухаживать за ним, пока оно не принесет плодов, тому за каждый плод воздастся от Бога». Таким образом, человек будет получать вознаграждение за совершённый труд всё время (причем как при жизни, так и после смерти, что важнее), пока его результатами кто-то сможет пользоваться. Благодаря человеческому труду Творение развивается (в

первую очередь за счет роста ноосферы — основного движителя в рамках Промысла Божьего), и чем более значимым оказываются результаты трудовой деятельности, тем сильнее вклад индивида в Мироздание Господа. Исламские богословы подчеркивают, что Всевышний особенно благоволит к тем верующим, кто оставил потомкам знания¹⁰⁹. Пророк настаивал, что именно знания должны лежать в основе системы государственного управления: «Бог не удерживает у Себя знание, вырывая его из людских сердец, но сохраняет его в руках ученых. Если не останется ни одного ученого, то люди возьмут себе начальниками невежд, которые в ответ на обращенные к ним вопросы будут выносить решения без опоры на знания, заблуждаясь сами и вводя в заблуждение других».

Глобализация мира, проходящего постиндустриальную стадию развития с отличающей ее «гегемонией нематериального (неовещественного) труда» (производством информации, знаний, идей, образов, отношений (связей) и эмоциональных реакций)¹¹⁰ и обусловленным этим изменением социальных отношений (культуры, общества, политики)¹¹¹, знаменует становление новой исторической общности — «множества». Так Майкл Хардт и Антонио Негри назвали созревающую ныне общественную формацию.

Множество — это открывающаяся расширяющаяся общественная сетевая структура¹¹², образованная бесчисленным числом задействованных в общественном производстве сингуляриев (*лат. singularis*, букв.: «отдельный, особый») — личностей, своего рода «элементов» множества, обладающих творческой активностью и потому радикально отличных друг от друга и не сводимых к единой идентичности¹¹³, — сплоченных тем, что М. Хардт и А. Негри определили как «общее».

Общее — это такой нематериальный продукт, который возникает в результате «коммуникации, сотрудничества и эмоциональной привязанности» сингуляриев друг к другу и который никем из них не может быть присвоен (обращен в частную собственность). От общего как неовещественной собственности, которая в одно и то же время находится повсеместно и которую можно бесконечно воспроизводить, в возрастающей год от года степени зависит креативная деятельность. Но благодаря этой деятельности ширится и само общее¹¹⁴. В процессе нематериального производства приумно-

жается то, чем сингулярии владеют сообща. Другими словами, на фоне сокращения сферы частного (буржуазного) расширяется сфера общего (коммунигарного)¹¹⁵, в производстве усиливается общественная составляющая.

Как пишут М. Хардт и А. Негри, множество сущностно «многолико. Оно характеризуется несчетным числом внутренних несходств, которые невозможно свести воедино или к одному облику, поскольку оно составлено из отдельных культур, рас, этносов, гендеров, <...> разных форм труда, образцов жизни, мировоззрений и устремлений. Множество состоит из многочисленных своеобразий подобного рода»¹¹⁶.

Хотя общее не принадлежит никому персонально, оно тем не менее составляет основу бытия каждого сингулярия, формируя своей динамично меняющейся проекцией на его сознание его ментальный мир¹¹⁷. У каждого сингулярия — своя проекция общего, отражающая место сингулярия в сети множества. Но спроецированное общее никоим образом не деформирует уникальность сингулярия, а, наоборот, способствует ее раскрытию («<...> речь идет о процессе высвобождения людей, основанном на свободном выражении их различий»¹¹⁸). Множество, обеспечивающее гармоничное взаимообогащающее единство своих «элементов», — это «не просто дезинтегрированная и рассредоточенная многообразность <...>, это плюральность, не поддающаяся упрощению; единичные социальные различия, присутствующие множеству, всегда должны находить выражение и не должны нивелироваться до состояния одинаковости, единства, общей идентичности или нейтральности»¹¹⁹.

Прогрессирующее в процессе нематериального производства размывание традиционных различий между экономической, политической, социальной и культурной сферами сопровождается генерацией множеством новых форм общественной жизни («<...> множество потенциально автономно и способно создать общество самостоятельно»¹²⁰). Стирание границ между рабочим и свободным временем¹²¹, между отчужденной деятельностью и творчеством оборачивается предельной неразличимостью общественной жизни и актов производства и воспроизводства¹²². Главной целью всех форм социального бытия — показателем эффективности общественного устройства — становится наращивание общего¹²³. В общественное

производство оказываются вовлечены все виды труда¹²⁴. М. Хардт и А. Негри пишут: «<...> налицо тенденция, когда через трансформацию экономики сам труд порождает кооперативные и коммуникативные сети, а затем укореняется в них»¹²⁵. Общее положение дел эти социологи характеризуют как «производство всего усилиями всех».

«Нет такой личности, — продолжают они, — которая не конституировалась бы в множестве. Нет коммуникации, которая не имела бы всеобщего характера, поддерживающего и приводящего ее в действие. Нет и такого производства, которое не было бы одновременно сотрудничеством, основанным на общности. При таком биополитическом (т. е. обуславливающим “генетическую” взаимосвязь и взаимозависимость материального и социального. — Ю.М.) устройстве множества пересекаются с другими множествами, и из тысяч точек пересечения, из тысяч корней, соединяющих множественные производства, из тысяч отражений, рождающихся в каждой личности, неизбежно восстает жизнь множества. Множество представляет собой разрозненный набор личностей, порождающий общую жизнь; это своего рода социальная плоть, организующая саму себя в качестве нового общественного тела»¹²⁶.

Отталкиваясь от своей крайне негативной оценки ситуации с демократией в современном мире¹²⁷ и заявляя, что «глобальный кризис демократии затрагивает все [существующие] формы правления», что «на протяжении всей современной эпохи демократия при всем разнообразии ее национальных и местных форм оставалась незавершенным проектом», а «нетерпеливая жажда свободы и демократии еще никогда столь широко не распространялась по всему миру», М. Хардт и А. Негри приходят к убеждению, что «демократия нуждается в “новой науке”, то есть в свежей теоретической парадигме, которая позволила бы справиться с возникающей ситуацией»¹²⁸.

В центр искомой парадигмы они предлагают поместить множество, ведь, с их точки зрения, ему имманентно присуща демократичность в классическом понимании. В торжестве подлинной (абсолютной) демократии витально заинтересован каждый сингулярный. «Множество оказывается единственным социальным субъектом, способным реализовать идею демо-

кратии, понимаемой как управление каждого каждым», построение же демократии, в свою очередь, — «это единственный путь, позволяющий закрепить власть множества»¹²⁹.

Вычленив политическую составляющую конституирующей силы множества, М. Хардт и А. Негри указывают на любовь. Напоминая, что «и христианство, и иудаизм трактуют любовь как политический акт, создающий множество», социологи определяют ее как наше откровенное общение и постоянное сотрудничество, несущее радость. «Как любовь Господа к человечеству, так и любовь человечества к Господу находят выражение и претворяются в общем, материальном политическом проекте множества. <...> любовь <...> служит основой для наших совместно реализуемых политических проектов и созидания нового общества. Без такой любви мы ничто»¹³⁰. Через три строки авторы с горечью роняют: «Проект любви может показаться неуместным в таком мире, как наш, где всемирный порядок основывает свою власть на войне и с ее же помощью себя легитимизирует, что ведет к деградации и приостановке действия механизмов демократии»¹³¹.

Читатель может удивиться, зачем в книге о Коране уделять столько внимания одному из новейших футурологических прогнозов. В данном случае для нас важна выявленная М. Хардтом и А. Негри тенденция развития человеческой цивилизации. И самое главное: выдвинутый ими концепт «множество» удивительно во многом совпадает с тем, что мы привыкли называть мировой уммой, а общее, оказавшееся вовсе не иллюзорной системой ценностей, как в свое время заключил Йозеф Шумпетер (от эпохи доминирующего производства нематериальных продуктов его отделяли многие десятилетия), прямо соотносится с пониманием Общего Блага в мусульманском социуме. К тому же авторами амбициозного «проекта множества» была предпринята попытка теоретически обосновать тезис, согласно которому лишь в таком историческом формате — множества — человечество наконец-то сможет реализовать мечту о подлинной демократии.

Ну, а если говорить о любви, то чувство подлинного братства в умме уж никак не слабее тех чувств, что питают к единоверцам иудеи и христиане, упоминаемые нашими провозвестниками «торжества человеческого Общего». В плане же

социального и творческого активизма, стимулированного религиозным долгом, принимая во внимание реалии сегодняшнего дня, можно смело утверждать, что мусульмане стоят на ступеньку выше своих коллег по монотеизму — адептов пророков Моисея и Иисуса Христа.

«Важно всегда помнить, — пытаются подзарядить нас своим оптимизмом М. Хардт и А. Негри, — что вероятен иной, лучший мир, более демократический, — и поощрять стремление к нему. Множество — символ такого стремления. <...> Придет время, и какое-то событие пошлет нас, как стрелу, в это живое будущее. И это будет подлинный политический акт любви»¹³².

Отмеченные характеристики формирующегося постиндустриального общества свидетельствуют о том, что человечество движется в направлении той социальной модели, которую можно было бы назвать совершенным исламским государством. Из сказанного вовсе не следует, что речь идет о его фактическом строительстве, а лишь о той общей тенденции, что не может не устраивать мусульман. Важно, что к такому выводу мы пришли *уже в третий раз*, рассматривая будущность в несколько иной, чем ранее, плоскости.

Еще раз повторим: проступающие словно сквозь густой туман очертания ожидающего нас грядущего (к которому движется, напарываясь на рифы и садясь на мели, корабль с человечеством на борту) необъяснимым образом, с точки зрения Запада, и вполне предсказуемо, на взгляд мусульман, во многом совпадают с контурами того общества социальной справедливости, о котором грезил еще сподвижник Пророка ислама. Вот то понимание реальности, которое должно лечь в основу «межцивилизационного диалога» и призвано нейтрализовать заряженность на конфликт, подогреваемый концепциями вроде «столкновения цивилизаций».

Выше уже говорилось о кризисе межличностных отношений, парализовавшем западное общество. Но ведь чтобы быть успешным в постэкономическую эпоху, надо не просто считаться своим в кругу тех, с кем тебя связывают внутрикорпоративные отношения. Для реализации творческого потенциала необходимо находиться еще и в состоянии душевного комфорта, а лучше — эмоционального подъема.

Человечеству давно известен универсальный рецепт, позволяющий перестать барахтаться в море собственных негативных эмоций и найти свой «остров (материк) счастья», выбравшись на который можно обрести твердую почву под ногами. Разумеется, утверждает Коран, это вера в Бога — единственное, что может защитить от козней Дьявола, ежесекундно досаждающего наместнику Создателя через его «ахиллесову пятку»; единственное, что действительно может осветить человеку жизненный путь взамен тех «светочей»-лжемаяков, которыми служат его страсти. Поэтому неудивительно, что во второй половине XX века, особенно на его исходе, по всему миру был отмечен рост «спроса на религию»: стали возникать новые религиозные движения, восстанавливают свои позиции традиционные конфессии, «на смену библейской эсхатологии приходят политические и социальные утопии, в других областях современной жизни можно <...> обнаружить аналоги сакральных образов, светские эквиваленты религии»¹³³.

Как заметил Джордж Вайгел, «десекуляризация мира явилась одним из главных социальных фактов в конце XX века»¹³⁴. Маятник сакрализации/секуляризации качнулся в обратную сторону. По-видимому, порождаяемая этим качанием «раздвоенность сознания», когда человек не может определиться, где проходит граница между двумя мирами, будет и дальше отличать христианские народы и порождать внутреннюю дисгармонию, вести к кризису идентичности. Ислам со всей ясностью снимает эту неопределенность.

Размышляя об угрозах, с которыми может столкнуться человеческая цивилизация, Владислав Иноземцев пишет: «<...> нельзя не видеть, что традиционные формы социального взаимодействия должны уступить место новым, характер которых представляется сегодня совершенно неясным. Будучи расположенными как бы в различных плоскостях, интересы творческих личностей не пересекаются так, как интересы индивидов экономического общества; они не создают тех противоречий, которыми был пронизан этот социум, но в то же время они и не формируют единого результирующего вектора, задающего направление общественного прогресса. Можно ли быть уверенным, что проблемы, вызываемые этим обстоятельством, не перевесят преимущества, порожденные

первым? <...> нельзя не принимать во внимание, что в ближайшие десятилетия человечество способно достичь не только качественно нового уровня технологического и интеллектуального прогресса, но и не виданного ранее накала социальных противоречий и столкновений. На сей раз это вряд ли будут противостояния политических кланов, партий или даже отдельных общественных классов»¹³⁵.

Действительно, на рубеже тысячелетий политологи заговорили о новом типе противостояния на планете — межцивилизационном. В календарь самых значимых «черных дат» новейшей истории было вписано еще одно число — 11 сентября 2001 года.

С тех пор на рынке политиндустрии открылась и переживает настоящий бум новая отрасль — раздувание фантома «исламской угрозы» светлomu постиндустриальному будущему и высасывание из пальца якобы действенных рецептов борьбы с этой «чумой XXI века». Предприятие оказалось весьма доходным. Чтобы у тебя на счету была звонкая монета, достаточно было насушить брови и, пересыпая речь незнакомыми европейскому уху арабскими словами, объявить себя «экспертом», готовым растолковать любому желающему всё происходящее вокруг.

Аляповатые картинки из жизни «ваххабитского настоящего» производили желаемый эффект. Потрясенные американцы с европейцами в ужасе и с уже готовой угаснуть надеждой на спасение спешили заказать своим суровым и мужественным университетским братьям, постигшим зловещие тайны жестокого и коварного Чужого с Ближнего Востока, всё новые и новые «рецепты выживания». И золотые экспертные перья натужно скрипели в холеных ладошках. Но вскоре (а может быть, и довольно давно) у «продавцов кошмаров из восточного склепа» появились весьма щедрые покровители, нуждавшиеся в байках покруче, ведь оказалось (а скорее всего, загодя прогнозировалось), что затраты на подготовку самих террористов и ущерб от их акций несопоставимы с теми экономическими перспективами, что открываются в свете легитимации возможностей по геополитическому перекраиванию карты мира. Лекала, естественно, мастерились на Западе. А иначе и быть не могло, ведь, по словам Самюэля Хан-

тингтона, ислам — «единственная цивилизация, которая ставила под сомнение выживание Запада, причем случилось это по меньшей мере дважды»¹³⁶.

Секуляризация секуляризацией, демократизация демократизацией, но, с точки зрения этого социолога, ситуация и в самом деле складывается нешуточной: «Отказ от идеала и от западной цивилизации означает конец тех Соединенных Штатов Америки, которые мы знали. Фактически это означает и конец западной цивилизации. Если США девестернизируются, Запад съжится до размеров Европы и еще нескольких малонаселенных европейскими поселенцами океанских стран. Без Соединенных Штатов Запад превратится в очень маленькую, исчезающую часть мирового населения на небольшом и не имеющем значения полуострове на оконечности громадного Евразийского континента»¹³⁷. Прямо-таки вселенская катастрофа, аж мурашки побежали по коже.

Корень зла, по-видимому, всё же не в террористах как таковых. Запад не устраивают те угрожающие благоденствующему «золотому миллиарду» («жирным котам», как когда-то выразился Владимир Путин) тенденции мирового развития, что связаны с исламским миром. Поставлена задача дискредитировать учение пророка Мухаммада, причем не только в глазах немусульман.

Не претендуя на проведение всестороннего анализа природы экстремизма с исламистской окраской, обратим внимание на некоторые аспекты этого явления, остающиеся, на наш взгляд, в тени.

Интеллектуальный застой в исламе и терроризм

Со смертью Апостола Божьего Мухаммада завершилось не только ниспослание Всевышним последнего Откровения — Корана, оборвалась жизнь человека, каждый шаг, слово, движение, особенности поведения, вкусы и оценки которого станут не просто бесценным свидетельством той эпохи, но для всех последующих поколений мусульман будут служить вечным наглядным эталоном праведности и благочестия, объяс-

няя и дополняя Священное Писание ислама и образуя второй после Корана фундаментальный источник вероучения — Сунну («О Пророк! Мы отправили тебя свидетелем, добрым вестником и предостерегающим увещавателем, призывающим к Богу с Его дозволения, и освещающим светочем» (33: 45—46))¹³⁸. Со смертью Пророка единобожия ушло и время, когда община имела духовного и светского лидера в одном лице, вполне доступного рядовым верующим, всегда готового на любой вопрос дать ответ, безукоризненность и совершенность которого была освящена свыше и потому не могла вызывать и тени сомнения. В этом отношении первым мусульманам было довольно-таки просто жить: главное — вовремя задавать вопросы и в точности следовать ответам (в ту пору попытки самостоятельных суждений были весьма робки — что вполне объяснимо), подражать Мухаммаду и во всем ему беспрекословно подчиняться, а если ради уммы и дела ислама требовалось пожертвовать собой, став шахидом, то есть мучеником, погибшим за веру и тем самым очистившим себя от грехов, то попадание прямоком в Рай (минуя испытания в могиле, воскрешение, Суд, Весы, Мост¹³⁹) было гарантировано, порукой чему служил сам Вестник Божий.

Несложно представить растерянность и смятение сподвижников Пророка после его скоропостижной кончины. Ведь никто не мог поверить в столь быстрый уход Избранника Всевышнего из земной жизни. Прервалось то главное, что обеспечивало душевное спокойствие людей, — прямая, вербализованная связь с Творцом. Мусульмане остались один на один с мировым безмолвием. Кто отважится взвалить на себя ответственность за судьбы уммы? Что в новых условиях означает бремя духовного водительства? Каждый шаг грозил отягощением души ношей греха.

Настуило мучительное в своей неопределенности время. Предстояло научиться самостоятельно принимать решения, проявляя творческий подход в духовной и светской практике. Коран и Сунна Пророка — вот два главных источника права, на которые только и можно было опереться¹⁴⁰.

Вскоре среди мусульман обозначилось столь сильное противостояние на почве разномыслия в понимании социально-политической доктрины ислама, в частности, в вопросе о вла-

сти, что это породило многие расколы в некогда едином исламском братстве.

По большому счету внутриконфессиональные споры, порой весьма горячие, ведутся и поныне и вряд ли когда-то утихнут, ведь всё главное, что можно было сказать об исламе, было озвучено при Пророке, и никаких дополнительных источников, которые могли бы пролить свет на оставшиеся «неясности», уже никогда не появится — так распорядился Всевышний, завершив на Мухаммаде пророческую традицию. Разве что Коран откроет еще какие-то свои «смыслы», недаром в нем говорится: «[Бог —] Тот, Кто ниспослал тебе Писание (Коран. — Ю.М.), в котором — ясно изложенные айаты и в них — его суть, а также другие айаты, многозначные. Те же [люди], чьи сердца уклонились [от истины], обращаются к айатам, нуждающимся в разъяснении, и, желая запутать [верующих], истолковывают эти айаты [на свой лад]. Но не открыты их значения никому, кроме Бога и умудренным в знаниях <...>» (3: 7).

К VIII–IX векам в исламе сформировалось несколько богословско-правовых школ (толков; ед. ч. — мазхаб; *араб.*, букв.: «дорога, путь; путь следования»). Ради сохранения заветного Пророком единства уммы «стала утверждаться идея, что только крупные правоведы прошлого имели право на иджтихад, <...> был достигнут молчаливый консенсус, в соответствии с которым появление новых толков со своей системой способов формулирования правовых решений впредь оказывалось невозможным», основное внимание стало уделяться «систематизации выводов крупнейших <...> [ученых-богословов] прошлого, комментированию их трудов, <...> переработке [последних] в сокращенные и упрощенные сборники»¹⁴¹. Со временем практика иджтихада в его раннеисламской форме была утрачена.

Духовная жизнь мусульман начала всё сильнее опрощаться, верующие стали довольствоваться компендиумами уже готовых решений на все случаи жизни. Если при Пророке его сподвижники пытались, каждый прилагая самостоятельные усилия, познать ислам, открывали для себя всё новые и новые его горизонты и радостно делились обретенным знанием с товарищами (недаром впоследствии столько сил было потрачено на письменную фиксацию всего, что связано со сподвиж-

никами и их последователями), то со временем мусульмане начали больше доверяться улемам¹⁴², оказываясь от них в прямой зависимости как в светской, так и в религиозной жизни, вплоть до пустяков. В 20-х годах XX века Мухаммад Икбал с прискорбием констатировал: «<...> исламское государство осталось в целом в руках интеллектуальных посредственностей, а бездумные мусульманские массы, при отсутствии личностей более высокого уровня, которые бы управляли ими, нашли для себя выход лишь в слепом следовании предписаниям [богословских] школ. <...> консервативные мыслители ислама сконцентрировали все свои усилия на одном — на сохранении для народа унифицированной общественной жизни посредством ревностного исключения любых новаций в шариатском законодательстве, разработанном предшествующими мусульманскими законооведами»¹⁴³.

С точки зрения сущностных оснований ислама, в частности таухида и Сунны Пророка, эта ситуация явно ненормальна. Вот несколько резких высказываний Гейдара Джемала на сей счет: «<...> в современном исламе сильны позиции самостоятельных и самозванных клерикалов-улемов, дезориентирующих мусульман относительно истинного смысла их религии. Соображения этих теологов поражают своей банальностью и инфантилизмом <...>. <...> Современный мусульманин, для которого вера — альфа и омега жизненной активности, должен как можно скорее освободить свой ум от влияния клерикального пустословия. <...> в исламе возникла корпорация профессионального духовенства, та самая “муллократия”, которая сегодня препятствует исламскому миру в реализации его провиденциальной исторической миссии»¹⁴⁴.

Если во всевластии «муллократии» Джемаль видит препятствие на пути реализации всепланетарного Исламского проекта, то для нас эта проблема важна в связи с темой фанатизма. Не секрет, что обычно такого рода явления развиваются в рамках религиозного фундаментализма, апеллирующего к «абсолютному авторитету Божественного Откровения, выраженного в Священном Писании <...> или иных канонических религиозных текстах <...>. При этом установка на буквальное следование тексту предполагает его однозначное понимание, что является отказом от герменевтического подхода, соглас-

но которому возможно множество интерпретаций (богословы употребляют термин “многоосмысленность”. — *Ю.М.*) любого текста. Иными словами, религиозный фундаментализм предлагает “веру помимо интерпретации”, что на практике приводит к требованию принять собственную интерпретацию его лидеров в качестве единственно верной. Соответственно религиозный фундаментализм выступает против плюрализма мнений, который, с его точки зрения, неизбежно ведет к релятивизму, то есть к допущению равноправия многих истин даже в пределах одной религиозной традиции¹⁴⁵.

Обычно о фундаментализме пишут как об идеологии и практике, ориентированных «на радикальное отрицание настоящего во имя восстановления взятого из прошлого “идеального образца” общественного устройства»¹⁴⁶. Понятно, что фундаменталисты стремятся оградить свою территорию от чуждых влияний. Но тот же тип поведения отличает и традиционалистские общества, ощущающие угрозу своим вековым устоям. Иначе о каком развитии можно мечтать, если то, с опорой на что оно планируется, основа производительных сил общества — культура и духовность народа, исторические традиции, индивидуальная этика, представления о чести и долге, грехе и благе, — будет разрушено? От такой деструкции способен выиграть только тот, кто поставил перед собой цель «похоронить» данный социум, испепелив его «питательную среду».

Рассматривая исламский фундаментализм как защитную реакцию отторжения модернизации, ориентированной на западные модели, Мариэтта Степанянц пишет: «По сути дела, фундаментализм нередко предстает как одна из ипостасей реформационного процесса, направленного на выявление внутренних импульсов развития, позволяющих традиционным обществам выйти на современный уровень жизни и стать равноправными участниками глобального сообщества. “Вполне возможно, — считает один из ведущих современных арабских философов Садик ал-Азм, — что наши исламисты еще проявят себя как носители ‘исламского’ движения, направленного на индустриализацию, технический прогресс, капитализацию, построение национальной государственности, что позволило бы догнать развивающийся мир, и всё

это будет осуществляться под прикрытием идеологии, которая представит саму реализацию указанного, по существу модернистского, секулярного, буржуазного и по своим истокам европейского исторического проекта, как движение к осуществлению целей Аллаха, а потому вершимого в истории по Его воле, а не вопреки ей»¹⁴⁷.

Исламский фундаментализм в таком понимании (так называемое «возрожденчество») — это одна из форм консерватизма с присущей ему базовой функцией стабилизации общества¹⁴⁸.

Возвращаясь же к другому типу фундаментализма, в основе которого — ретроградная идеология, можно утверждать, что он противоречит самому духу ислама. Попытки реанимировать халифат буквально в том виде, в каком он сложился при первых халифах¹⁴⁹, погрузить современное общество в глубокое Средневековье, нереализуемы, как бы этого кому-то ни хотелось, даже если гражданами этого прошлого окажутся сами идеологи данного возврата. Создавая Творение, Бог воплотил его в формате пространственно-временного континуума и задал его развитие «стрелой времени»¹⁵⁰, подразумевающей прохождение Творения через неравновесные состояния и точки бифуркации и тем самым исключая возможность движения вспять по временной шкале. Время необратимо, его модусы неизоморфны¹⁵¹. Из этого вытекает, что в своем желании следовать во всем установлениям Всевышнего мусульмане должны воспринимать сложившийся мир как данность с возможностью его развития только «вперед», а не «назад», тем более что человечество эволюционирует во вполне благоприятном для них направлении.

Тем, для кого в прошлом заключена идеальная модель для будущего, настоящее — это «дурной сон», затянувшееся «торжество Дьявола», радикально исказившее угодный Богу ход истории. Строительство будущего как общества социальной гармонии мыслится этими людьми как инженерный (технический) проект по реализации на практике засевшей в их головах идеальной модели, «сырьем» для построения которой служит малоценное настоящее. Поскольку в таком обществе «прекрасного далёка» нет места социальному злу и все противоречия разрешены, то и переход к нему не

следует затягивать. Нигилисты-максималисты, озабоченные счастьем для всего человечества и готовые дружным революционным строем клонировать прошлое, рассматривают как досадную помеху (если не сказать резче — как «отродье Шайтана») тех, кто хотел бы самостоятельно вершить собственные судьбы, пользуясь священным на то правом, полученным от Бога.

Убежденность во внеисторической пластичности реального мира, в его возможности принять любую мыслимую форму, желание «растянуть» прошлое и «покрыть» им сегодняшний день оборачивается мумификацией живого развивающегося учения ислама, выливающейся в такие отупляющие разном формам социально-правовой практики, как таклид.

Радикалы поворачиваются спиной к настоящему. Окружающая действительность утрачивает для них значение реальности. Идеал, вопреки своей природе оказавшийся социальным проектом, перерождается в план политических действий, по сути превращаясь в идола, требующего не оценки и осмысления, а служения и жертвоприношения¹⁵².

Мусульмане живут не в изолированном мире, и с началом глобализации на их головы обрушился мощный информационный поток, несущий чуждые им взгляды. Образно говоря, исламская ментальность «затрещала по швам». То, что жители Запада считали «мирной глобальной интеграцией», многими мусульманами было воспринято как идеологическая агрессия. И к такому развитию событий они оказались практически не готовы. Весьма символично, что Самюэль Хантингтон отнес на счет простого совпадения по времени начало Исламского возрождения (его он объяснил «демографическим импульсом»¹⁵³) и кампании Запада по «превращению своих ценностей и общественных институтов во всеобщие, стремлению сохранить свое военное и экономическое превосходство <...>»¹⁵⁴.

Отсутствие религиозного иммунитета, привычка во всем слушаться улемов, поднаторевших в начетничестве и не способных отстаивать свои взгляды в публичной дискуссии (схватке) с «неприятелем», обернулись тем, что среди мусульман началась вербовка бойцов, готовых «осадить зарвавшегося агрессора» (по принципу «проще морду набить»),

а заодно и приструнить реформаторов, пытавшихся сказать что-то новое в исламе¹⁵⁵.

Выросло целое поколение исламской молодежи, получившее хорошее светское образование, но при этом оставшееся с весьма смутным представлением о религии своих предков, сориентированное на стандарты «достойной жизни», но не надевшее места, обеспечивающего их. Чаша терпения переполнилась. Вспыхнула стихийная «партизанская война в тылу врага». Улемам-популистам, вместо того чтобы заниматься религиозным просвещением верующих, наставляя их к активному созидательному труду, умению преодолевать жизненные трудности, не сдаваться и бороться (путем убеждения) до победы, опираясь на собственные силы (следуя поговорке: «Терпение и труд всё перетрут»), оказалось проще отправлять людей на смерть, объявляя их шахидами, призванными обеспечить победу Бога над Дьяволом в извечной всемирно-исторической битве, планета Земля в которой предстает своего рода вселенским Армагеддоном.

Интеллектуальный «застой ислама в течение последних пяти столетий»¹⁵⁶ обернулся сильнейшими социальными потрясениями, с которыми столкнулось человечество на рубеже второго и третьего тысячелетий. Отсутствие проектов модернизации исламского социума, опирающихся на коранические императивы о наместнической миссии человека и рациональной эксплуатации тех неисчерпаемых ресурсов, которые Бог предоставил ему для этого (что позволило бы мобилизовать интеллектуальные и иные возможности умы и совершить рывок в будущее, добившись лидерства в мире), привело к тому, что среди исламской интеллигенции, в первую очередь молодежи, выпускников престижных западных университетов, возобладало мнение о бесперспективности попыток добиться «цивилизованными методами» изменения баланса сил на планете, где правит «мировая идолократия», попирая все принципы социальной справедливости.

Те, кто не желал мириться со сложившимся порядком вещей, а жаждал быстрых перемен — «Воистину, человек тороплив [по природе]» (17: 11), — примкнули к радикалам, укрепив ряды их идеологического, организационного и исполнительского звеньев. Идеей фикс этих людей стало потрясение (со-

крушение) *любой ценой* сложившегося на земле «мирового порядка» — «империи тагута», чтобы разбудить мусульман «от вековой спячки». Поскольку, по мнению этих революционеров, действуют они от имени Бога (а значит, Всевышний со всей Своей безмерной мощью на их стороне), то и войну в форме террористических актов они вправе объявить священной.

Считая себя отнюдь не глупыми людьми (дипломы университетов просто так не дают), но интеллектуально спасовав перед Западом, даже не попытавшись решить задачу выработки современного цивилизационного проекта для мусульман, они априори решили, что и всей умме это не под силу. Вообразив себя таким «карающим орденом меченосцев», наделенных правом вершить на земле суд Божий, что прямо противоречит Корану и Сунне¹⁵⁷, они, совершив потрясшие весь мир террористические акты, поставили собственные персоны выше всех остальных единоверцев, подвергнув умму смертельной опасности (во всех смыслах), и своими действиями нанесли колоссальный ущерб делу ислама.

С другой стороны, невозможно отделаться от ощущения, что за самыми изуверскими терактами второй половины 20-го и начала 21-го столетия, организаторами которых западные СМИ провозгласили «исламистов», стоят силы, мозговой центр которых базируется далеко за пределами исламского мира. Особенно часто такое мнение стало высказываться (и опять же в западных СМИ) в связи с множественными нестыковками в представленной общественности картине событий 11 сентября.

Мусульманская цивилизация, обязанная своими историческими успехами присущей исламу толерантности, приоритетному интересу к науке и культурам других народов, стремлению решать принципиальные вопросы путем переговоров с последующим заключением договоров, *объективно не заинтересована* в каких-либо действиях, оборачивающихся разжиганием к ней ненависти.

Известно, что политический терроризм — это инструмент воздействия на общество с целью достижения в нем социально-политических изменений¹⁵⁸. Но чего можно добиться, уничтожив вместе с людьми небоскребы Всемирного торгового

центра в Нью-Йорке, взорвав вагон поезда с пассажирами в Московском метрополитене или погубив сотни бесланских детей с родителями? И свершается это в странах, где в обозримой исторической перспективе ислам не может стать доминирующей религией.

От всего этого мусульмане выиграть, разумеется, не могут. А кто может? Ответ лежит на поверхности — политические силы «терроризируемых» государств, заинтересованные в разрешении судьбоносных для правящих режимов этих стран проблем на путях экспансионизма, то есть традиционным для имперского мышления способом. Некоторые же страны в лице правящих режимов решают таким способом внутренние проблемы.

Запад, всерьез обеспокоенный своим цивилизационным будущим и не видящий (не желающий видеть и, возможно, онтологически к этому не способный) иных способов поддержания благоприятного для него баланса сил на планете, кроме как в системной и последовательной реализации принципа «разделяй и властвуй», стремится к тому, чтобы под рукой всегда были «легитимные основания» для вмешательства в дела «неудобных» государств. Лучше, если это будет целая «ось зла» — этакий шампур с нанизанными на нем антизападными («сорняковыми») режимами и бирочками к каждому: «пособник международного терроризма», «потенциальный агрессор, мечтающий завладеть ядерным оружием», «диктаторский режим, запасающийся химическими средствами массового уничтожения» и т. д. и т. п.

Несложно догадаться, что «чести» носить эти ярлыки удостоены в первую очередь исламские государства с несговорчивыми властями. А чтобы для западного обывателя ярлыки превратились из виртуальной в осязаемую реальность, раз и навсегда вписались в его ментальный мир, надо время от времени преподносить ему (обывателю) наглядные уроки — акты устрашения, превосходящие по изощренности фантазию сценаристов голливудских блокбастеров. В непосредственные исполнители должны вербоваться конечно же мусульмане из тех, что одержимы желанием «разобраться» с «мировым жандармом» и не догадываются о той истинной роли, что им предстоит сыграть.

Но для поддержания у населения нужного «тонуса» одних актов терроризма недостаточно. Требуется идеология мобилизации, способная сплотить обывателей на борьбу с «врагом». И здесь как нельзя кстати оказывается поутихший было западнохристианский фундаментализм с его извечной нетерпимостью к иноверцам как воплощению хтонического Зла — многоликого врага рода человеческого, и желанием совершать всё новые и новые крестовые походы «в защиту демократии».

Весьма символично, что акты терроризма наряду с расистско-религиозным зомбированием населения («мусульманин — это враг») еще и разрушают так пестуемую на Западе систему ценностей. В США, как известно, с принятием после событий 11 сентября 2001 года антитеррористического закона — так называемого Патриотического акта — фактически узаконена перлюстрация в Интернете частной корреспонденции и прослушивание телефонных переговоров, легитимирован мониторинг спецслужбами всей имеющейся в стране электронной связи («Даешь Большого Брата в каждую американскую семью!»). В общем, чем только не пожертвуешь, лишь бы сокрушить исламскую цивилизацию!¹⁵⁹ На память приходит поджог рейхстага национал-социалистами, движимыми стремлением развязать общенациональный террор против своих идеологических и «расовых» противников¹⁶⁰.

Верным индикатором отношения к исламскому миру служит позиция по так называемому «палестинскому вопросу» — одному из наиболее болезненных для современной уммы. Народ, на протяжении четырех с половиной тысяч лет проживавший в Палестине и начиная с первых лет XX века методично вытесняемый со своих исконных территорий, до сих пор вопреки множеству резолюций ООН так и не реализовавший своего права на создание собственного государства, отчаянно сопротивляющийся интервентам, лишившийся 4/5 своих деревень, рассеянный по многим странам мира, гость на родной земле, осуждается за отчаянные попытки дать отпор агрессору, захватившему среди прочего священный город Иерусалим и осквернившему мечеть ал-Акса (букв.: «отдаленнейшая»)¹⁶¹, третью после мечети Пророка из наиболее почитаемых в исламе. Впору говорить о расовой дискриминации и геноциде палестинцев.

Как известно, в Израиле чтут своих граждан — ветеранов Великой Отечественной войны, выбивших фашистов из СССР и других оккупированных ими стран. Многие из ветеранов были участниками антифашистского подполья, партизанили в тылу врага, совершали диверсионные акты и акты возмездия. Немало участников тех событий удостоено высших правительственных наград освобожденных стран. Подвиг этих людей бессмертен. Для всех нас они — герои.

В СССР в первые же дни войны зазвучала одна из самых знаменитых в истории человечества песен Сопротивления. Вспомним один из ее куплетов:

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна —
Идет война народная,
Священная война.

Во всем мире борьба с оккупантами рассматривается как *священное право* каждого народа, закрепленное международными актами. Казалось бы, никому и в голову не может прийти характеризовать подвиги бойцов народного ополчения как террористические акты. Ан нет. *Quod licet Jovi, non licet bovi*. Что дозволено Юпитеру, не позволено быку. А потому те, кто заинтересован в продолжении кровавого противостояния в Палестине, в перманентной дестабилизации и расколе исламского мира, будут и дальше вносить в повестку дня «вопрос о палестинском терроризме», при этом всячески тормозя решение самой проблемы, выдавая черное за белое и прекрасно отдавая себе отчет, на чьей совести лежат жертвы «террора».

Мусульмане с уважением относятся к «людям Писания» и совсем не заинтересованы в чьей-либо гибели. Но суть «палестинского вопроса» вовсе не в религиозном противостоянии, а в естественном желании одного из коренных народов Ближнего Востока изгнать колонизаторов. В Конвенции Организации Исламская конференция по борьбе с международным терроризмом прямо записано: «Борьба народов, включая вооруженную борьбу против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и гегемонии, направленная на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами междуна-

ного права, не должна рассматриваться как террористическое преступление»¹⁶².

Понятно, что удержание оккупированной территории, подавление охваченных гневом местных жителей невозможно только силой оружия. Нужна идеология, обосновывающая эти деяния и предохраняющая захватчиков от разложения и деморализации.

В Израиле этим целям служит, как несложно догадаться, иудейский фундаментализм, или, как его здесь называют, «ортодоксальный иудаизм». Исследователь этого мировоззрения Арманд Волков пишет: «В настоящее время самое яркое проявление фундаменталистского мировоззрения в Израиле — нетерпимое отношение к палестинским арабам, якобы захватившим жизненное пространство, предназначенное для еврейского населения на “земле обетованной”. Цель фундаменталистов — создание так называемого “Великого Израиля”, территория которого простиралась бы от Нила до Евфрата. В этом вопросе проявляется идейное и политическое единомыслие израильских ультранационалистов, так сказать, светского толка с религиозными радикалами и экстремистами, которых именуют еще мессиянистами. <...> чтобы доказать мировой общественности “право” Израиля на оккупацию арабских земель и противодействие созданию палестинского государства, идеологи прибегают к такому понятию, как “нахлат авот”, т. е. “наследие предков”, взятому из легенды. Используя это отвлеченное понятие, они ведут речь о территориальных захватах, которые прямо противоречат международно-правовым актам <...>. Заметим, что в Библии вообще нет сведений о точных границах Израильского и Иудейского царств. Да и откуда им взяться — в те времена не было точных границ. Размеры территорий, подвластных тем или иным царям, постоянно изменялись в результате войн. Что до настоящего времени, то принцип решения любых территориальных споров на основе так называемого “исторического” права первовладения решительно отвергнут международным сообществом»¹⁶³.

В 20-х годах прошедшего века замечательный русский религиозный философ Иван Ильин, пытаясь найти ответы на вопросы «Может ли человек, стремящийся к нравственному

совершенству, сопротивляться злу силою и мечом?» и «Может ли человек, религиозно приемлющий Бога, Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?», написал: «Духовный опыт человечества свидетельствует о том, что не сопротивляющийся злу не сопротивляется ему именно постольку, поскольку он сам уже зол, поскольку он внутренне принял его и *стал им*. <...> Духовно здоровый человек не может не возмущаться при виде внутренне торжествующего и внешне изливающегося зла; он не может не чувствовать, что несопротивление ему есть не только попускание, и одобрение, и молчаливое ободрение, но и *соучастие* в его поступке <...>. Тело злодея есть его орудие, его орган, оно неотделимо от него, он в нем присутствует, он в него влит и через него изливает себя в мир. Его тело есть территория его злобы, и эта духовно опустошенная территория отнюдь не экстерриториальна для чужого духа. Благоговейный трепет перед телом злодея, не трепещущего перед лицом Божиим, противоестествен: это моральный предрассудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие. Этот трепет, скрывающийся каким-то психозом здоровый и верный порыв духа, ведет человека под флагом “непротивления злу насилем” к полному несопротивлению злу, т. е. к духовному дезертирству, предательству, пособничеству и самораствлению. <...> Подлинное сопротивление злу не сводится к порицанию его и исчерпывается отвержением его; нет, оно ставит человека перед вопросом о жизни и смерти, требуя от него ответа, стоит ли ему жить при наличности побеждающего зла, и если стоит, то *как именно* он будет жить для того, чтобы этой победы не было. Если торжество кощунственной противодуховности и озлобленной противоположности не душист человека и не гасит свет в его очах, то это означает, что в его душе нет почвы для верного постижения и разрешения проблемы сопротивления злу. Ибо эта проблема формулируется так: что следует делать тому, кто *подлинно любит стихию духа и любви* и вот присутствует при ее опорочении, извращении и угашении. Но компетентен ли нелюбящий судить о трагедии любящего? Что могут сказать “холодный” и “теплый” тому, кто горением приемлет Божественное? Имеет ли смысл допытываться у безразличного, что он будет делать, если увидит ги-

бель того, к чему он безразличен? Вот почему, когда духовный нигилист и индифферентист ставят проблему сопротивления злу посредством физического понуждения и пресечения, то они снимают ее своею постановкою и дают ей мнимое разрешение. <...> физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою ответственностью человека, и тогда он не вправе от них уклониться. <...> сопротивление злу силою и мечом не является грехом всюду, где оно объективно необходимо или, что то же, где оно оказывается единственным или наименее несправедливым исходом. Утверждать, что такое сопротивление является “злом”, “грехом” или “нравственным преступлением”, — значит обнаруживать скудость нравственного опыта или беспомощную неясность мышления»¹⁶⁴.

После завершения одной из военных кампаний пророк Мухаммад объявил сподвижникам: «Мы вернулись с *малого джихада (араб., букв.: “усилие; борьба за веру”*». — Ю.М.), чтобы приступить к *джихаду великому*», имея в виду под первым джихадом оборонительную войну с врагами Бога, а под вторым — духовное самосовершенствование. Суть последнего легко понять, если вспомнить о том, что говорилось выше о рациональном использовании Божественных ресурсов, данных человеку в управление. В практическом плане джихадом, например, для ученых следовало бы считать научную деятельность, свободную от предрассудков и нацеленную на достижение наиболее значимых для человечества результатов, джихад родителей — это полноценное воспитание детей, джихад остепенившихся детей — уход за родителями, джихад беременной женщины — родить здорового ребенка, джихад учащегося — обретение максимального объема знаний и т. д. в том же духе. Всё это виды великого джихада в социальном преломлении¹⁶⁵. Посланник Божий Мухаммад благовестил: «Всякого, чьи ступни покроются пылью на стезе Божией, не коснется адский огонь».

Очевидно, что в основе действий политизированных мусульман, ставших на путь террора, лежит превратное представление о малом джихаде. Если уж отстаивать свои интересы, то в информационную эпоху надо побеждать мозгами, а не кулаками и, разумеется, не нападать исподтишка на

мирных граждан. Тауфик Ибрагим пронизательно написал: «Единый Бог — единое человечество» — такова действительно внутренне необходимая импликация коранического монизма. Но было бы ошибочно, как это часто делают эксклюзивисты (сторонники унификации “под себя” всего и вся. — *Ю.М.*), понимать это единство как единообразие, своего рода униформу — одна религия, одно государство, одна партия и т. д. Надо осознавать, что, с точки зрения строгого монизма, только Бог един, всё остальное множественно; да и Сам Бог абсолютно един лишь со стороны [Своей] Сущности <...>, ибо Он множествен в аспекте Своих имен и свойств/атрибутов¹⁶⁶. Единство человечества поэтому непременно предполагает его многообразие, в том числе и религиозно-конфессиональное. И Коран многократно подчеркивает, что это многообразие вполне соответствует Божьему плану мироустройства¹⁶⁷. Даже для самого Корана в свое время сложилось семь признанных «чтений» (после публикации в первой четверти XX века в Каире канонизированного текста Писания, в котором было закреплено одно из «чтений», этот канон и вошел в современную религиозную практику).

В свете сказанного о том состоянии, в каком пребывает ныне интеллектуальная традиция в исламе, главное противоречие, которое необходимо разрешить адептам вероучения Пророка, — между живым развивающимся знанием, подкрепленным верой во всемогущество и милость Создателя, и блокирующим все перемены и иссушающим дух ислама невежеством. Только на пути раскрепощения индивидуальной творческой потенции каждого мусульманина ислам может стать тем духовным вечным двигателем, который превратит умму в одну из ведущих сил прогресса на земле. В основу модернизационной доктрины для мусульманского социума должна быть положена концепция великого джихада — «великий джихад для XXI века».

Но она не будет осуществима, если «врата идджихада» останутся закрытыми. Мухаммад Икбал замечал в связи с этим: «<...> не вижу причины, почему подобная практика должна по-прежнему сохраняться. Разве основатели наших [богословско-правовых] школ заявляли когда-нибудь об окончательности своих суждений и толкований? Никогда. Требования ны-

нешнего поколения мусульманских либералов переинтерпретировать фундаментальные юридические принципы в свете их (либералов. — Ю.М.) собственного опыта и с учетом изменившихся условий современной жизни, по-моему, вполне оправданны. <...> Для мусульманина духовное основание жизни есть дело убеждения, за которое даже самый непросвещенный среди нас человек с готовностью отдаст свою жизнь; и, учитывая базовую идею ислама относительно того, что нисходящих на человека откровений в будущем больше не может быть, мы должны стать в духовном отношении одним из самых эмансипированных народов. <...> Консерватизм в религии так же плох, как во всякой другой области человеческой деятельности. Он разрушает творческую свободу *эго* и закрывает путь к нетривиальной духовной инициативе»¹⁶⁸.

Доктринальный запрет на закрытие «врат иджтихада» и — даже шире — на право выдвигать свое мнение, *рай*, от кого бы этот запрет ни исходил, сформулирован в процитированном выше аяте 3: 7. Бог прямо говорит о наличии в Своем последнем Откровении «темных» («туманных», многозначных, со скрытым смыслом) аятов, значения которых известны только Ему да «умудренным в знаниях». А следовательно, в качестве милости Он по Своему усмотрению может открыть эти значения когда угодно и кому угодно из усердствующих на стезе познания, то есть таковым может оказаться любой праведный мусульманин, жаждущий постичь Откровение и прилагающий к этому должные усилия — «[Господь] по Своему велению ниспосылает ангелов с откровением тому из Своих рабов, кому пожелает <...>» (16: 2). Более того, в Коране не сообщается, какие именно аяты надлежит считать однозначно ясными («с открытым смыслом»), а какие — понятными только их Автору с избранными Им посвященными. Ситуация носит «текучий» характер: сегодня не требуют толкования одни аяты, завтра к ним прибавляются другие, а послезавтра имеющиеся объяснения начинают вызывать сомнения (конечно же речь идет о весьма ограниченном круге аятов, поэтому не следует впадать в крайность и усматривать в этом возможность релятивизации, размывания, оснований вероучения)¹⁶⁹. В свете сказанного логично предположить, что верующее человечество могут ждать великие открытия, а потому никто не впра-

ве утверждать, что лишь в рамках таклида (следования практике «суждений по аналогии» в русле одной из признанных богословско-правовых школ) возможно получение правильного умозаключения. «Абсолютный иджтихад» — это неотъемлемое и всегда актуальное право каждого подготовленного мусульманина (не возомнившего себя таким, а действительно поднаторевшего в необходимых знаниях)¹⁷⁰. Лишь став в полной мере интеллектуально раскрепощенными людьми, последователи пророка Мухаммада смогут быть *компетентными гражданами* (воспользуемся термином теории плюрализма), способными предложить обществу такую программу его поэтапного обновления, восходящую к модели идеального исламского государства, которая будет очевидным образом свидетельствовать всем, в том числе немусульманам, о преимуществах этого пути развития. Разумеется, ни о каком силовом навязывании соотечественникам своей системы взглядов и речи быть не может, вся деятельность должна вестись на легитимных основаниях, в поле действующей конституционной системы и в интересах всего социума¹⁷¹.

Массовое осознание мусульманами собственной интеллектуальной полноценности, ясное понимание ими социальной доктрины, отличающей исламское вероучение, придаст умме оптимизм и естественным путем сведет на «нет» радикализм как явление, угрожающее будущности человечества — главного творения Бога.

Итак, первым шагом на пути ликвидации терроризма, экстремизма, радикализма, фанатизма и т. д. и т. п. должна стать постановка на профессиональные рельсы просвещения верующих, объяснение им сущностных оснований исламского миропонимания, демонстрация того, что весь комплекс общечеловеческих ценностей не просто наличествует в исламе, а образует его несущую конструкцию.

В интервью газете «Коммерсантъ» президент Пакистана Первез Мушарраф на вопрос «Что следует предпринять для уменьшения террористической угрозы в регионе?» ответил, что исламские государства намерены руководствоваться «концепцией просвещенной умеренности». «Наша цель состоит в том, — разъяснил он, — чтобы создать условия для исламского возрождения, где нет места терроризму и экстремизму. Ис-

лам — это образ жизни. И мы должны показать миру, каким должен быть истинный ислам. Ислам может стать третьим путем¹⁷², отличающимся и от западного свободного рынка, и от социализма. В условиях свободного рынка богатые становятся еще богаче, а бедные еще беднее. Необходимо обеспечить баланс между этими крайностями»¹⁷³.

Что из всего этого выйдет, пока неясно, но на практике сегодня в просвещении мусульман мало кто заинтересован, ведь если интеллектуальная рефлексия, подпитываемая всё новыми и новыми знаниями, станет для верующих обычным делом, то они очень скоро поймут, что корни многих проблем надо искать не вовне, а в себе, в плохом знании ислама, в тех малограмотных священнослужителях, что выдает образовательный конвейер медресе¹⁷⁴, в той авторитарной власти полуфеодалного толка, которая или изуверскими методами подавляет ростки недовольства в народе (в случае скудости в стране природных ресурсов и, соответственно, бедности государственной казны, при том что сама власть, сросшаяся с местными «олигархами», не отказывает себе в «удовольствии» присваивать 30–40 процентов национального дохода), или, наоборот, закармливает население (при обильных доходах от экспорта полезных ископаемых), «не давая никому рта раскрыть и мозгой пошевелить». И там и там цель одна — сохранить статус-кво. Как в том, так и в другом случае социальная среда рождает революционеров, радикалов и фанатиков, вызывая ответную реакцию правящего режима — усиление полицейского аппарата, подавление всех и всяческих свобод¹⁷⁵. Понимая, какой мобилизационный потенциал таит в себе исламское вероучение, властные элиты предпочитают управлять малограмотной массой, при том что сами стремятся дать своим отпрыскам первоклассное западное образование¹⁷⁶.

Несмотря на огромное количество благотворительных фондов, действующих сегодня в исламских странах, проще найти средства на жертвенных баранов с верблюдами, строительство мечетей, финансирование паломничества в Мекку, чем на просветительские, в том числе издательские программы (не путать с кондовой бумажной пропагандой).

Только избавившись от духовной тирании, вернувшись к подлинному, кораническому исламу и построив граждан-

ское общество с «компетентными гражданами», умма сможет перестать столь болезненно реагировать на давление Запада, поскольку он уже не будет представлять серьезную угрозу.

Запад же, отдавая себе отчет в этой нерадостной для него перспективе, постарается и впредь поддерживать лояльные ему репрессивные режимы, ведя демагогические разговоры о правах человека и ценностях демократии. Как заметил прозорливый С. Хантингтон, «западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к крупной межцивилизационной войне между стержневыми государствами, и он опасен для [самого] Запада, поскольку может привести его к поражению. <...> вмешательство Запада в дела других цивилизаций, — вероятно, единственный наиболее опасный источник нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире»¹⁷⁷.

Понятно, что, чем просвещенней будут мусульмане, тем сильнее они будут и тем спокойнее будет человечеству.

Мусульманские «анклавы»

В последнее время много говорят и пишут о том, что, с одной стороны, «мусульмане экономически полностью интегрированы в западное общество», а с другой — что в западных странах они «живут своего рода анклавами», плохо говорят на местном языке или вовсе не хотят его изучать, в общем, упрямо не желают «интегрироваться в западное сообщество» (Марк Смирнов)¹⁷⁸. Попытки понять сей феномен оказываются в большинстве своем не особенно успешными. Например, анализируя известные события последнего времени, российский исламовед, всегда демонстрирующий определенную симпатию к мусульманам, Алексей Малашенко, из того факта, что «полиция в странах Ближнего Востока, состоящая из тех же мусульман, сдерживает демонстрантов», негодующих по поводу публикации карикатур на пророка Мухаммада, делает по меньшей мере странное умозаключение: «То, что происходит сегодня, не следует воспринимать так, будто весь мусульманский мир оскорблен настолько, что готов идти и жечь посольства»¹⁷⁹. Получается, что раз исламское братство в своем большинстве проявляет терпимость и, по выражению А. Ма-

лашенко, «бесноваться» стали «не миллионы, а только тысячи мусульман», значит, и оскорблена умма не ахти как, а потому и факты вандализма надо квалифицировать под углом организованного (пока неясно, кем именно) масштабного хулиганства, где оскорбленные чувства верующих — лишь благовидный предлог.

Вместо того чтобы увидеть признаки толерантности в исламском обществе, А. Малашенко, заведомо отказывая ему в этом (если бы произошедшее действительно оскорбляло мусульман, то, с точки зрения этого политолога, посольства громили бы миллионы), приходит к ошибочному, но столь показательному в своей типичности выводу о невозмутимости большинства уммы.

«Гостеприимное» западное общество, предложившее мусульманам рабочие места, на которых коренные жители стыдятся работать, удивляется, что у облагодетельствованных «хлебом и зрелищами» «гастарбайтеров [*нем.* Gastarbeiter, букв.: “гость-рабочий”] с Востока» никак не выработается чувство собачьей преданности своим «человеколюбивым» хозяевам. Марк Смирнов, ответственный редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-религии», даже пришел к такому неутешительному для мусульман выводу: «Следует понять, что люди, живущие на Востоке, конечно, пользуются достижениями современной западной цивилизации, но по своему *религиозному* менталитету они, безусловно, остаются людьми другой эпохи» (курсив мой. — Ю.М.)¹⁸⁰. Сдается, что М. Смирнов и мусульмане по-разному позиционируют на шкале исторического времени эту самую эпоху.

Действительно, мусульмане, оказавшиеся на «западных территориях», стараются, как учил Пророк, жить компактно, поближе друг к другу, во всем помогая единоверцам, причем этническая принадлежность, как правило, не играет здесь особой роли. По всему западному миру образовались анклавыв некоего не обозначенного на политических картах государства, граждане которого обладают настолько прочной идентичностью (приверженностью определенному образу жизни), что даже на протяжении нескольких поколений «умудряются» сохранять ее вопреки всякому разрушающему влиянию извне. Более того, мусульманские анклавыв постоянно растут, приумножая мощь государства-невидимки. На обломках вы-

мирающей (в буквальном смысле) Западной империи футурологам уже видятся тени новой «Империи зла» — Всемирного халифата. Футурологи — в состоянии депрессивного психоза, граждане «свободного мира» — в ужасе перед надвигающейся цивилизационной катастрофой, грозящей гибелью под обломками Запада «всему прогрессивному человечеству». Мир вот-вот окажется на волоске от гибели. Еще немного — и «любая улыбка карикатуриста» (Лев Аннинский) станет последней в истории планеты.

Восприятие ислама как неизбежного, противного человеческой природе зла, для нейтрализации которого все средства хороши, — одно из фундаментальных (хотя и объяснимых) заблуждений западной политологии.

Но вина за это в значительной степени лежит на самих мусульманах. Парализованные веками интеллектуальной прострации, желая во что бы то ни стало сохранить свою особость, превратно толкуя высказывание Пророка о том, что «подражающий какому-либо народу сам становится таким же», они так и не удосужились выработать дискурсивный язык, понятный западной аудитории, на котором следовало бы говорить с ней об исламе и его, по сути общечеловеческих, ценностях. Чего стоит упрямая арабизация имен общих для мусульман и христиан пророков: Муса вместо Моисей, Ибрахим вместо Авраам, Иса вместо Иисус и т. д. Ну а Бога-то зачем величать в *русском* тексте Аллахом? Задача кого-то сбить с толку или все-таки быть понятным?¹⁸¹

Вместо того чтобы, помня о провиденциальной миссии Посланника Божия Мухаммада и его практике не только самому неустанно возглашать Слово Творца, но и отправлять с ним к другим народам наиболее подготовленных сподвижников, мусульмане, оказавшись в инородной среде, фактически заняли оборонительную позицию, самоизолировавшись от внешнего мира в своих «анклавах». Террористические же акты, видящиеся многим как прощупывание сил противника перед решающим боем, лишь усугубляют ситуацию, усиливая позиции политологов-кукловодов в их новой любимой забаве под названием «Столкновение цивилизаций лбами». Пора положить всему этому предел. Мусульманам надо разорвать путы религиозного догматизма и заговорить на ясном и по-

нятном европейцам языке, для чего постараться переосмыслить то, что наработано обществоведческой и богословской мыслью «противной стороны» (как когда-то были творчески усвоены древнегреческая философия и христианская теология)¹⁸², Западу, в свою очередь, следует выключить «идеологические глушилки» и постараться услышать мусульман, России же Сам Бог велел помочь сторонам наладить диалог, ведь диалог, этот дар Всевышнего, — основа существования любого социума, человеческой цивилизации в целом (см.: 49: 13).

Почему именно Россия должна оказаться в эпицентре событий?

Начнем с того, что диалог предполагает желание понять собеседника. Не навязать ему свою точку зрения, а «услышать себя *его* ушами», «увидеть обсуждаемую проблему *его* глазами», в общем «поставить себя на *его* место» и отказаться от монополии на истину, научиться рассуждать *как он*, чтобы формулировать умозаключения, следуя правилам *его* традиции. Если обратиться к творческому наследию Владимира Библера, исходившего из постулата о том, что каждая культура мыслит в рамках своей, одной ей присущей логики, и предложившего для характеристики межкультурных коммуникаций концепт «диалогика» (= логика диалога двух и более граничащих друг с другом, но не пересекающихся логик)¹⁸³, мы придем к осознанию необходимости развития каждым из участников диалога способности к полидиалогическому мышлению. Понятно, что подразумеваемые при этом гибкость и адаптируемость «логического аппарата» не могут предполагать такую его модифицируемость, которая обернется его вырождением — утратой соответствия породившей его культурной реальности.

Нынче при всей очевидной безальтернативности «диалогическому» подходу намечающиеся в мире тенденции не дают оснований ожидать, что динамично развивающиеся культуры Востока и Запада (воспользуемся предельным обобщением) рано или поздно продемонстрируют тот уровень пластичности (взаимопроникновения), который позволит им начать действительно конструктивный диалог (как минимум исключая любые формы ультимативности). Хрестоматийным стало высказанное Редьярдом Киплингем на исходе XIX века сомнение в самой возможности такого сближения: «Восток есть Восток, а Запад есть Запад, | И ни

когда эти двое не должны бы встретиться» («Баллада о Востоке и Западе»).

Россия в этом отношении уникальная страна. Способность к «диалогическому сосуществованию» столетиями вырабатывалась народами, составившими русский суперэтнос¹⁸⁴. Своими историческими успехами наша держава обязана именно умению договариваться с многочисленными и «разнохарактерными» соседями по всем сторонам света. Показательно, что некоторые из этих государств даже в нынешнюю эпоху бурного развития средств связи не могут найти общего языка друг с другом.

Без навыков замиряться и уживаться, без приоритета общего (коллективистского, соборного) над частным, без способности вбирать в себя иноземное, чтобы крепнуть от этого, не возникло бы единое русское государство¹⁸⁵. Служить центром притяжения, источать центростремительное поле равносильно для России сохранению государственности.

Самой историей наша страна подготовлена к новой для себя роли — стать тем согласующим системообразующим звеном, которое обеспечит партнерский диалог Востока и Запада и в силу этого со всей определенностью обозначит геополитический центр мира для третьего тысячелетия — Российскую Федерацию.

Просвещение мусульман — дело государственной важности

Отсутствие в современной России харизматических исламских лидеров вкупе с вопиющей некомпетентностью федеральных и местных чиновников в вопросах мусульманского вероисповедания, некомпетентностью, отягощаемой агрессивным неприятием всего маркированного как «исламское», сопоставимым с религиозным фундаментализмом, — одна из главных причин нарастания деструктивных тенденций в системе отношений «жесткая российская властная вертикаль — слабоорганизованная, неуправляемая, но социально сверхактивная российская умма». Стороны изначально находятся на разных (с точки зрения правовой легитимности) полюсах: власть опирается на законы, которые ею же разрабатываются, верующие, относя светское законодательство к изначально-

но ущербным (оно — плод деятельности грешных людей, отверженных всевозможным порокам и духовным недугам), считают приоритетным Божественное право — квинтэссенцию совершенной модели социального жизнеустройства.

Понятно, что означенные взаимоотношения перестанут походить на разговор глухого с немым, если стороны захотят услышать и понять друг друга, а уж если власти удастся учесть интересы мусульман (возможность чего априори отмечается с порога невежественными верхами), социальная напряженность, имеющая религиозные корни, пойдет на убыль.

Практически проблема сводится к тому, что сегодня никто не в состоянии предложить программу, которая бы всецело отвечала интересам правящего режима и верующих. Одна из главных причин (если отбросить элементарную лень, твердолобость, зашоренность и т. п.) — отсутствие разработанной концепции совершенного исламского государства, основанного на религиозных идеалах (в отличие от западнохристианской традиции с ее многовековым динамично развивающимся «утопическим» наследием), не говоря уже о социальном конструкте для третьего тысячелетия (в частности, идейной платформе для мусульманского меньшинства в многоконфессиональном государстве). И если в целом это непростая проблема, то первые шаги сделать не так уж и сложно. Точкой отсчета должно стать ясное понимание того, что в основе идеального общественного устройства мусульман должны лежать праведность и здоровый образ жизни, а идеальный мусульманин — это активная созидательная личность, образцовый гражданин и семьянин, реализующий на благо своих близких, страны и всего человечества способности, данные ему от Бога, без страха воспринимающий трудности, да и вообще относящийся к жизни в целом как к испытанию от Всевышнего перед отправкой в мир вечности и бессмертия и понимающий, что это испытание следует пройти достойно (иначе не попадешь в Рай — место, где человек *абсолютно счастлив*).

Вероучение ислама притягивает всех неравнодушных и активных людей, движимых желанием построения общества социальной справедливости (на основе Божественного права), для чего необходимо бороться со злом на земле. Важно, какие формы приобретает эта борьба, кто оказыва-

ется наставником верующих, кто делегирован уммой для ведения переговоров с властями.

В нынешней России у мусульман сложился настоящий вакуум по части харизматических руководителей. Мало кого из тех, кто выступает сегодня от имени российской уммы, можно назвать ее подлинными духовными авторитетами. Значительная часть муфтиев, имамов, мулл плохо образована, большинство из них не обладает теми особыми качествами, что отличают неформального лидера. Питательной средой для сохранения в руководстве мусульманской общины отдельных вождей-«пустышек» помимо отсутствия какой-либо достойной альтернативы служит повальная религиозная малограмотность верующих и глубоко ошибочное представление властей, что, чем аморфнее личность стоит во главе исламской общины, тем спокойнее режиму. Наиболее деятельные адепты из не удовлетворенных сложившимся положением вещей создают «джамааты», в которых пытаются самостоятельно постигать религиозные науки (причем в их прикладном аспекте). Если заводилами в этих группах оказываются фанатики революционеры и мракобесы, энергия социально-религиозного протеста, скопившаяся в душах борцов за «чистый ислам», выплескивается подчас в формах, совершенно неприемлемых для цивилизованного общества.

Следует также иметь в виду, что к Богу человек обращается не только в связи с бытовыми неудобствами или житейскими передрыгами. Для огромной массы, казалось бы, вполне благополучных людей это стало повседневной потребностью. Именно через религию многие обретают то, чего им не дает общество, и главное — приходят к мысли поменять свою жизнь, а подчас и жизнь окружающих, причем довольно решительно. В контексте ислама такую активность следует рассматривать как одну из основных составляющих ментальности правоверного последователя пророка Мухаммада. Именно поэтому с мусульманами связано столько беспокойства для любого правящего режима (чем сильнее на них давят, тем яростнее они сопротивляются, ведь они убеждены: с ними — Бог), именно поэтому государству не может быть безразлично, что именно уяснил для себя адепт из системы религиозных ценностей.

Еще одной проблемой оказываются россияне, окончившие зарубежные религиозные образовательные заведения. За годы учебы большинство из них, освоив ислам в форме догматического богословия, настолько отрываются от российской действительности и теряют способность самостоятельно мыслить, что оказываются не только не в состоянии профессионально заниматься теологией или вести беседы с верующими по актуальным проблемам, но и не могут устроиться на работу (новые мечети открываются достаточно редко), не владея ни одной светской профессией.

Таким образом, несмотря на конституционную отделенность Церкви от Российского государства, ему следует озаботиться проблемой организации религиозного просвещения мусульман и подготовки исламской элиты для России¹⁸⁶.

В Москве, на наш взгляд, необходимо открыть исламский университет. Его выпускникам должен читаться полный курс богословских наук (в объеме не менее принятого в университете ал-Азхар) и даваться востребуемые обществом светские специальности, качество обучения которым должно отвечать европейским стандартам. Университет должен иметь государственную аккредитацию, а его выпускники — два диплома, один — богословский, другой — традиционного государственного образца (с гербовой печатью).

Университетом в целом должны решаться четыре стратегические задачи.

Задача первая. Подготовка исламской элиты, преподавательского состава (оснащенного корпусом учебной литературы и образовательными программами), кадров профессиональных «священнослужителей», отстаивающих интересы России на местах. Университет необходимо превратить в ведущее высшее исламское учебное заведение, в котором будут стремиться получить образование не только верующие, проживающие на территории бывшего СССР и Восточной Европы, но и жители стран Востока и даже Запада.

Благодаря просветительской деятельности сотрудников и выпускников университета в стране должна пойти на убыль бытовая исламофобия, а рядовые мусульмане — ощутить себя социально защищенными. Знание основ исламского мировоззрения должно стать массовым (речь не идет об исламизации

населения — только о просвещении, позволяющем без особых подсказок отделить подлинно исламское от псевдоисламских крайностей).

В отличие от традиционных исламских учебных заведений в университете будет исключен догматический подход в преподавании богословия, дабы не повторялась практика, когда «служители культа», получившие религиозное образование, порой не в состоянии найти выход с позиций ислама из простейших житейских ситуаций и вынуждены обращаться с вопросами к иноземным улемам.

Со временем при университете целесообразно открыть лицей как первую ступень в двухступенчатой системе религиозно-светского образования. Основная задача лицея — языковая и общекультурная подготовка будущих студентов.

Задача вторая. Выработка концепции развития страны, при реализации которой вся созидательная мощь, заложенная в социальной доктрине исламского вероучения, будет направлена на благо России (ислам как один из столпов российской государственности), а российская умма станет ядром всемирного исламского братства, мусульмане всех стран станут связывать с Россией свою цивилизационную будущность.

Компетентность богословов университета должна быть столь высокой, чтобы соответствующий Совет университета мог выносить фетвы, авторитетные для мусульман всего мира, давать отпор экстремистским и антироссийским взглядам и богословским вердиктам, где бы они ни возникали и кто бы ни был их автором и вдохновителем. Университет должен стать глобальным центром духовного образования и просвещения в Евразии. Одной из центральных для него явится проблема реформации ислама¹⁸⁷.

Задача третья. Изучение студентами университета особенностей мусульманского образа жизни и арабского языка, исламской экономики и права наряду с освоением европейских языков и аналогичных названным дисциплин, отражающих российские реалии, при том что наша страна полным ходом адаптирует свое правовое поле, в том числе финансовую отчетность, к международным стандартам (вступает в ВТО, большинство общеевропейских структур, выходит на международные рынки труда и капиталов), позволит ощутимо раз-

вить деловые и культурные связи России с исламскими государствами, перенаправив к нам колоссальные финансовые потоки, поступающие ныне с Востока на Запад, и превратив тем самым нашу отчизну в локомотив для экономик мусульманского мира, нуждающегося в высоких технологиях и не доверяющего в полной мере западным партнерам. Россия будет признана приоритетным политическим и экономическим контрагентом для исламской цивилизации в целом.

Задача четвертая. Российская Федерация должна фактически занять естественное для нее уникальное геополитическое положение, став форпостом Востока на Западе (более того — «стержневым государством» для исламского мира, если воспользоваться концептом С. Хантингтона) и одновременно форпостом Запада на Востоке. В связи с желанием России вступить в качестве полноправного члена в Организацию Исламская конференция было бы целесообразно сделать ОИК одним из соучредителей-спонсоров университета. Но, учитывая нестабильность бюджета ОИК и реформаторский посыл будущего университета, стоило бы привлечь к этому проекту и западные страны, не меньше России заинтересованные в нейтрализации религиозных радикалов.

Что делать на Кавказе?

Усугубляющееся многолетнее обострение социальных проблем на Кавказе вынуждает даже самых пассивных граждан задаваться вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?», причем дежурные ответы уже никого устроить не могут.

Самый простой и ясный рецепт дают революционеры-радикалы. Дискутировать сегодня с ними чаще всего некому — многие руководители духовных управлений малокомпетентны и неавторитетны, а властные органы — не меньшее средоточие невежества — изначально не видят в исламе ничего, кроме разрушительного потенциала (этакая «темная сторона силы»).

Выход состоит в массовом религиозном просвещении, причем не только рядовых верующих, но и в первую очередь власти¹⁸⁸. Должностные лица на Кавказе, независимо от их отношения к исламу, в том числе православные и ате-

исты, должны изучить основы веры мусульман (и отнюдь не по фильмам «Белое солнце пустыни» и «Мусульманин»). Конкретные же шаги, которые необходимо предпринять для стабилизации обстановки на Кавказе, очевидны:

- наладить выпуск популярной литературы об исламе (как для детей, так и для взрослых) и обеспечить ее максимальное удешевление (эту работу при наличии финансирования готов немедленно взять на себя научно-издательский центр «Ладомир», в котором состоит главным редактором автор настоящего труда);
- проводить регулярные публичные религиозные дебаты, а для детей — олимпиады (хороший пример — телепередача «Умники и умницы»), цель которых — закрепление в массовом сознании представления о приоритете в исламе общечеловеческих ценностей;
- создание компьютерных игр, формирующих «правильное понимание» императивов ислама; и т. д. и т. п.

Хорошо было бы провести фестивали народов Кавказа, исламской молодежи мира, спартакиады и другие аналогичные мероприятия, сближающие мусульманские и немусульманские народы и демонстрирующие гуманизм ислама.

И главное: давно пора задуматься об учете в местном законодательстве некоторых норм шариата, игнорирование которых вызывает у верующих особое раздражение и вынуждает относиться к власти как к инструменту Сатаны, сбивающему людей с праведного пути, указанного Богом, и провоцирующему их жить во грехе. Отсюда — желание радикалов поквитаться с правителями и их представителями — оруженосцами Дьявола (органами правопорядка и т. п.). А поскольку это желание возникает как элемент защиты праведности, то есть носит оборонительный характер, многие запреты исламом автоматически аннулируются. Президентским структурам было бы полезно продемонстрировать понимание обеспокоенности верующего населения и для ее снятия проявить похвальную инициативу.

В заключение приведем один из фантазмагорических (контрафактических; контрфактологических) сценариев истории России, если бы князь Владимир предпочел православию ислам: «С ним были бы привнесены не только собствен-

но религия, но и образ жизни, целостная культура — право, государственность, философия, искусство, наука, этика и мораль. Исчезло бы основание для противостояния духовной и светской властей. Халиф Владимир сосредоточил бы в своих руках всю полноту власти. Ислам <...> помог бы русским в освоении обширных территорий Сибири, Дальнего Востока, Аляски, Кавказа и Средней Азии. Появление мощного русского халифата сдерживало бы давление Запада на мусульманский мир. Испанские феодалы не смогли бы осуществить Реконквисту, чувствуя влияние русского халифата, граница которого простиралась бы до Эльбы на западе. Получила бы отпор экспансия германских князей и императоров. Не состоялась бы и серия крестовых походов против мусульманского Востока. Войска Чингисхана не сумели бы прорваться за Волгу. В союзе с Оттоманской империей была бы разгромлена империя Габсбургов. Был бы положен конец притязаниям Франции и Англии на господство в Европе. Набравшая силу Россия раскинулась бы на трех континентах — в Европе, Азии и Америке. Наша страна обеспечила бы себе лидерство в мире науки, экономике и культуре»¹⁸⁹.

Воспроизводя этот отрывок, автор данной книги вовсе не призывает пролить «скупую мужскую слезу» по якобы утраченным русским народом мифическим возможностям. Православие в России было, есть и будет. (Собственно, за то, какой Россию мы имеем сегодня, надо сказать *спасибо* именно православию. Исчезнет православие — не станет и России, России такой, какую мы знаем.) Но гражданами нашей страны являются, по разным оценкам, от 8 до 20 млн мусульман. Всё больше русских (и не только¹⁹⁰) принимают эту веру. И с этой данностью серьезные политики должны считаться и извлекать из нее все плюсы (а уж минусы у нас видеть каждый горазд, хлебом не корми!). Вот и давайте так «разрулим ситуацию», чтобы гигантский энергетический (в смысле энергичности) и финансовый потенциал мировой уммы был направлен не куда-то на Запад, а через российских мусульман — на возрождение нашей Родины.

И еще несколько слов напоследок. Одно время любимой темой умствования кремлевских «политологов по вызову» была национальная идея. Нынче в моде разговоры о «проектах», но тоже национальных. А что же с «идеями»?

Обратимся к вероучению пророка единобожия Мухаммада. Вспомним, что главной созидательной и преобразующей силой в Мироздании Богом назначен интеллект человека. А потому с точки зрения ислама национальной идеей для России, равно как и для любого другого государства, всего человечества, должно было бы стать социальное развитие на основе всемерного раскрытия тех Божественных дарований (представим себе распускающиеся цветы), которыми Всевышний наделил людей — Своих наместников во вселенной.

Банальным выглядит утверждение, что практически все дети рождаются талантливыми. Вот только, кроме чадолюбивых родителей, способностями их отпрысков никто не интересуется. Если приоритетным национальным проектом станет выявление и развитие талантов всех без исключения, а не только отмеченных знатными фамилиями и тугими кошельками «мальчишек и девчонок», Россия сможет задействовать свой стратегический, но так бездарно, варварски разбазариваемый сегодня ресурс.

Если мы хотим, чтобы страна действительно когда-нибудь встала на ноги и в нашей Отчизне наступило «лето Господне», «детский проект» раскрытия русской духовности должен прийти на смену языческому, главенствующему в настоящее время и сводящемуся к тому, что богатства природы, данные Богом в пользование *всему народу*, нещадно эксплуатируются во благо кучки временщиков с ментальностью просвещенных антропофагов (вспомним горестные рассуждения Ивана Карамазова), поклоняющихся идолам нефти и газа и возомнивших себя «солью земли Русской». Сегодня на Руси, к великому сожалению, человек на службе у «земного», а Бог наставлял, чтобы было совсем наоборот¹⁹¹.

Примечания

¹ *Мирский Г.И.* Ислам и транснациональный терроризм // Политический класс. 2005. № 10. Октябрь. С. 25.

² Хорошо ощущая это, премьер-министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро заявил в интервью газете «Коммерсантъ»: «<...> мы настаиваем, что для победы над терроризмом требуется выработать глобальное и стратегическое видение проблемы. Необходимо попытаться понять суть этой угрозы; нам надо осмыслить, каковы условия, способствующие распространению фанатизма и поддерживающие стратегию террора. Кроме того, несмотря на то что существуют взгляды, стремящиеся связать терроризм с одной конкретной религией, история показывает, что терроризм не свойствен никакой религии <...>» («Я согласен с президентом Путиным — с террористами не ведут переговоров» // Коммерсантъ. 2006. № 21. 7 февраля. С. 10).

³ Марк Батунский, известный современный отечественный востоковед, посвятивший последние годы жизни истории «русской исламистики», написал: «<...> даже в профессиональном востоковедении на всем, пожалуй, протяжении его предреволюционной истории *Абстрактная Теория Ислама не рассматривалась как фундаментально значимая по статусу*. Напротив, он, этот статус, отводился преимущественно конкретным моделям (особенно аналоговым), хотя по своей природе они могли быть полезны лишь для эвристических (или дидактических) целей. Подчеркнутая социальная, морально-этическая, политическая ангажированность русской науки в целом вела к падению в исламистике удельного веса интеллектуально-познавательного аспекта, к лимитированию зоны порождения и легитимизации категориально-субстратных инноваций. <...> многие крупные русские востоковеды нередко вместо самостоятельных исследований в области ислама ограничивались обработкой и переводом произведений восточных авторов или западноевропейских ученых.

<...> столбовой путь выявления структурных качеств ислама — это *путь абстракции*. Только через нее возможно познать реляционный каркас этого верования, образующий его структуру. А нынешняя планка общенаучных стандартов теперь так высока, что требует от всех, кто всерьез увлечется задачей абстрактно-структурного описания мусульманской религии (и амальгированных с ней интеллектуально-психологическо-эмоциональных и прочих конструкторов), умения действительно оперировать и математической логикой, и теорией формальных языков, и семиотикой, и кибернетическим гносеологическим и понятийным аппаратом, и даже теорией вероятности (ибо Ислам <...> есть система стохастическая), теорией управления, теорией алгоритмов, теорией игр и т. д. Приходится признать, что исламистика в целом к такому прыжку пока не готова, ибо в подавляющем большинстве своем ее представители всё еще заворожены авторитетом эмпирико-индуктивной мето-

дики, которая принципиально не приемлет сильносложные дедуктивно-абстрактные схемы (и соответственно — и те модерновые и ультрамодерновые научные направления, которые я только что перечислил). Вознесение на ступень Высокой Абстракции объявляется отрывом исламистики от реальных свойств ислама во всей их сложности и противоречивости, от порождающих и сохраняющих его социальных структур, от совершенно различных конкретно-исторических условий функционирования мусульманской религии и т. п.

<...> мощь Ислама всегда обуславливалась и будет обуславливаться тем, что он есть сложное, полиструктурное, образование, и не один лишь “предмет”, конкретный по своей природе, но и одновременно абстракция, многогранный и повсеместно в мусульманском мире присутствующий теоретический конструкт, не только не желающий уходить в прошлое, но, напротив, имеющий все основания претендовать на жизненно-активную функцию и в настоящем и в будущем. Но вот найти, объяснить, классифицировать эту полиструктурность посредством одних лишь индуктивных методологий и методик никак нельзя!» (*Батунский М.А.* Россия и ислам: В 3 т. М., 2003. Т. III. С. 15, 11, 222–224. Курсив мой. — Ю.М.).

Марк Батунский пишет также о том, что еще до недавнего времени в отечественной культуре «отсутствовало целостное структурное видение не-православных и не-христианских систем, и прежде всего мусульманской» (Там же. Т. I. С. 183). Россия довольствовалась «христианизированной моделью ислама» (Там же. С. 56), имеющей мало общего с действительностью; «телеологические идеи христианского богословия оказались структурообразующим ядром миссионерских концепций ислама» (Там же. Т. II. С. 219), призванных во что бы то ни стало убедить мусульман («агарян», «измаильтян», «татар», «печенегов», «басурман», «неверных» и т. д.) отказаться от их «языческой веры», «ереси». «Но не забудем, — обращает наше внимание М. Батунский, — что то мусульманство, с которым контактировали русские, обладало — в отличие от арабско-персидского — крайне малой интеллектуально-теологической, полемической, апологетической и духовно-экспансирующей силой; оно не смогло создать равномошный православию мир таких идей и обрядов, которые могли бы и прочно привязывать к себе исповедников ислама, и вызывать к себе симпатии его же противников» (Там же. Т. I. С. 353). К сожалению, до сих пор фантасмагорические представления наших пращуров об исламе сказываются не лучшим образом на обыденном сознании многих россиян, вступивших в XXI век.

⁴ *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное в исламе. М., 2004. С. 272.

⁵ Здесь и далее при ссылках на Коран вначале указывается номер суры (сура — *араб.*, букв.: «возвышенное; ряд, ранг, высокая ступень; первостепенное, наипервейшее»), а после двоеточия — номера аятов (ед. ч. — аят; *араб.*, букв.: «несомненный знак, мета; чудо, знамение») в ней (через запятую).

⁶ Любопытно, что науке до сих пор неясны механизмы горообразования; непонятно, что стимулирует рост гор, а что — их разрушение. А ведь от них самым непосредственным образом зависит климат на Земле и обусловленные им процессы видообразования. Академик Николай Добрецов, генеральный директор Объединенного института геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения РАН, приводит такой загадочный факт: «<...> на протяжении почти всей земной истории максимальная высота гор не превышала 4 км. И лишь в последние 3 млн лет вдруг вымахнули вершины высотой за 8 км. Из-за этого (особенно тут “потрудились” Гималаи) оказалась совершенно “переписана” циркуляция атмосферы и, как следствие, климатическая картина. До неожиданного роста гор система была более или менее равновесной — во всяком случае, она стремилась к равновесию, то есть к выравниванию температуры разных регионов. Теперь же высокие горные гряды вызвали образование климатических “завихрений” в виде арктического вихря, монгольского антициклона или тихоокеанских тайфунов...» (Добрецов Н.А. Что мы знаем и чего не знаем об эволюции // Наука из первых рук. 2004. Январь. № 0. С. 19).

Из Корана можно узнать, что горы воздвигнуты Богом на земле ради обеспечения ее устойчивости (стабилизации) (см.: 16: 15). Кстати, момент наступления Конца света будет озаменован, в частности, тем, что «горы придут в движение и станут маревом» (78: 20), «уподобятся расчесанной шерсти» (101: 5).

⁷ Именно в указанный выше момент — когда в тварном теле — зародыше — зажигается искра Духа Божья («воссияет религиозная Купина», если воспользоваться выражением Ивана Ильина) — человек становится индивидуальностью и приобретает те качества, которые при наличии должных усилий с его стороны позволяют ему стать личностью. Теперь несложно понять, почему Всевышний сказал: «Мы сотворили человека и знаем, что нашептывает ему душа. Мы ближе к нему, чем шейная артерия» (50: 16). Этому айату созвучно высказывание Блаженного Августина: «Бог ближе ко мне, чем сам я». По образному рассуждению И. Ильина, «живогорящая Купина» «переживается как своего рода всеосвещающее и всевидящее Око Божие».

⁸ Поскольку Бог запрещен этому миру, то, говоря об инициации человека Создателем от Его Духа, мы не подразумеваем каких-либо форм эманации Всевышнего. Данное высказывание нужно понимать, в частности, как установление постоянной связи человека с Господом (ее «разрыв» следует толковать не как физическое умирание субъекта, а как его исключение, «вытирание» словно ластиком из Бытия; отпущение Богом человека из Своей «правлящей Десницы» было бы равносильно исчезновению индивида, его необратимому провалу в бездну небытия). Каждый землянин, независимо от того, верующий он или нет, связан со своим Творцом. Важно, чтобы эта связь не оставалась односторонней. Ответная «замкнутость» на Создателя всех мыслящих существ, ощущение каждым живого присутствия Бога — это универсаль-

ная основа единения верующих (сначала метафизического, потом — социального). См. также примеч. 151.

⁹ См.: *Пригожин И.Р., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. Размышляя над происхождением нашей физической реальности в свете новейших научных открытий, крупнейший астрофизик современности Стивен Хокинг писал: «Очень трудно объяснить, почему вселенная зародилась именно в таком состоянии, если не предполагать вмешательство Бога, Который намеревался создать существ вроде нас» (*Хокинг С., Млодинов Л.* Кратчайшая история времени. СПб., 2007. С. 84).

¹⁰ *Валлерстайн Им.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003. С. 284. Принцип всеобщей взаимосвязи базируется, в частности, на такой характеристике Творения, как «отсутствие [в нем] локализации». Наличие «фундаментальной нелокальности» («единства-в-разделенности», «бытия-вместе-в-разделенности») прямо следует из квантовой теории поля и выражается в том, что, если две квантовые частицы провзаимодействовали друг с другом и тем самым оказались связаны в единое состояние или родились из такового, они сохраняют способность взаимовлияния вне зависимости от того, на какое (сколь угодно большое) расстояние они разнесены после взаимодействия. Альберт Эйнштейн, Борис Подольский и Натан Розен теоретически обосновали, а Ален Аспек экспериментально доказал существование эффекта мгновенного изменения физического состояния квантовой системы Б вследствие изменения физического состояния квантовой системы А (так называемый «ЭПР-эффект» — аббревиатура образована из первых букв фамилий физиков. См.: *Эйнштейн А., Подольский Б., Розен Н.* Можно ли считать квантовомеханическое описание физической реальности полным? // Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т. М., 1966. Т. III: Работы по кинетической теории, теории излучения и основам квантовой механики. 1901–1955. С. 604–611). А поэтому Творение нельзя мыслить как простую и делимую сумму частей. Оно неделимо и неразложимо на какие-либо множества элементов (это вообще главный онтологический вывод из квантовой физики), в нем всё взаимосвязано и взаимозависимо, в нем *нет пустот*, оно *цельно и едино* (к тому же неисчерпаемо с точки зрения элементарного строения) и на субквантовом уровне существует как неделимая единица. «Бытие есть всеединство», — подчеркивал Семен Франк (*Франк С.А.* Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии // Франк С.А. Сочинения. М., 1990. С. 234). «Релятивизация понятий “элемент” и “множество” означает, что в конечном счете мир существует как неделимая целостность, а не множество (каких-либо элементов). Это в точности соответствует квантовой картине мира. Поскольку квантовые системы в так называемом чистом состоянии не могут быть полностью разложены на множества элементов, мы вынуждены описывать их в терминах потенциальных возможностей выделения таких элементов и в терминах соответствующих вероятностей, представ-

ляющих теперь их (т. е. квантовых систем) объективно-реальную структуру» (*Цехмистро И.З.* Научная картина мира последних двадцати лет: коренное изменение антропологической перспективы // Наука и богословие: антропологическая перспектива. М., 2004. С. 101).

¹¹ Из Корана следует, что вера в Бога, способность разума быть верующим свойственны подлинной природе человека, заложены в него в момент его сотворения согласно договору, заключенному родом людским («сынами Адама») со Всевышним: «Некогда Господь твой извлек потомство сынов Адама из их чресел и повелел им (потомкам Адама. — *Ю.М.*) исповедаться о самих себе: “Не я ли Господь ваш?” Они отвечали: “Да, мы исповедуем это”. Это — чтобы в день Судный вы не говорили: “Мы не ведали об этом” — или же не говорили: “Наши отцы были многобожниками. [А потому какой с нас спрос, ведь] мы их потомки”» (7: 172–173). Таким образом, от человечества требуется лишь восстановить исконную веру в первоизданной чистоте — «Прежде Мы заключили завет с Адамом, но он *забыл* [об этом], и убедились Мы в его нестойкости» (20: 115). В отличие от христианства (Фома Аквинский писал, например: «Первый грех человека изначально переходит на потомство» («Сумма теологии». Ia–IIae, q. 81, a. 1); «Оттого, что согрешил, в нем согрешили все — не как совершившие в нем поступок, а как принадлежащие к природе, которая происходит от него и испорчена грехом» («Сумма против язычников». IV. 52)), в исламе нет первоизданного греха, т. е. онтологической поврежденности человеческой природы. Каждый человек рождается безгрешным, а потому нуждается не в искуплении, а в постоянном водительстве его Богом — «[Адам и его супруга] вкусили [плодов с дерева, указанного им Сатаной,] и устыдились своей наготы. Они стали прикрываться [сорванными с райских деревьев и] сложенными [вместе] листьями. Так ослушался Адам своего Господа и сошел с правильного пути. Потом Всевышний сделал его [Своим] избранником, *принял его покаяние* и наставил на прямой путь» (20: 121–122).

Пророк ислама Мухаммад говорил: «Всякий младенец рождается согласно своей [подлинной] природе. Это родители делают его иудеем, христианином или огнепоклонником. С детьми, как с животными, — вы разве видели животных с подрезанными ушами?» Кораническое представление о присущей каждому новорожденному некой изначальной «настроенности» на определенный, «мусульманский» (правоверный, единобожный — вспомним о «вдохновении от Духа Божия» и о том, что в момент разрезания пуповины ребенок еще гармонизирован через организм матери с Творением), тип веры и социального поведения («Обрати свой лик к религии, исповедуя единобожие. Таково *врожденное качество*, с которым Бог сотворил людей, и не изменить творения Всевышнего» (30: 30); «Душа по природе мусульманка», — сказали бы мы, перефразируя Тертуллиана) любопытным образом коррелирует с выводами, к которым на основе анализа новейших научных данных при-

шел Фрэнсис Фукуяма: «<...> оказалось, что [в человеке] есть нечто вроде врожденных идей — или, точнее, врожденных видеоспецифичных форм познания и видеоспецифичных откликов на познание. <...> то, что наиболее важно для нас как для людей, не имеет явной цели в материальной схеме вещей, которые делают нас людьми. Ибо только человека отличает гамма эмоций, которые порождают цели, назначение, стремления, желания, страхи, отвращения человека, и потому они — источники человеческих ценностей. <...> Каждый представитель вида “человек разумный” обладает генетически заложенными способностями, позволяющими ему стать цельным человеком, способностями, которые, по сути, отличают человека от других созданий. <...> Мы — животные общественные и политические не просто потому, что способны на теоретико-игровое мышление, но потому, что [изначально] наделены определенными общественными эмоциями» (Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 202, 240, 244). Ретроспективный обзор философских взглядов на проблему врожденного знания см. в статье: Васильев В.В. Врожденные идеи // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000–2001. Т. I. С. 459–460. Далее — НФЭ.

¹² К этому моменту человек уже не будет ни атеистом (невéром), ни язычником. Скрытая доселе Истина о Боге станет очевидной каждому, но торопиться заявлять о том, что одумался, что каешься за бесполокность и упрямство и отныне стал верующим, будет уже поздно. «Видел бы ты, как, замерев перед Огнем, они возопят: “О, вернуться бы нам обратно! Не отрицали бы мы более знамений Господа нашего и стали бы верующими!” Ну уж нет! Им ведь открылось то, что прежде они отрицали. Воротись они обратно, и вновь примутся за запретное. Воистину, лжецы они!» (6: 27–28). О продолжении жизни человека после Страшного суда мы поговорим позже.

¹³ «Каждый человек выбирает свой путь, а ваш Господь лучше знает, кто избрал прямой путь» (17: 84); «Сбивает Господь с [истинного] пути, кого пожелает, и наставляет на прямой путь [тех], кто обрел [Его] благоволение» (6: 39). См. примеч. 45.

¹⁴ «Богу принадлежит власть над небесами и землей и тем, что находится между ними, и Он над всем сущим властен» (5: 120).

¹⁵ Мухаммад Икбал, крупнейший мусульманский мыслитель первой половины XX века, индо-пакистанский поэт, философ и политический деятель, написал: «<...> человек, в котором самость достигла своего относительного совершенства, занимает должное место в сердце Божественной творческой энергии и тем самым обладает гораздо большей степенью реальности, чем окружающие его вещи. Из всех творений Божьих он один способен сознательно участвовать в созидательной жизни Творца. Наделенный силой воображать лучший мир и превращать то, что есть, в то, что должно быть, эго стремится в интересах всё большей и большей степени уникальной и всеобъемлющей индиви-

дуальности использовать всё разнообразие окружения, которым он призван оперировать в процессе неустанной деятельности» (Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе. М., 2002. С. 82).

¹⁶ Этот аят — еще один повод вспомнить об упоминавшемся выше Антропном принципе.

¹⁷ «Неужели человек полагает, что будет предоставлен сам себе [без всяких обязанностей]?» (75: 36).

¹⁸ Сбалансированность (срединность, центризм) — это сердцевина ислама — «<...> Мы создали вас срединной общиной <...>» (2: 143). «Во всех делах наилучшим, — научал Пророк, — является то, что посередине». В связи с этим ислам часто называют религией середины. Леонид Сюкияйнен, ведущий отечественный исследователь мусульманского права, заметил: «<...> усредненность понимается как взвешенность, умеренность, равноудаленность от любых крайностей, например уход как от приземленного прагматизма, так и от оторванного от реальности идеализма, неприятие как слепого отстаивания давно устаревшего, так и стремления к постоянным переменам» (Сюкияйнен Л.Р. Умеренность как стратегия современного ислама // НГ-религии. 2006. № 4 (176). 1 марта. С. 4).

¹⁹ «<...> каждый день Он за делом» (55: 29). Рассуждая о великой страде человечества против тьмы и зла и заострив внимание на роли разума в духовной брани с нечистой силой, Василий Великий, архиепископ Кесарийский, один из Учителей Христианской Церкви, писал в «Беседах»: «Должно, чтобы ум, как кормчий, восседая выше страстей, правя плотию, как кораблем, искусно направляя помыслы, как кормило, мужественно попирает волны <...>».

²⁰ «А если тебя коснется наваждение от Сатаны, то прибегай к защите Бога, ибо Он всеслышащий, всеведущий» (41: 36; 7: 200). Евагрий Монах (сер. IV—399) наставлял: «Бога надо вспоминать чаще, нежели дышать». Перефразируя французского богослова Луи Дюмона, мы могли бы сказать: «Мусульманин ходит ногами по земле, но головой касается неба». Ниже мы подробно поговорим о подчиненности Создателю пространства и времени. Здесь же заметим, что, отрешаясь в молитве от окружающей действительности (чему, в частности, призваны способствовать ритуальная чистота и молитвенный коврик), мусульманин всякий раз совершает метафизическую хиджру (*араб.*, букв.: «выселение, эмиграция»; обычно так называют переселение пророка Мухаммада с соратниками из Мекки — города, где он родился, прожил почти полвека, оставил многочисленную родню, — в Медину, в символическом плане означавшее разрыв с миром язычества), вырываясь из «греховных объятий» пространства и времени и предельным напряжением душевных сил устремляясь к Божественной Трансценденции Творца.

По поводу молитвы Мухаммад Икбал написал: «Молитва, <...> будь то индивидуальная или коллективная, есть выражение внутренней тос-

ки по ответу в страшной тишине вселенной. Это уникальный процесс открытия, посредством которого ищущее *эго* утверждает себя как раз в момент самоотрицания и тем самым открывает собственную ценность и свое оправдание как динамического фактора жизни вселенной. <...> Время ежедневной молитвы, которая, по словам Корана, восстанавливает “самообладание” *эго*, приближая его к соприкосновению с конечным источником жизни и свободы, предполагает спасение *эго* от механизирующего воздействия сна и дела. Молитва в исламе — уход *эго* от механицизма к свободе» (*Икбал М.* Указ. соч. С. 97, 110).

Нил Синайский определял молитву как «предначание невещественного ведения».

²¹ Что бы мусульманин ни планировал, он всегда скажет «'Ин ша'а-Лла» (*араб.*, букв.: «Если пожелает [того] Бог») (2: 70; 2: 99). «И никогда не говори: “Воистину, я сделаю это завтра”, не добавив: “'Ин ша'а-Лла”. Ну, а если забудешь сказать это, то вспомни своего Господа и молви: “Быть может, Господь мой выведет меня к [цели] более коротким путем”» (18: 23–24). Кораном подчеркивается: «Воистину, Бог забирает у верующих их жизни и добро, предоставляя им за это Рай. Сражаются они на Божией стезе, разя [врага] и погибая сами, согласно обязательству пред Богом, что истинно содержится и в Торе, и в Евангелии, и в Коране. <...> Те, кто приносит [Богу] покаяние, кто поклоняется [Ему], кто [Господу] возносит хвалу и соблюдает пост, кто кладет [Всевышнему] поклоны и поясные, и земные [, молитвы совершая], кто [других] к добру побуждает, а от дурных поступков отвращает, кто блюдет установления Господни [, эти люди суть те, кто верует в Бога]» (9: 111–112).

²² «Не стяжайте имущества друг друга несправедливым путем, а только путем торговли и по вашему взаимному согласию» (4: 29); «Не присваивайте незаконно имущества друг друга и не подкупайте судей, чтобы намеренно грешным путем завладеть хоть частью собственности других людей» (2: 188).

²³ *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное... С. 135.

²⁴ Под ростовщичеством «понимается неэквивалентный обмен взаимозаменяемого имущества, измеряемого по весу, объему или размеру, а также процент за кредит в денежной форме и за просрочку погашения долга» (*Сюкляйнен А.Р.* Мусульманское право собственности: юридические и религиозные основы // *Arabia Vitalis: Арабский Восток, ислам, древняя Аравия.* М., 2005. С. 279).

²⁵ «Те, кто пожирает лихву, — говорится в Коране, — восстанут из [могил], как восстанет тот, кого Сатана лишил рассудка своим прикосновением. Это — в наказание им за то, что они говорили: “Воистину, лихва [дозволена] наряду с торговлей”. Но торговлю Всевышний разрешил, а лихву запретил. <...> Искореняет Господь лихву и поощряет милостыню» (2: 275–276); «То, что вы отдаете в рост, чтобы оно возросло за счет чужого богатства, не возрастет перед Всевышним. А то,

что раздаете как закят (очистительную милостыню. — Ю.М.), стремясь к Лику Божьему, приумножит вам [воздаяние]» (30: 39).

²⁶ Алексей Журавский вносит следующее пояснение: «Новые разработки шариата по банковскому делу, займам и ссудам осуждают взимание процентов с одолженного капитала, трактуя это как эксплуатацию человека человеком, но допускают возможность вкладывать деньги в банки, получая <...> проценты. Таким образом, эксплуатация капитала уже не рассматривается как ростовщичество» (*Журавский А.В.* Ислам. М., 2004. С. 68). Сомнительно, чтобы такие новации получили одобрение большинства авторитетных правоведов.

²⁷ Поэтому такой несуразицей выглядит, например, следующее «экспертное соображение»: «<...> ислам уступает коммунизму в универсальности: чтобы стать мусульманином, надо фактически отказаться от собственной культуры» (*Соколик О., Власов П.* Война миров // РБК. 2006. № 8. С. 34). Глубочайшим образом заблуждаются те, кто считает ислам неотъемлемым атрибутом восточной культуры и культуры национальных меньшинств России. Эта религия обращена ко *всему* человечеству и не может быть уложена в прокрустово ложе той или иной культуры и даже цивилизации (в этом плане использование концептов «исламская цивилизация», «православная цивилизация», если и уместно, то лишь при анализе военно-политической карты мира). Наоборот, здоровое ядро культуры, как это было до сегодняшнего дня, становилось и будет становиться достойным атрибутом великой Традиции Единобожия.

Важно все-таки правильно понимать, что подразумевается в исламе под уммой. Это — религиозная община, в основе единения которой лежит осознание каждым ее членом своей принадлежности внемирному Богу, от Которого во вселенной зависит буквально всё, во имя реализации заповедей Которого человек живет и совершает поступки. Мусульмане опираются на единую духовную платформу — «Он сплотил их сердца» (8: 63), — непосредственно сказывающуюся на их образе жизни, благодаря чему они испытывают вполне естественное и наиболее сильное чувство привязанности (тяготения) друг к другу (единство в умме выступает как эквивалент единобожия в социальной сфере). А потому национальность, гражданство, кровнородственные отношения и т. п., имеющие «земную укорененность», вторичны по отношению к узам исламского братства — особого типа человеческой общности {«Воистину, верующие — братья» (49: 10); «Крепко держитесь за вервь Бога, не разделяйтесь <...>. Он примирил ваши сердца, и по милости Его вы стали братьями» (3: 103); «И, воистину, это — ваша община, едина она, а Я есмь Господь ваш» (23: 52); «Вы — лучшая из общин, созданная на благо людей; велите вы творить добро и запрещаете деять зло, веруете в Бога» (3: 110); «А если они обратились [в ислам] и совершили молитву, то они — ваши братья по вере» (9: 11)}. Но вхождение в исламское братство, «град Божий», ни в коей мере не может предполагать одновременной культурной нивелировки его новообращенных членов,

необходимости предания забвению и/или разрушению ими своего прошлого. Умма — это не аморфное ячеистое образование, не инертная биомасса, которой можно произвольно манипулировать, но духовное единение автономных личностей, спаянных, в частности, общностью жизненных ценностей и отношением к основным свободам и правам человека как богоданным, врожденным, не подлежащим отмене, ограничению или изменению кем бы то ни было. Будучи пронизана всеобщей ответственностью, вдохновленной солидарным гуманизмом, умма стоит на страже интересов верующих, фактически — всего человечества, ведь только действительно свободные люди могут творить добро. «Свобода, Равенство и Братство» — лозунг, всегда актуальный для последователей пророка Мухаммада (см.: *Пригарина Н.И.* Поэтика творчества Мухаммада Икбала. М., 1978. С. 48). Сделать зримым живое присутствие Бога — программная задача товарищества мусульман.

Социальный интегрзм, присущий исламу с момента возникновения этой религии — «<...> Бог любит тех, кто сражается [стройными] рядами на Его пути, словно они — прочно сложенное здание» (61: 4), — естественное преимущество мусульман в контексте вызовов эпохи глобализации. Учитывая размытие межгосударственных границ в условиях охвата человечества Всемирной паутиной (Интернетом), со временем, по-видимому, придется переосмыслить традиционное для доинформационной эры смысловое наполнение (денотат) таких исламских дефиниций, как *дар ал-ислам* («территория ислама»), *дар ал-куфр* («территория безбожия») с входящей в нее *дар ал-ахд* (*дар ас-сулх*) — «территорией договорного мира»), *дар ал-харб* («территория войны») и др.

²⁸ Одна из формулировок этого закона выглядит следующим образом: «Переход неупорядоченного движения частиц тела в упорядоченное движение тела как целого требует, чтобы одновременно происходил какой-либо компенсирующий процесс» (*Яворский Б.М., Детлаф А.А.* Справочник по физике. 2-е изд. М., 1985. С. 122), т. е. стоит системе оказаться изолированной от внешней среды, как энтропия (единица измерения неупорядоченности) в ней станет возрастать, отражая деструкцию системы, или, другими словами, в изолированной от внешних воздействий (замкнутой) системе энтропия (беспорядок) никогда не убудет.

²⁹ Как известно, после смерти тело человека неизбежно разрушается под воздействием внешней среды. Это наглядное проявление действия второго начала термодинамики. Вообще, вопреки этому фундаментальному закону, вся история вселенной, а особенно история биологической жизни на Земле, характеризуется постоянным возрастанием сложности, что недвусмысленно свидетельствует о разумности начала, задающего этот процесс. В терминах синергетики человек — это психосоматическая диссипативная (мы «дышим энтропией») открытая система, поддерживающая (генерирующая) на протяжении своей жизни состояние сложнейшей упорядоченности и экспортирующая энтропию в окружающую среду. Стоит индивиду снизить жизненную активность,

и он станет деградировать (физически, психически). Жизнь как фактор, противостоящий разрушающему действию второго начала термодинамики и понижающий энтропию, дана человеку, чтобы служить Богу. Всевышний — ее бессмертный источник («Вечно живущий» (2: 255), «Жизнеподатель» (2: 258)). Жизнь — это постоянное волевое богоугодное усилие. (Заметим, что именно такое, буквальное значение — «усилие» — имеет арабское слово «джихад».) *Жизнь как оправдание милостивого дара Жизнеподателя, жизнь как джихад ради Бога и во имя Его.* Но таковой может считаться лишь полноценная жизнь. К толкованиям ключевого для ислама термина «джихад» мы еще вернемся.

³⁰ Пророк говорил: «Никто не вкусил лучшей пищи, чем та, что добыта собственным трудом».

³¹ Лев Аннинский, замечательный отечественный литературовед и писатель, явным образом поверхностно разбирающийся в исламе, тем не менее пронизательно заметил: «Корни той ситуации, которую мы сейчас наблюдаем, — в гигантском росте энергетики южных народов. <...> Мне кажется, что ислам для [них] <...> является формой реализации энергии. По сравнению с западным миром у исламского мира есть и перевес в плане рождаемости, и в то же время готовность идти на смерть ради воображаемой жизни. *У нас — недостаток сил, у них — избыток*» («Ситуация, в которой проигрывают все»: Религиозные деятели и интеллектуалы: взгляд на «карикатурную войну» // НГ-религии. 2006. № 3. 15 февраля. С. 2. Курсив мой. — Ю.М.).

³² Известному современному богослову Абу аль-Аля аль-Маудуди принадлежит следующее высказывание: «Человек сознательно подчиняется Богу, которому он всегда подчинялся неосознанно» (*аль-Маудуди А. аль-Аля. Основы ислама. М., 1993. С. 9*). В начале XI века Симеон Новый Богослов дал замечательное определение стоянию на молитве как «умному деланию».

³³ *Ибрагим Т. Ислам // НФЭ. Т. II. С. 163.*

³⁴ «И давай положенное родственнику, бедняку и путнику, но не расточай безмерно <...>» (17: 26); «Не скупись, словно твоя рука прикована к шее, и не будь непомерно щедрым» (17: 29). Пророк поучал: «Просьба о подаянии подобна шраму, всякий раз обезображивающему лицо просящего, но это не касается случаев, когда прошение обращено к правителю или когда человек оказался в безвыходном положении»; «Клянчащий средства ради приумножения своих накоплений выключивает себе раскаленные уголья».

³⁵ «Ешьте и пейте, но не излишествуйте, ибо Бог не любит излишествующих» (7: 31).

³⁶ Пророк Мухаммад остужал горячие головы: «И не из нас те, кто борется во имя нетерпимости. И не из нас те, кто гибнет во имя нетерпимости». Коран призывает: «Не криви щеку пред людьми и не шествуй по земле горделиво. Поистине, не любит Бог спесивцев и хвастунов!»

Ступай размеренно и голос не повышай, ибо самый противный из голосов — ослиный рев» (31: 18–19).

³⁷ По мнению имама аль-Газали, хвастовство — это поклонение самому себе, одна из форм язычества.

³⁸ Пророк Мухаммад говорил: «Доверивший общественный пост человеку, в коллективе которого имеется более подходящая кандидатура на эту должность, предал доверие Всевышнего, Его Посланника и всех мусульман».

³⁹ «А тем, кто, накапывая золото и серебро, не расходует на Божье дело, возвести о лютом наказании <...>» (9: 34).

⁴⁰ «Соединяйте браком тех из вас, кто холост <...>» (24: 32).

⁴¹ Основной лейтмотив этих коранических пассажей: что бы в земной жизни человека ни случилось, как плохое, так и хорошее, это лишь *испытание* от Бога, поскольку подлинная жизнь начнется лишь за порогом смерти — «Жизнь в этом мире — лишь игра и забава. Воистину, мир будущий и есть жизнь вечная <...>» (30: 64). Поэтому никакие мирские успехи, в том числе приращение богатства, человек не может отнести лишь на счет своих заслуг, — «материализуя» таким образом смысл своей жизни, — и не только по причине, что богатство не забережь с собой на тот свет, но и в силу того, что оно не принадлежит человеку *изначально*. Это имущество Бога, доверенное Им конкретному индивиду, чтобы посмотреть, как тот распорядился им. При этом речь идет не об автоматическом превращении конкретного человека в собственника, а о наделении его *возможностью* стать таковым. Приоритетными способами вступления во владение имуществом являются личный труд и коммерческая деятельность. Сеййид Кутб, создатель самого популярного в XX веке комментария к Корану (о высочайшем уровне которого свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что с арабского на персидский его перевел аятолла Хомейни), писал: «<...> ислам устанавливает право на частную собственность и определяет гарантии ее сохранности и законные пути ее приумножения. Право на личную собственность обеспечивает справедливое соотношение затраченных усилий и вознаграждения <...>, а также стимулирует индивида к максимальной отдаче усилий на благо общества. <...> Индивид, скорее, выполняет функцию управителя имуществом от лица общества, поскольку именно общество замещает Аллаха в качестве единственного собственника всего существующего в этом мире. <...> Ислам запрещает также чрезмерную концентрацию имущества в руках определенной группы общества» (*Кутб С. О социальной справедливости на основе Корана // Россия и мусульманский мир. 1998. № 4 (70). С. 120*). А потому исламом всячески поощряется развитие предприятий малого и среднего бизнеса. Основой производственной деятельности считается личный труд, направленный на удовлетворение жизненных потребностей, а не манипуляции с капиталом. Экономическая эффективность хозяйствования опреде-

ляется степенью его «соответствия деловым и общинным интересам единоверцев».

Далеко не каждый выдерживает испытание славой и богатством. О разбогатевших скупердяях в Коране говорится: «А тем, кто, накапливая золото и серебро, не расходует на Божье дело, возвести о лютот наказании — в день, когда этими же монетами, раскаленными в огне Геенны, будут прижигать им лбы, бока и спины, услышат они: “Вот, что для себя вы накопили, так наслаждайтесь же нажитым вами!”» (9: 34–35). Эти слова полезно было бы напомнить тем российским толстосумам, которые, величая себя мусульманами, готовы раскошелиться лишь на мечети-дворцы, хорошо усвоив хадис Пророка (предание о Его словах и действиях, служащее основанием для регламентации религиозно-правовых аспектов жизни общины) о том, что такие же хоромы будут ожидать их в райских чертогах. На издание же переводов Корана или других книг по исламу у этих «нестяжателей» копейки не допросишься.

Очень важную роль играет в исламе милостьбня. Это не столько некая часть ритуала, сколько сердечная демонстрация справедливого и милосердного отношения к ближнему, верный способ преодоления тяги к «земному» — «Да и откуда тебе знать, что есть горний путь? Отпусти раба на волю либо накормить оголодавшего сироту из ближних или бедняка обездоленного» (90: 12–16). Пророк Мухаммад предупреждал: «Не является верующим в Бога тот, кто ложится спать сытым, зная, что его сосед голоден». Вообще, нравственным (благим) в исламе может быть только то, что угодно Всевышнему, и наоборот — угодное Ему всегда нравственно. В силу этого неверие (прегрешение) рассматривается как несоблюдение нравственных норм, установленных Властелином Судного дня (см.: 69: 33–34; 89: 16–21).

⁴² Абдол Хосейн Зарринкуб, современный историк ислама и один из крупнейших исследователей персидской литературы, сформулировал даже своего рода категорический императив: «<...> целью [исламского воспитания] <...> было привить комплекс моральных качеств, носитель которых должен относиться к миру так, как если бы он жил в нем вечно, а отношение к Богу должно <...> быть таким, что человек должен быть готов предстать перед Ним в каждый конкретный момент времени» (*Зарринкуб А.-Х. Исламская цивилизация. М., 2004. С. 158*).

⁴³ *Икбал М.* Указ. соч. С. 34–35.

⁴⁴ *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное... С. 323. «Свидетельствуют Бог, а также ангелы и [все,] *наделенные знанием*, что нет божества, кроме Него <...>» (3: 18); «Не спеши [читать] Коран [другим], пока не будет завершено тебе откровение, и говори: “Господи! Приумножь мое знание”» (20: 114); «Неужели равны те, кто знают, и те, кто не знают?» (39: 9); «Страшитесь же Бога, обладателя разума. Быть может, вы преуспеете» (5: 100), то есть испытать подлинный благоговейный (но не себялюбивый, эгоистически-рабский) страх перед Всевышним может

только просвещенный верующий человек. Пророк Мухаммад понуждал: «Поиск знания — от колыбели до могилы»; «Если надо, то добывай знания и у неверных»; «Ученый, наука которого принесет пользу людям, лучше тысячи благочестивых аскетов»; «Ищите знания, даже [если для этого потребуется достичь] Китая».

⁴⁵ Известный современный турецкий философ и популяризатор ислама Харун Яхья (настоящее имя — Аднан Октав), размышляя над тем, почему Сатана (*араб.* Иблис), самый умный и ученый джинн, удостоенный права находиться среди ангелов и тем самым приближенный к Богу, ослушался Его, отказавшись пасть ниц перед Адамом, пишет с недоумением: «Это, поистине, поразительная ситуация. Сатана, обладающий всеми <...> знаниями об Аллахе и воочию видевший Его, должен обладать наивысшей степенью веры и богобоязненности. Уровень сознания также должен быть очень ясным <...>. Тогда почему Сатана проявил чрезвычайно невежественную “смелость” и безрассудство? *Невозможно логически объяснить* поведение Иблиса, знающего о существовании Аллаха, признающего Его безграничное Величие, Мудрость и Власть над всем сущим в мире, но при этом сознательно отрицающего волю Всевышнего Аллаха» (*Яхья Харун. Богобоязненность. М., 2003. С. 88. Курсив мой. — Ю.М.*).

Отказывая Сатане в «логичности», Харун Яхья говорит о столь же необъяснимом с позиции здравого смысла поведении тех, кто, зная о Боге, тем не менее идет на поводу собственной гордыни («Я лучше его. Ты сотворил меня из огня, а его — из глины» (7: 12)), не желая следовать наставлениям Владыки миров. С нашей же точки зрения, случай с Сатаной знаменателен в другом отношении. Алогичность поведения этого «зарвавшегося» джинна, отличающая обычно субъектов с помрачившимся рассудком {в Коране говорится, что далеко не каждого Господь удостоивает милости веры в Него — «В сердцах их — болезнь» (2: 10); «<...> накиннули Мы покровы неверия на их сердца» (6: 25); «<...> нет прямого пути тому, кого Создатель свел [с этого пути]» (4: 88), т. е. не помешал духовно оскопиться, погрузить сердце в бездну безблагодатного мрака}, последующее низвержение Дьявола с Небес с парным этому наказанию возвышением Адама (человечества) — это звенья одной цепи промыслительных событий Великого Архитектона Творения.

Вообще, дихотомия (парность, четность, полярность, диалектическое взаимодополнение и взаимопревращение противоположных начал), одна из фундаментальных характеристик Творения, сама по себе парна единственности его Зодчего — «Так будет славен Тот, Кто создал пары, которые земля изводит, и пары из живых существ и из того, что знать им (людям. — Ю.М.) не дано» (36: 36); «<...> ночь Бог вводит в день, а день Он вводит в ночь» (22: 61); «<...> клянусь и четом, и нечетом <...>» (89: 4). Пророк говорил: «У Бога девяносто девять имен, сто без одного. Кто помнит их наизусть, войдет в Рай. Бог — нечет, и Он любит нечет».

Михаил Пиотровский дополняет спектр суждений, характеризующих мотивацию поступка врага рода человеческого: «Есть еще одно объяснение [поведению Сатаны], принимавшееся некоторыми суфиями <...>. Согласно ему, Иблис счел поклонение кому-либо, кроме Аллаха, нарушением истинного единобожия, тем самым он проявил верность вере в Аллаха, но не выдержал испытания повиновением. Согласно мнению многих суфиев <...>, в конце концов он (Сатана. — Ю.М.) будет прощен Аллахом» (Пиотровский М.Б. Иблис // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 82).

Наделяя человека свободой воли, Всевышний создал его в виде устойчивой системы, равновесие в которой поддерживается именно благодаря осмысленному волевому усилию (*араб.* джихад) индивида — «трезвению», а дисбаланс вносится «земной» силой — злом. Вот это самое зло, сбивающее человека с «прямого пути» «ради испытания» (21: 35), распятывающее внутренний мир человека, и был призван актуализировать на земле Падший Джинн — «Я засяду против <...> [людей] на Твоем прямом пути. Непременно буду я являться к ним и спереди, и сзади, и справа, и слева <...>» (7: 16–17). В борьбе со злом (в определенном смысле — с самим собой) человек совершенствуется и, лишь преодолевая его, «трезвея», становится по-настоящему свободен. Защита от зла, разлитого в этом мире, возможна лишь через веру в Бога, следовательно, чем вера крепче, тем человек свободней (см. также примеч. 62).

Преодоление зла, порой мучительное, — это обратная сторона сущностного для человека процесса познания им Творения и преобразования его, тот тернистый путь, движение по которому осуществимо лишь при условии предельной мобилизации человеком его интеллектуальных способностей, недреманности и незашоренности духовных вежд. «<...> жизнь ограниченного *эго* в создающем препятствия окружении зависит от постоянного расширения знания, базирующегося на реальном опыте. А опыт ограниченного *эго*, для которого открыто несколько возможностей, расширяется только методом проб и ошибок. Поэтому ошибка, которая может быть характеризована как своего рода интеллектуальное зло, является обязательным фактором в наращивании опыта» (Икбал М. Указ. соч. С. 93). Из сказанного легко получить одно из объяснений «необходимости зла».

Известно, что на Последнем суде Богом будет осуществлено «контрольное взвешивание» доброго и греховного, содеянных человеком в этом мире: «<...> тот, чья чаша [добрых деяний] перетянет на Весах [чашу его прегрешений], будет благоденствовать [в потустороннем мире], тому же, чья чаша [добрых деяний] окажется на Весах легче, будет пристанищем [Адская пропасть]» (101: 7–8); «В день Воскресения Мы установим Весы справедливые, и не вкусит никто несправедливости даже на вес зерна горчичного. Ибо никто другой не умеет считать [деяния так], как умеем считать Мы!» (21: 47). Так вот, в свете представлений о природе зла (об этом говорилось чуть выше) оказывается, что,

«согласно господствующему среди богословов мнению, после <...> пребывания в Аду грешники из числа мусульман (в широком смысле слова, то есть единобожников) будут помещены в Рай. За ними последуют и те, у кого в сердце веры “хоть с крошечное зерно”» (*Ибрагим Т.К., Ефремова Н.В.* Путеводитель по Корану: Вера // Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001. С. 530). Опираясь на Коран, Сунну и хадисы, Тауфик Ибрагим, виднейший отечественный востоковед, пришел к выводу, что вообще все без исключения грешники, получив должную меру наказания, рано или поздно покинут Геенну (см.: *Ибрагим Т.* Вперед, к кораническому исламу // Восток. 2006. № 3. Май–июнь. С. 58–70). В христианстве идею апокатагастиса (*греч.* «возвращение в прежнее состояние, восстановление»), временности адских мук и завершающего спасения всех тварей, не исключая Сатаны, впервые выдвинул Ориген, один из Отцов ранней Христианской Церкви. Это учение было осуждено как еретическое Константинопольским (543) и последующими Соборами. После Реформации оно возродилось в ряде радикальных протестантских течений (подробнее историю таких воззрений и их современную критику см.: *Универсализм* // Гайслер Н.-М. Энциклопедия христианской апологетики. СПб., 2004. С. 952–958).

Совершенная нечестивые поступки, загрязняя ими душу и помрачая коростой грехов сердце, человек сам уготовливает адовы муки своей бесмертной душе после кончины тела. Велением всемилосердного Бога объем кары всегда соразмерен содеянному — «[душе человека] достанется то, что она обрела, и против нее будет то, что она обрела» (2: 286); «Тому, кто придет на [Суд Божий] с добрым деянием, воздастся десятикратно. А кто явится со злым деянием, воздастся стольким же» (6: 160), — поэтому посмертное наказание не может быть для всех бесконечным (за исключением, по-видимому, тех случаев, когда совершены особо тяжкие проступки пред Богом). В этом состоит, в частности, проявление Божественной Справедливости, Благодати и Великодушия.

Размышляя о «вечности» в контексте вневременности Божественного Бытия, Михаил Хеллер замечает: «<...> Бог должен быть существом “за пределами” сотворенного времени, хотя эта метафора несовершенна. Называя Бога “вечным”, мы не говорим тем самым, что Он не имеет начала или конца, как вселенная Аристотеля. “Вечный” не означает бесконечной длительности: это означает, что временные понятия просто не применимы к Творцу как Творцу» (*Хеллер М.* Творческий конфликт. М., 2005. С. 117–118).

Об этом же писал еще Боэций: «Вечность есть совершенное обладание сразу всей полнотой бесконечной жизни, это с очевидностью явствует при сравнении ее с временными явлениями. У того, что существует во времени, его настоящее с наступлением будущего переходит в прошлое. И нет ничего существующего во времени, что могло бы охватить сразу всю протяженность своей жизни, ибо оно, не достигнув еще завтрашнего, уже утратило вчерашнее. <...> Лишь то, что охватывает всю

полноту бесконечной жизни и обладает ею, чему не недостает ничего из будущего и что не утратило ничего из прошлого, справедливо считается вечным. И оно с необходимостью обладает способностью быть всегда присутствующим в себе и заключать в себе подлинную бесконечность текущего времени. <...> Так как всякое суждение охватывает то, что ему подчинено по закону его природы, а Бог — вечен и сохраняет состояние, в котором, кроме настоящего, нет ничего, то и знание Его, превосходя движение времени, пребывает в простоте Его настоящего, содержа в себе в совокупности бесконечную протяженность будущего и прошедшего, и всё это Бог обозревает в непосредственности Своего знания, как если бы всё это происходило в настоящем» (*Бозций. Утешение Философией // Бозций. «Утешение Философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 286–288*).

Не менее интересно размышление на тему «вечность» Мухаммада Икбала: «В исламе нет вечного проклятия. Слово “вечность”, используемое в ряде стихов, связанных с Адом, объясняется самим Кораном как означающее только период времени [см.: 78: 21–23]. Время не может быть совершенно нерелевантным для развития личности. Характер имеет тенденцию стать постоянным, его изменение должно требовать времени. Поэтому в понимании Корана Ад не есть пропасть вечных пыток, исходящих от мстительного Бога, это — корректирующий опыт, который может укрепить *эго*, вновь ощутившее живительное дуновение Божественной Благодати. Да и Рай не является праздностью. Жизнь одна и непрерывна. Человек всегда движется вперед, чтобы вечно получать новые излияния, исходящие от Безграничной Реальности, которая “каждый миг является в новом величии” (имеется в виду аят 55: 29. — *Ю.М.*). А тот, кто получает Божественное излияние, не есть пассивный получатель. Каждый акт свободного *эго* рождает новую ситуацию и тем самым открывает новые возможности для творческого раскрытия» (*Икбал М. Указ. соч. С. 122*).

Ни в малой степени не ставя под сомнение истинность сказанного в Коране о вечности наказания для законченных негодяев (см.: 6: 128; 11: 107; 43: 74), не можем не выразить удивления логикой тех, для кого признание Ада не вечным равносильно умалению «статусности» («страшности») огненной кары за наиболее тяжкие беззакония. Ведь, если вдуматься, сама мысль о возможности понести в Преисподней наказание, пусть даже кратковременное, должна вызывать у верующего похолодание и замирание вострепетавшего от ужаса сердца. Неверующему же всё едино — что скоротечность расплаты, последующей на том свете, что ее бесконечность. Поэтому заниматься оценкой греха, прикидывая в уме, на какое «вызискание» он «потянет», может только законченный циник и лицемер. И если кто-то полагает, что подпадание под «ересь лжеучения о не вечности Геенны» равносильно освобождению от ограничений («отпусканию тормозов») на совершение самых мерзких преступлений, то этот человек, беря на себя смелость ставить под сомне-

ние вероустойчивость «запутавшихся», с его точки зрения, людей, на самом деле расписывается в шаткости собственной веры.

В Священном Писании ислама прямо говорится о вечности мук для тех, кого Всевышний не избавит от них. Но откуда следует, что смысл коранической «вечности» равнозначен нашему, «земному» пониманию ее как бесконечного по продолжительности хода времени? Часов-то на том свете нет, поскольку нет и времени. Да и вечным может быть лишь то, что не имеет исходной точки отсчета своего бытия. В противном случае всегда сохраняется возможность определить «возраст» того или иного явления. Именно поэтому о Боге принято говорить как о Безначальном Начале всех начал. Так неужели же кто-то откажется утверждать, что Ад совечен Богу?

Понимание наказания на том свете как конечной (для многих) процедуры открывает новые горизонты видения роли и значения Страшного суда. В Коране говорится, что в этот день Бог свернет «небо, как сворачивают свитки с письменами», и воссоздаст «творения, подобно тому как [Он] сотворил их в первый раз» (21: 104). Последний суд — это тот рубеж, с минованием которого будет окончена летопись земной жизни — Первого творения — и дан старт новой, на сей раз бесконечной, жизни.

Первое творение уподобляется книге, которую Всевышний испещрил Своими авторскими знаками — природными феноменами. По-видимому, в ней найдется место и для упоминания плохих и хороших дел, которые регистрируются двумя ангелами, сопровождающими каждого человека на протяжении всей его земной жизни (см.: 50: 17–18; 82: 10–12). По завершении записи последнего события, намеченного Создателем, свиток с хроникой этого мира будет свернут Творцом, и Он воскресит всех когда-либо живших людей для наступившего Суда и последующей вечной жизни. Но, поскольку земной мир останется лишь в воспоминаниях — Бог «свернет» его за «исписанностью», «завершенностью» {«сворачивание» необратимого времени эквивалентно полярному изменению направления «стрелы времени», схлопыванию времени в точку — возврату из «эсхатологической точки» в исходную точку начала великого акта Твародействия; история этого мира предстанет во всей своей целостности как одно мгновение, равно как таким же мгновенным будет синхронное всеобщее воскрешение, а потому, когда бы человек ни умер, в Судный день «грешники станут клясться, что не пробьли [в могилах] и одного часа» (30: 55); читая коранические описания событий — предвестников Конца света, невозможно отделаться от ощущения, что трехмерное пространство будет претворено в двумерное, дабы начать всё с «чистого листа»: «Мой Господь развеет [горы] и оставит только гладкую равнину» (20: 105–107); «<...> изгладится земля [от гор и долин], извергнет то, что в ней, и опустошится <...>» (84: 3–4); «<...> земля станет плоской» (18: 47); «<...> моря смешаются (вариант: высохнут. — Ю.М.) <...>» (82: 3)}, — воскрешение явится знаком рождения иной, нежели прежде, реальности (для обычных людей она до поры

до времени — за пределами их «чувственного опыта») — Второго творения («В тот день земля будет заменена другою, равно как и небеса <...>» (14: 48)). Праведники (по преимуществу это те, кто грешил, но добродетельно помучиться, отбывая свой срок в Аду, — эдемские сады не могут принять богоотступников. Чтобы попасть в Обитель блаженных (погрузиться в состояние беспредельного счастья и любви), душа, перегруженная греховными недугами, должна очиститься. Метод тому один — выжигание нечестия, скопившегося в ней за время земной жизни. И некому будет спросить у осужденного Высшим судом, согласен ли он на такую «экзекуцию», — человек фактически сам себя приговорил, неразумно распорядившись предоставленной ему Богом свободой и не вняв Его неоднократным увещаниям. Грехи, перевесившие (даже на «вес пылинки» (99: 8)) десятикратно утяжеленные (см.: 6: 160) добрые дела, могут только жечь на том свете. Нестерпимый жар пламени Геенны будет терзать душу до тех пор, пока не выгорит последний грех. Коранические картины адских мук весьма впечатляющи. Это одеяния грешников из смолы (см.: 14: 50), из огня (см.: 22: 19), цепи, оковы, ошейники (см.: 14: 49; 40: 71; и др.), лица в огне (см.: 14: 50), кипятков на головы (см.: 22: 19) и т. д. Для негодяев, не прощенных Всевышним (если таковые останутся), истязания будут вечными. Освобожденная от шлаков (плевел) нечестия душа откроется Предвечному Свету («Они скажут: “Господи наш! Дай нам Света сполна <...>”» (66: 8)) и, притягиваемая им, ступит на стезю восхождения к своему Творцу — «О душа, обретшая покой! Вернись к твоему Господу снискавшей радость и довольство! Войди в круг Моих рабов! Войди в Мой Рай!» (89: 27–30). Путь к Всевышнему, «Владыке ступеней» (70: 3), многоступенчат и бесконечен — «Ангелы и Дух восходят к Нему в течение дня, равного пятидесяти тысячам лет» (70: 4). Более того, как прошлая, земная, жизнь была испытанием, так и нынешняя, жизнь после смерти, — останется им — «Благословен Тот <...>, Кто сотворил смерть и жизнь, дабы испытать вас [и увидеть], чьи деяния окажутся лучше» (67: 2). Жизнь за порогом смерти — это нескончаемое и динамичное освоение неистощимых богатств Божественной природы. Представляется, что у разных людей в силу несовпадения объема и качества совершенного ими добра в прошлой жизни восхождение по пути духовного просветления к недостижимому в Своей Трансцендентности Творцу должно начинаться с разных уровней приближения к Нему («Каждому [человеку] — ступени [воздаяния] сообразно тому, что он совершил» (6: 132)), ведь Господь — «величайшая награда» (73: 20) и конечная цель (не в плане Его достижимости, а в смысле направленности к Нему, причем не в пространственно-геометрическом измерении).

Таким образом, Страшный суд и последующее наказание — это своего рода неминуемое горнило для вхождения в новую реальность и последующей полноценной жизни в ней бессмертного человечества — «Вы предпочитаете жизнь ближайшую, а ведь последняя лучше и длитель-

нее» (87: 14–17). Как уже говорилось, тем, кто совершил больше хорошего, чем плохого, наказание не грозит.

Получается, что на протяжении жизни человеку суждено претерпеть два рождения и одну смерть между ними. При этом вторым рождением смерть и мир нечестия упраздняются раз и навсегда, заканчивается своего рода предыстория человечества и начинается его подлинная история.

Бог прямо говорит о сотворении *каждого младенца*, вплоть до появления дитя на этот свет, как о *Своем непосредственном деле*: «Воистину, человека Мы создали из выгяжки глины, потом каплей жидкости поместили его в надежное место, каплю эту превратили в сгусток крови, а тот — в затвердевший комок. Из него мы сотворили кости и облекли их плотью. А после создали человека новым творением. <...> Затем вы непременно скончаетесь» (23: 12–15). Как известно, далее последует воскресение (второе рождение) и жизнь в иной реальности. Желая населить Свой Рай, Бог законоположил практику первичного вынашивания младенца матерью в чреве, вторичного вынашивания человека (наделенного свободой воли) в утробе Живой Природы (Первым творением) и последующего его (человека) перехода в загробный мир (Второе творение) путем «сбрасывания» отработавшей свой срок телесной оболочки и обретения вечно молодого (нетленного) тела. «Богу принадлежат жизнь последняя и жизнь первая» (53: 25).

Сотворив очередного человека и желая испытать полученный «экземпляр» «в деле», Господь отправляет Своего новоявленного избранника в «свободное плавание» по «житейским морям и просторам грешного мира». При этом самостоятельность испытуемого провиденциально ограничивается. В назначенный Всевышним срок «раб Божий», «хлебнувший земного лиха», духовно окрепший либо павший во грехе, возвращается к своему Создателю. Откуда вышел, туда и вернулся, но вернулся не таким, как вышел; и, пока шел, путь вспять был заказан.

Иван Ильин, русский религиозный мыслитель православного исповедания, так описал этот процесс: «Дивное существо, Богом созданное, Его откровением благословенное, Его благодатию поддержанное и вскормленное, Его милостью зысканное, от Него воспринявшее свою способность к свободе и прошедшее путь самосовершенствования, — не исчезает в пустоте и ничтожестве, но *продолжает осуществлять свое призвание в новой форме бытия*. Оно училось на земле созерцать неосызаемые реальности, воспринимать сверхчувственное Совершенство, обходиться с бессмертными Предметами — и тем научилось желать и чаять бессмертия для себя. <...>

Для человека с духовным опытом — земная жизнь есть духовное подготовка к смерти; смерть же наступает в момент духовной зрелости; и конец земного странствования есть *рождение к сверхземной жизни*» (Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование [: В 2 т.] // Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 2003. Т. II. С. 250–251).

⁴⁶ «Воистину, на небесах и на земле — знамения для верующих. И в том, что Он сотворил вас, и в животных, рассеянных Им [по земле], — знамения для тех, кто тверд в вере. В смене ночи и дня, в уделе (дожде. — Ю.М.), ниспосылаемом Всевышним с неба и оживляющим омертвелую землю, в смене ветров — знамения для тех, кто разумеет. [Всё] это — знамения Божьи. Мы истинно возвещаем их тебе. Так в какие же увещевания, кроме как о Господе и Его знамениях, они уверуют?» (45: 3–6).

⁴⁷ *Кимелев Ю.А.* Богопознание // НФЭ. Т. I. С. 288.

⁴⁸ Мухаммад Икбал написал даже: «Истина заключается в том, что весь поиск знания есть по существу форма молитвы» (*Икбал М.* Указ. соч. С. 96).

Николай Коперник оставил нам следующие вдохновенные строки: «Мысленно созерцая великолепный порядок мироздания, управляемый с Божественной премудростью, кто не почувствовал бы, что постоянное созерцание его и, так сказать, интимное общение с ним возводят человека к Высшему и к восхищению перед всеизждущим Строителем вселенной, в Котором пребывает высшее блаженство и Который есть венец всякого добра». «Для чего создан человек? — вопрошал Антоний Великий, основатель монашества как института Христианской Церкви. — Чтобы, познавая творения Божьи, он зрел Самого Бога и прославлял Создавшего их для человека». «Бог познается не по существу Его, — поучал Максим Исповедник, один из Учителей Христианской Церкви, — но по великолепию Его творений и Его о них промыслу».

⁴⁹ *Ибрагим Т.* Между разумом и верой: Рационалистическая интенция классической исламской эпистемологии // *Arabia Vitalis*. С. 191.

⁵⁰ *Полкинхорн Дж.* Наука и богословие. Введение. М., 2004. С. 29.

Альберт Эйнштейн, гениальный физик, убежденный сторонник «разумности устройства» вселенной и в силу этого исповедовавший интуитивный метод научного познания, писал: «<...> высшим долгом физиков является поиск тех общих элементарных законов, из которых путем чистой дедукции можно получить картину мира. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция» (*Эйнштейн А.* Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1967. Т. IV. С. 40); «Сам факт, что целостность нашего чувственного опыта такова, что путем размышления (действий с концепциями, создания и использования определенных функциональных отношений между ними и соотнесения чувственного опыта с этими концепциями) его можно привести в порядок, самый этот факт — один из тех, которые мы никогда не поймем. Можно сказать: извечная тайна мира — его постижимость» (цит. по: *Frank Ph. Einstein: His Life and Times*. N.Y., 1947. P. 1); «Религиозное чувство ученого принимает форму восторженного изумления гармонией естественного закона, который открывает интеллект такого превосходства, по сравнению с которым всё систематическое мышление и действия людей — крайне незначительное отражение» (*Эйнштейн А.* О науке // Эйн-

пштейн А. Собрание научных трудов. Т. IV. С. 143). Размышления на эту тему продолжают занимать головы крупнейших ученых планеты, плоды бесчисленные вопросы. «Каким образом, — недоумевал Илья Пригожин, — мы, состоящие из множества частиц, осознаем себя в случайном мире частиц? Как это возможно? Как возможно, чтобы одна совокупность или множество частиц пришла в своем развитии к способности познавать, понимать и осознавать другую совокупность частиц — мир? Как возможно это чудо?»

Промыслив наполнить горний мир людьми, свободными в выборе дороги в Рай или дороги в Геенну, и обусловив возможность движения по первому «маршруту» безусловной преданностью и покорностью Себе, Всевышний наделил человека способностью к богообщению, — в частности, акцептированию им событий Божественного Самораскрытия — Самооткровений Творца, позволяющих верующему не сбиться с правильного пути, и знаков Трансценденции Создателя, пронизывающих этот мир.

В теологическом плане безусловная преданность Творцу синонимична стремлению приблизиться к Нему, что реализуемо лишь через богопознание. Но человек не может сам для себя запланировать этот процесс, сформулировать, так сказать, теорию познания Бога и поверять ее практикой, наполняя материальным содержанием. Человеческая инициатива останется безответной, если на то не будет воли свыше. Сама возможность богопознания и его глубина регламентированы Промыслом Создателя. Всевышний Сам указывает нам пути Его познания (приближения к Нему), открывая нашему взору ведущую к Нему лестницу проявлений Его в этом мире.

Как известно, научный поиск не носит случайного характера, но объяснить логику его развития, предсказать траекторию будущих открытий вряд ли кто-нибудь отважится. Каждый шаг познания окружающего мира — это очередной акт Божественного Самораскрытия, инициированный наделенным свободой воли человеком. (Всем нам знакомо состояние эйфории, охватывающее нас в момент открытия (познания) нового. В случае такого внезапного недискурсивного усмотрения истины мы говорим обычно об интуиции, «озарении», «осенении», «пронзании», «прозревании», «инсайте». Любому ребенку известно, что стоит за архимедовым («Эврика!») Богопознание — это не способ удовлетворения праздного любопытства или любознательности. Само же добытое знание не может быть зряшным. Чем больше человек узнаёт о законодательной системе Творца, реализованной Им в Творении, тем больше возможностей следовать Завету с Богом появляется у наместника Всевышнего.

Как бы мы ни силились познать Бога, исследуя всю рациональную красоту и рациональную ясность сотворенного Им мира — воплощение воли Всевышнего, мы, даже узнав многое, всё равно никогда не избавимся от ощущения, что практически не сошли со «стартовых позиций»

и не приблизились к Творцу ни на йоту (Блаженным Августином на сей счет придуман, Николаем Кузанским развит, а Семеном Франком помещен в центр философии религии емкий оксюморон «docta ignoantia» — лат. «умудренное (ведающее) неведение; ученое незнание»). «Перед Богом, — писал Альберт Эйнштейн, — мы все одинаково умны, точнее одинаково глупы» (*Эйнштейн А. О науке. С. 145*). Необъятные горизонты Божественного бытия, неизреченная тайна Божия, о которой нам свидетельствует религиозный опыт, не подвластные конечным возможностям человеческого разумения. Господь по Собственной инициативе открыл нам о Себе такое сокровенное знание, которое иным способом человек не смог бы постичь.

Хотя Откровение само по себе обладает бесконечной глубиной и богатством содержания, адресовано оно всё же человеку и заключает лишь провиденциально нужную ему меру знаний о Создателе. Очевидно, что содержание Послания (Самовыражения) Бога не адекватно беспредельности всесовершенного Творца. Оно только отражает, но не выявляет Сущность Всевышнего, остающуюся непостижимой и неизъясненной, превышающей всякое представление о Нем и познание Его, всякое словесное выражение. В Самооткровении Творец раскрывает Себя — Источник абсолютной истины — в той мере, в какой это необходимо для приближения к Нему человека. В онтологическом плане Откровение — это Самовыражение Бога, Его проявление вовне, проявление во всем, что не есть Бог. Максим Исповедник писал о познаваемости Божества «[сердечными] созерцаниями о том, что окрест Его», и непознаваемости «в том, что Оно есть Само в Себе». Рассуждая о соотношении Творения и Творца, Джон Полкинхорн заметил: «<...> Творение отделено от своего Творца [Это значит], что Он оставил нам онтологическое место, чтобы было нечто иное, чем Он Сам» (*Полкинхорн Дж. Вера глазами физика. М., 2001. С. 83*).

⁵¹ Стремясь покончить с безграмотностью в своем народе, Мухаммад повелел: любой язычник, плененный во время битвы у Бадра, может вернуть себе свободу, если за неимением средств для собственного выкупа обучит чтению и письму десятирех детей мусульман. Али ибн Аби Талиб, четвертый халиф, наставлял: «Не может быть совершенства в вере, стойкости, твердости и неколебимости в религии, если человек не развивает свой разум (интеллект. — Ю.М.). Лишь отшлифовав до блеска умственные способности, человек познаёт религию во всей ее полноте, достигнет вершин покорности Богу и будет испытывать сильнейшее отвращение к сатанинским искусам».

⁵² Иногда мусульман уличают в том, что они якобы сами впали в язычество, «поклоняясь Каабе». Кааба (*араб.*, букв.: «куб») — это главный храм ислама, расположенный в центре Заповедной мечети (ал-Масджид ал-Харам) в Мекке, близкое к кубическому полое каменное сооружение с плоской крышей и ровными стенами, высотой 15 м и основанием примерно 9 x 13,5 м, абстракцией своих идеальных линий и формы, *отсут-*

ствующих в естественной природе, передающее трансцендентность (внемирность) Бога. Кааба не имеет окон, со всех сторон закрыта черным покрывалом, за исключением входной двери (ее нижней части), расположенной на высоте ок. 2 м и открывающейся крайне редко — обычно для почетных гостей правящей династии (ныне — Саудиды). Для входа в Каабу к подножию двери приставляется специальная лестница. В сторону Каабы, «Дома Божьего», мусульмане обращаются во время молитвы. Паломничество к Каабе — один из пяти столпов ислама. В ее восточный угол с внешней стороны на высоте примерно 1,5 м от земли смонтирован заключенный в серебряное обрамление Черный камень (величиной с голову ребенка) — символ могущества Бога, дарованный Им Адаму, когда тот, низвергнутый из Рая на землю, добрался до Мекки. Изначально Камень имел белый цвет. В его глубине можно было разглядеть Сады благодати и тогда наверняка попасть туда после смерти. Обремененный грехами и порочностью людей, Камень почернел, и небесная Обитель праведников перестала быть видимой. Судя по всему, Камень — это своего рода информационный канал между этим миром и потусторонней реальностью. Открывается он лишь благочестивым людям. По-видимому, что речь идет о видении Рая сердечным зрением. Вот почему, совершая ритуальный обход Каабы (предварительно пройдя обряд ритуального очищения и погрузившись в особое духовное состояние), целуя при этом или касаясь Камня рукой и поднося ее затем к губам, паломник жаждет войти тем самым в контакт с горним миром и испытать искомое состояние души (райское блаженство), иными словами — узреть Рай. Разумеется, говорить при этом о каком-либо поклонении самому Камню нет оснований. По сути, Камень — это единственная точка на земле, через которую при жизни можно соприкоснуться с инобытием; в сакральном плане он — центр Мироздания. Исламское предание гласит, что Каабу, сооруженную для Камня Адамом и Евой и разрушенную Потопом, восстановил по велению Бога Авраам. Помогал ему его сын Измаил. Авраам же, первый проповедник единобожия, общий предок арабского (по линии Измаила) и еврейского (по линии Исаака) народов, завещал верующим в Бога совершать к Каабе паломничество.

Сориентировавшись для молитвы в направлении Каабы, этого «магнитного полюса ислама», расположившись (после ритуального омовения) на молитвенном коврике и тем самым отделив себя от «земного», мусульманин, в какой бы точке вселенной он ни находился, устремляет молитву к центру этого мира, адресуя Богу зов своего сердца. Коллективность же молитвы, совершаемой верующими в определенное время суток, когда Творение проходит заданные Великим Архитектором состояния, синхронизирует и усиливает молитвенный послы единых в своей преданности Создателю мусульман. (Сделаем осторожное предположение, что соблюдение циклограммы ежедневной молитвенной практики благотворным образом сказывается на синхронизации/калибровке/донастройке — путем запуска всякий раз своего рода эталонного

метрического механизма — биологических часов молящегося. Ведь доказано же экспериментально, что прочтение молитвы над водой приводит к изменению структуры последней и приобретению ею свойств так называемой «живой воды». А поскольку человек почти на 2/3 состоит из воды, то только «живая вода», когда она используется, например, для приготовления пищи или лекарства, способна принести пользу.) При всем том общеизвестен аят: «И восток, и запад принадлежат Богу. И куда бы вы ни обратились, там — Лик Всевышнего» (2: 115).

⁵³ См.: *Икбал М.* Указ. соч. С. 64–65.

⁵⁴ Возвращаясь к разговору о судьбоносном для Сатаны проступке, мы можем теперь сказать, что таковой была уготованная для него Творцом мера. Представляется, что при всей потенциальной вариативности хода истории, о чем будет сказано ниже, Божественный Промысл предполагает безусловное прохождение Творения через некоторые «реперные (знаковые, направляющие) точки», к которым, несомненно, следует отнести ключевые события Священной истории, упоминаемые в Коране.

⁵⁵ Цит. по: *Левин З.И.* Реформа в исламе: Быть или не быть?: Опыт системного и социокультурного исследования. М., 2005. С. 79.

⁵⁶ *Икбал М.* Указ. соч. С. 106.

Случается, что в состоянии подавленности, вызванной психологической травмой, личной трагедией, усталостью или иными причинами, верующие отворачиваются от Бога, кляня Его за несправедливость и жестокость. Если даже не апеллировать к аргументу «жизнь — это лишь испытание», следует понимать, что Бог наделил судьбой *каждую* без исключения частицу Творения (в том числе и само Творение в целом, его макро- и микроструктурные единицы и их сочетания, как устойчивые, так и неустойчивые, коим несть числа и под которыми следует иметь в виду в первую очередь социальные системы от индивида и конкретной семьи до отдельных коллективов, народов, государств, человеческой цивилизации в целом; у *каждого* такого образования — своя судьба), а учитывая, что всё в нем (Творении) взаимосвязано и взаимообусловлено, человеку — неотделимой от него части — не дано давать оценку Промыслу Создателя и суждено оставаться в полном неведении (за исключением того, что говорится в Откровении) относительно Провидения.

Размышляя над той же проблемой, Юрген Мольтман, почетный профессор систематического богословия Тюбингенского университета, написал: «Материальные структуры уже сейчас раскрывают перед нами возможности неопределенного поведения. Продвигаясь от атомных структур к более сложным системам, мы обнаруживаем всё большую открытость по отношению к времени и постоянная увеличение возможностей. Эволюция сложных систем сопряжена со всё более возрастающей неопределенностью поведения, обусловленной расширением возможностей. Самыми сложными из известных нам систем являются человеческая личность и человеческое общество. В них представлены

высшая степень неопределенности поведения и самый широкий спектр открытости по отношению к времени и будущему. Всякая реализация возможности через открытые системы создает поле, открытое новой возможности. Но это не тот случай, когда возможность просто реализуется и будущее преобразуется в прошлое. А значит, Царство славы, завершающее процесс творения <...>, нельзя представить как замкнутую систему, которая в итоге приходит к концу. Оно есть открытость всех конечных систем жизни бесконечности Бога. Следовательно, под Бытием Бога мы должны подразумевать не высшую реальность всех реализованных возможностей, но трансцендентное создание возможностей для всех возможных реальностей» (*Мальтман Ю.* Наука и мудрость. М., 2005. С. 53–54).

Со времен Уильяма Джеймса среди богословов популярна метафора Бога как Великого Гроссмейстера, Который, играя в космические шахматы с сотворенным Им «партнером», не мешает ему делать ходы и отвечает на них Своими, пока не поставит мат в конце игры.

Принципиальная невозможность установления закона развития вселенной (формализованного описания «стрелы времени», разложимой, если воспользоваться векторной формой представления, на четыре сопадающие по направлению вектора: усложнения (комплексификация), термодинамического (возрастание энтропии), космического (направление расширения вселенной) и психологического (накопление человеческого опыта)) — известна науке как проблема наблюдателя: человеку в силу его природы не дано «выбраться из тела» Творения (по сути — из времени и пространства), чтобы получить возможность наблюдать его извне, как бы со стороны (см., в частности: *Овчинников Н.Ф.* Наблюдаемости принцип // НФЭ. Т. III. С. 5–6). Неведение планов Творца — одна из причин, почему клятвы чем-либо сотворенным осуждаются исламом как форма язычества: никто не может гарантировать наперед свершение каких-либо событий, поставив себя тем самым вровень с Богом. При этом Он «не призвет вас к ответу за непреднамеренные клятвы, но призвет к ответу за то, что приобрели ваши сердца» (2: 225). Пророк Мухаммад предостерегал: «Кто поклялся не Богом, тот придал Ему соделателей» и тем впал в язычество.

Чтобы представление о «теле» Творения стало более «осязаемым», напомним, что, согласно теории Большого взрыва, примерно 14 млрд лет назад (плюс-минус 200 млн лет), не было ни времени, ни пространства, ни материи. Всё появилось в момент взрыва бесконечно плотной точки радиусом 10^{-33} см, обладавшей гигантской тепловой энергией (так называемое состояние сингулярности). В течение одной триллионной доли секунды вселенная расширилась до гигантских размеров. В «младенческий» период своего развития она представляла собой однородную изотропную среду с необычайно высокой плотностью энергии, температурой и давлением. Ее становление происходило в результате расширения и охлаждения, в ней осуществлялись фазовые переходы,

аналогичные конденсации жидкости из газа, но только применительно к элементарным частицам. Первыми возникли протоны и нейтроны, затем — элементарные частицы, которые стали взаимодействовать друг с другом, и в конце концов этот процесс привел к образованию вселенной в ее нынешнем виде.

Предвестником создания теории Большого взрыва стала работа Альберта Эйнштейна «Основы общей теории относительности» (1916). В 1922 году русский метеоролог Александр Фридман, предположив, что началом вселенной был взрыв, описал процесс ее разлета, выведя из уравнений общей теории относительности пространственно-временную метрику вселенной. Спустя три года бельгийский католический священник, астрофизик и математик Жорж Леметр выдвинул идею расширяющейся вселенной. В 1948-м американский астрофизик Джордж (Георгий) Гамов, в прошлом — студент А. Фридмана, обнаружил теорию горячей вселенной. А в 1964-м году американцы Арно А. Пензиас и Роберт В. Вилсон открыли микроволновое реликтовое излучение («эхо» Большого взрыва) и измерили его температуру, которая оказалась равной в среднем 2,7 градуса по шкале Кельвина (это «остаток» тех высоких температур, до которых была разогрета ныне охладившаяся почти до абсолютного нуля вселенная), и тем самым подтвердили правоту существования теории Большого взрыва.

Не владея информацией о средней плотности материи во вселенной (науке мало что известно о «темной материи» и «темной энергии», составляющих 95 процентов гравитационной массы-энергии нынешней вселенной), ученые до сих пор не могут с уверенностью сказать, будет она расширяться — до тех пор, пока не превратится в чистую энергию, а весь видимый мир исчезнет — или же начнет сжиматься под действием силы гравитации и вернется в исходное сингулярное состояние.

Подтверждением того, что в настоящий момент вселенная разлетается, причем с ускорением, послужила зафиксированная наземными и космическими радиоантеннами неравномерность распределения (анизотропия) по небесной сфере температуры реликтового излучения (по разным направлениям разброс составляет в среднем 30 микрокельвин). Было установлено, что эта неравномерность не случайна, а подчиняется некой закономерности.

Но в 2006 году были опубликованы результаты картографирования колебаний температуры космического излучения, полученные с помощью спутникового зонда микроволновой анизотропии им. Вилкинсона (WMAP). Оказалось, что на сверхбольших расстояниях колебания перестают быть ощутимыми. Астрофизиками был сделан вывод «о малых размерах нашей вселенной и о том, что пространство в ней замкнуто само на себя». Компьютерное моделирование показало, что «вселенная представляет собой набор бесконечно повторяющихся додекаэдров — правильных многогранников, поверхность которых образована 12 правильными пятиугольниками». Вселенная оказалась весьма похожа на

футбольный мяч (см.: *Аскоченская А.* Снять затемнение // Профиль. 2006. 26 июня. № 24. С. 98). Данные научные открытия подтверждают корректность использования нами в примеч. 45 метафоры «утроба Живой Природы».

Что именно находится за пределами вселенной — нашего материального мира, — мы никогда не узнаем, поскольку даже приближение к его границам («концам земли») не в нашей власти.

В свете всего вышесказанного в новом ракурсе предстают аяты: «А знания ему доставил обладатель великой мощи, властелин огромной силы. Возник он [вдруг] на *вышнем небосклоне*, потом приблизился и ниже опустился, и подошел на расстояние двух луков или даже еще ближе. Так [Бог] внушил Своему рабу то, что намеревался внушить. И его (Мухаммада. — *Ю.М.*) сердце подтвердило то, что он зрел [воочию]. Неужели вы станете препираться с ним о виденном им? А ведь видел он его и в другой раз — нисходящим, близ Дерева (вариант: Куста. — *Ю.М.*), что у *крайнего предела*, около которого — Сад, обитель [праведных]. Дерево было покрыто тем, что покрывает. Не отрывался его (Мухаммада. — *Ю.М.*) взор [от сей картины] и не зрел излишне. Открылось ему одно из величайших знамений его Господа» (53: 5–18).

Пророку Мухаммаду была дана возможность постигать (как физически, так и метафизически) непостижимое, предельное и запрещенное, имманентное и трансцендентное, прозревать то, что невыразимо конечным человеческим языком. Поэтому многое в этих аятах предстает размытым, неконкретным, недоговоренным, проступающим словно сквозь замутненное стекло. О верхней же части Дерева, находящегося на краю (вершине?) мира, прямо сообщается, что она «покрыта». Даже Божьему Посланнику не суждено было лицезреть (познать) эту часть Дерева.

⁵⁷ *Полкинхорн Дж.* Наука и богословие. С. 58. Сказанное, разумеется, не отменяет предопределенность Страшного суда, Конца света и всего, что связано с промыслительными событиями человеческой истории. И в этом смысле логично, по-видимому, утверждать, что какие бы изломы ни претерпевала «стрела времени» Бытия, ее векторная интерполяция, отражающая Предвѣдение (Целеполагание) Творца, — назовем ее телеологической «стрелой времени» — всегда будет устремлена к Богу как Первооснове Сущего и Первопричине всех следствий. В пределе графическая интерпретация этого вектора должна была бы показать замыкание его начала и конца, но, поскольку Всевышний недостижим, приближение к Нему можно обозначить лишь в виде бесконечной аппроксимации. См. также примеч. 54.

Кстати, Пьер Симон Лаплас, сторонник идеи полной детерминированности явлений природы и вероятностного характера всей системы человеческого знания, писал: «Современные события имеют с событиями предшествовавшими связь, основанную на очевидном принципе, что никакой предмет не может начать быть без причины, которая его про-

извела. <...> Воля, сколь угодно свободная, не может без определенного мотива породить действия, даже такие, которые считаются нейтральными. <...> Современное состояние вселенной мы должны рассматривать как результат ее предшествовавшего состояния и причину последующего. Разум, который для какого-нибудь данного момента знал бы все силы, действующие в природе, и относительное расположение ее составных частей, если бы он, кроме того, был достаточно обширен, чтобы подвергнуть эти данные анализу, обнял бы в единой формуле движения самых огромных тел во вселенной и самого легкого атома, для него не было бы ничего неясного, и будущее, как и прошлое, было бы у него перед глазами» («Аналитическая теория вероятностей» цит. по: *Васильев В.М.* Лаплас и его вклад в развитие астрономии // Лаплас П.С. Изложение системы мира. М., 1982. С. 346–365).

⁵⁸ Размышляя о структуре мироздания, Илья Пригожин говорит о несовпадении хода времени на разных уровнях Бытия и вводит понятие «иерархия внутренних времен» (*Пригожин И.Р.* От существующего к возникающему. М., 1985. С. 253). Другой великий физик, Вернер Гейзенберг, что показательное, был увлечен разработкой «теории слоев реальности».

Прочитируем глубокое обобщение, принадлежащее известным западным физикам-теоретикам: «Зададим 3-геометрию и скорость ее изменения во времени. Обычно этого достаточно, чтобы установить всю временную эволюцию геометрии, другими словами, этого достаточно, чтобы определить полную четырехмерную геометрию пространства-времени при условии, что рассмотрение проблемы проводится в рамках классической физики. Однако в реальном мире, подчиняющемся квантовой физике, нельзя задавать одновременно и динамические переменные, и скорости их изменения во времени. Это запрещено Принципом дополнительности. Точно задав 3-геометрию в какой-то один момент, мы ничего не можем знать о скорости ее изменения со временем в этот момент. Другими словами, задав полевую геометродинамическую координату, мы не можем ничего знать о полевом геометродинамическом импульсе. Если мы определили внутреннюю 3-геометрию, то определить еще и внешнюю кривизну мы не можем. Таким образом, Принцип неопределенности не позволяет нам как-то предсказать или хотя бы придать разумный смысл “детерминированной классической истории пространства, эволюционирующего во времени”. *Пространство-время невозможно предсказывать, следовательно, пространство-время не имеет смысла* — вот что диктует квантовый принцип. Объект, являющийся центральным во всей классической общей теории относительности — четырехмерная геометрия пространства-времени — просто не существует, если выйти за рамки классического приближения <...>. Эти рассуждения показывают, что концепции пространства-времени и времени не являются первичными понятиями в структуре физической теории. Нет пространства-времени, нет времени, нет ничего “до” и ничего “после”. Вопрос, что случится “в следующий момент”, лишен смысла. Тот факт,

что пространственно-временной подход неверен, не означает, что не существует верного способа описания динамики геометрии, совместимого с квантовым принципом. Суперпространство является ключом к *одному из* правильных способов описания динамики» (Мизнер Ч.В., Торн К.С., Уилер Дж.А. Гравитация: [В 3 т.] М., 1977. Т. 3. С. 444–447).

В математике роль, аналогичную Принципу неопределенности, играет теорема Курта Гёделя «о неполноте». Суть ее сводится к тому, что конечная система аксиом всегда содержит формулы, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты в этой системе.

Поэтому мы вправе говорить о *пограничных вопросах*, где компетенция математики и физики, естествознания в целом прекращается.

⁵⁹ См.: Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Frankfurt, 1959. S. 224; Мольтман Ю. Указ. соч. С. 83.

⁶⁰ Мы уже говорили об отрицании исламом догмата о первородном грехе и, следовательно, об отрицании необходимости искупления человечеством проступка Прародителей (см. примеч. 11). Человек чист в момент своего рождения, но слаб по природе (см.: 4: 28), нравственно неустойчив, не способен самостоятельно разобраться, «что такое “хорошо” и что такое “плохо”». Отнесение к тому или другому — изначально и исключительно в компетенции нашего Владыки. Праведно то, что угодно Ему и только Ему (см. примеч. 41). Поэтому человек, наделенный способностью к богообщению, нуждается в Божественном водительстве и тем самым — в укреплении своих немощных сил для несхождения с заповеданного Творцом пути. Благосердие Создателя не знает пределов. Желая облегчить человеку жизнь в этом мире и в будущем (см.: 4: 28; 5: 6), Всевышний ниспослал ему Коран и пророка Мухаммада — «милость к людям» (21: 107), благовестителя и предупреждающего увещателя (см.: 2: 119; 5: 19; и др.); человечество обрело верное руководство для различения добра и зла (см.: 2: 185; 3: 4; 25: 1) в сотворенном Господом мире. Да и сам прямой путь стал возможен благодаря тому, что Всевышний не только оповестил нас о нем, но «проложил» его и протянул «Руку помощи», чтобы мы смогли пройти по нему.

Следя Корану и Сунне, наместник Властелина миров получил исключительную возможность жить по Закону Божию (но не подражать Самому Богу, к чему призывает христианство, — см.: 1 Кор. 4: 16; Еф. 5: 1; Ин. 13: 15 — и что, на взгляд мусульман, не только невыполнимо, но и безусловно греховно, подражать можно и нужно именно Пророку).

Еще раз обратим внимание на следующую дихотомию: наделив человека свободой воли как актуальным орудием торения им собственного жизненного пути, Бог одновременно предусмотрел для него (человека) потенциальную возможность самонаказания, актуализирующуюся в случае отклонения этого пути от заповеданного Всевышним (см.: 3: 117). Чем оно (отклонение) сильнее, тем строже самонаказание, при том что его облегчение — сугубая прерогатива Всемилостивого Творца.

⁶¹ Журавский А.В. Указ. соч. С. 136–137.

⁶² На память приходит русская народная сказка «Три царства — Медное, Серебряное и Золотое» (см.: *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: В 3 т. М., 1984. Т. 1. С. 195—199). «В те давние времена, когда мир Божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли *молочные*, берега были кисельные <...>» — таков зачин этой истории. Обратим внимание на словосочетание «молочные реки». В Библии молоко — символ Слова Божьего, Священного Писания («Итак, отложив всякую злобу, и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь» (1 Пет. 2: 1—3)). Перед нами тишечная картина языческого мира и распространяющейся (растекающейся, звенящей) в нем Благой Вести. В конце сказки старик царь, одержимый страстью к невесте своего пропавшего младшего сына Ивана-царевича (на самом деле едва не погубленного завистливыми братьями), бросается в чан с *кипящим молоком*, будучи уверен, что вынырнет из него писаным красавцем, как это только что произошло с неким подмастерьем, приговоренным царем к «смертному купанию» в чане (ослепленный похотью старик не узнал в приговоренном своего сына). Но чуда не случилось, и коронованный сластолюбец, взалюбивший жениться во второй раз и потому велевший отрубить увядшей царице голову за ее якобы «совет с злыми духами», т. е. совершивший тягчайшие преступления и отринувший Бога, сварился в молоке. Скрытое в сказке назидание несложно уловить: для истинно верующих «кипящее молоко» (звучащее Слово Божье) не просто безопасно — это животворящая защита, подлинное обновление и второе рождение (в новом прекрасном теле — воскресение после «смерти»). Для грешников же, полагающих, что мудрость Божья — пустая говорильня («молоко» — обычная (колдовская) жидкость), — это верная смерть через адовы муки, которые не прекратятся и на том свете.

Мусульманское предание сохранило рассказ пророка Мухаммада о его ночном путешествии в Иерусалим. После коллективной молитвы с Авраамом, Моисеем, Иисусом и другими предшествовавшими ему пророками единобожия Мухаммаду было предложено выпить из одного из трех сосудов — с водой, вином и *молоком*. Он выбрал последний, и это означало, что его община — на правильном пути.

⁶³ «<...> что укрепит Он веру их, которую избрал для них, и что вселит в них спокойствие, после того как испытали они страх» (24: 55); «<...> угодники Всевышнего не познают страха и не будут опечалены» (10: 62).

⁶⁴ *аль-Карадави Ю.* Современные фатвы (избранное). М., 2004. Вып. 1. С. 181—182.

⁶⁵ Прелюдией к вознесению человечества стало ночное путешествие пророка Мухаммада. Богу было угодно, и в этом состоял один из Его величайших даров верующим, чтобы Его Посланник еще при жизни посетил горный мир и мог свидетельствовать как очевидец о том, что ожидает людей лишь за смертным порогом.

⁶⁶ Благовеститель ислама Мухаммад говорил: «Пророки — это братья от одного отца, от разных матерей, но с одной религией». Как сообщает Коран (см.: 2: 75, 79; 3: 78; 4: 46; 5: 13—15, 41; 6: 91), тексты предыдущих откровений были по разным причинам искажены людьми, поэтому человечество не имеет сегодня, кроме Священного Писания мусульман, подлинных списков других Обращений Всевышнего к людям. «При изучении этих книг мы находим места, явно не исходящие от Бога. Слова Бога и слова человека так перемешались, что невозможно понять, какая часть от Бога, а какая — от людей» (*аль-Маудуди А. аль-Аля*. Указ. соч. С. 76). Следуя этой логике, Библия пригодна лишь для целей душеполезного чтения. Так, касаясь текстологии Четвероевангелия, Артур Пикок, биохимик и одновременно англиканский священник и председатель Общества священников-ученых, много внимания уделяющий вопросам «естественного богословия», написал, в частности: «<...> исторические свидетельства, которые могли бы подтвердить то, что <...> чудеса [упоминаемые в Новом Завете в связи с Иисусом Христом,] действительно происходили, подверглись (в количественном и качественном отношении) пристальному изучению <...>. Эти исследования показали, что Евангелия были скорректированы под влиянием определенных целей их авторов. <...> евангелисты были озабочены прежде всего не исторической достоверностью своих повествований <...>, а передачей своего ощущения значительности фигуры Иисуса и его действий, а также описанием отношения к нему» (*Пикок А.* Богословие в век науки. М., 2004. С. 313, 317). «Возможно, с точки зрения современного критического подхода, действительно нет ни единого свидетельства о словах или делах Иисуса, в котором мы можем быть уверены, — считает другой исследователь, Энтони Харви. — На самом деле очень многие из них, повидимому, либо просто были сфальсифицированы, либо постепенно превратились во что-то очень далекое от оригинала» (*Harvey A.E.* Jesus and the Constraints of History. L., 1982. P. 4). Джон Баудэн написал даже с определенной долей обреченности, что «в конечном счете мы не знаем» истинных высказываний и поступков Иисуса из Назарета (см.: *Bowden J.* Jesus: The unanswered questions. L., 1988. P. 45).

В качестве характерного примера ущербности имеющегося текста Библии мусульмане указывают на искажение благовестия Иисуса Христа о приходе Пророка ислама. Ставится под сомнение корректность записи одного из использовавшихся Иисусом слов (говорил он на арамейском, но до нас дошли лишь изложения его речений в переводе на греческий, усугубленные особенностями письма того времени). На взгляд мусульман, вместо искаженного «Параклетос» («Paraklētōs»; букв.: «опора, наставник, помощник») и вызывающего серьезные возражения его перевода — «Утешитель» следовало бы читать соответствующие новозаветные места как «Периклитос» («Perikleitos»; букв.: «преславный»), что равнозначно арабскому «Ахмад» — имени, которым Мухаммад был наречен при рождении. «Посланник Божий я, — объявляет Иисус в

Коране, — который направлен к вам, <...> чтоб о Посланнике предвозвестить, после меня грядущем. И будет ему имя Ахмад» (61: 6). С учетом сказанного пассаж Евангелия от Иоанна, обычно читаемый как «И я умолю Отца, и [Он] даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек» (Ин. 14: 16; ср.: Ин. 14: 26; 15: 26), должен выглядеть в скорректированном переводе следующим образом: «Я попрошу Отца (Бога), и Он явит вам другого [посланника по имени] Периклитос (*араб.* Ахмад), который останется с вами навечно» (подробнее см.: *Дауд А.-А. (Кельдани Д.Б.). Мухаммад в Библии.* М., 2005. С. 172—194). Дополнительным аргументом в пользу корректности данной правки служат для мусульман Иисусовы слова: «<...> дела, которые творю я, и он сотворит, и *больше* сих сотворит» (Ин. 14: 12. Курсив мой. — *Ю.М.*). Здесь деяния предстоящего пророка характеризуются в превосходной степени, что отвечает буквальному значению слова, ставшего именем Вестника ислама.

Голоса первых критиков аутентичности библейских текстов прозвучали еще на заре христианства — в 3-м столетии, из уст представителей александрийской школы экзегетики. В прошедшем веке наиболее ярким выразителем критических идей являлся Карл Барт, крупнейший богослов нашего времени, пытавшийся найти выход из кризиса, в который ввергла западнохристианскую мысль так называемая «либеральная теология» (Ф. Шлейермахер, Э. Трёльч, Д.Ф. Штраус, А. Гарнак и др.), и положивший начало «диалектической теологии» («теологии кризиса», «неоортодоксии»). Он «был убежден, что Священное Писание не есть само Откровение, но лишь *свидетельство* об Откровении, [что] существует [непреодолимая] разница между событием и его письменной фиксацией, изложением. Поэтому Божье Откровение и его человеческое описание никогда не будут тождественны. <...> Библия не есть непогрешимое Слово Божье, это всецело человеческая книга. <...> Священнописатели ошибались на каждом слове, но их труд был оправдан и освящен Богом, так что они выразили Слово Божье своими ошибками, неправильными словами. Слово Божье никоим образом не совпадает с самой книгой (Библией). Оно всегда является свободным, суверенным деянием Бога. Тем самым слова Библии отделяются от Слова Божьего, так что оно не может подвергаться нападкам, направленным против слов Библии. <...> Бог ставит Библию на служение Себе, взяв человеческий текст и обращаясь к верующему через него и в нем. <...> Только когда Бог говорит Святым Духом через Библию, тогда человек слышит Слово Божье. <...> Изречение “Библия есть Слово Божье” подразумевает не книгу как таковую, а Божий труд, совершающийся в ней. <...> Это не есть непогрешимое Откровение, а лишь ошибочная запись Божьего Откровения во Христе» (Барт, Карл // Гайслер Н.-Л. Указ. соч. С. 93—94).

А вот совсем недавнее высказывание на интересующую нас тему, на этот раз принадлежащее католическому священнику, профессору богословия и руководителю Института экуменических исследований Тю-

бингенского университета, Ганса Кюнга: «<...> Библия понимает сама себя как *слово Божье в слове человеческом*. Ибо она везде демонстрирует, что она фраза за фразой собрана, записана, обработана и развита в различных направлениях людьми. Поэтому, будучи творением рук человеческих, она не лишена недостатков и противоречий, прикровенности и смешения, ограниченности и заблуждений. Она, во всяком случае, представляет собой чрезвычайно многообразное собрание ясных и не вполне ясных, более сильных и более слабых, исходных и производных свидетельств веры. Этот исторический характер Писаний не только делает возможной *критику Библии*, но и прямо ее требует. Серьезная критика Библии необходима, чтобы библейское послание о Боге не оставалось заключенным в книге людей ушедших времен, но чтобы оно во все времена могло вновь и вновь становиться предметом живого возвещения людям» (Кюнг Г. Начало всех вещей: Естествознание и религия. М., 2007. С. 147–148). См. также примеч. 69.

⁶⁷ В христианстве «эквивалентом Корана является не Новый Завет, а сам Иисус Христос как Слово Божье», поскольку он не только не писал, но и «не диктовал своих откровений последователям и ученикам <...>. Поэтому кроме нескольких слов, в аутентичности которых нас убеждает историческая критика, мы не имеем *ipissima verba* [лат. подлинного речения] Иисуса. Греческая версия Нового Завета передает нам его научения, произнесенные на арамейском, и рассказывает о том, что он делал, живя среди людей. Типично фундаменталистское искушение считать, что греческий язык Евангелий является калькой с ранней арамейской версии, которую писали ученики Иисуса <...>» (Жеффе К. Исламское сознание у Мохаммеда Аркуна // Христианство, иудаизм и ислам: Верность и открытость. М., 2004. С. 161). В христианстве Бог стал плотью (второй Ипостасью (Лицом) Святой Троицы – «Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14: 9)), в исламе – книгой. В христианстве человек становится подзаконен Христу, *воплотившемуся* Слову Божьему (дабы подчеркнуть это, христианские богословы употребляют греческое слово «Логос», имея в виду Иисуса), в исламе – Корану, *ниспосланному* Слову Бога. «Одно из важнейших отличий Корана от ветхо- и новозаветных текстов состоит в том, что он является *средой ритуального контакта* с Богом в степени, значительно превосходящей функции Писания не только в христианстве, но даже и в иудаизме» (Резван Е.А. Указ. соч. С. 181). «<...> Помазанник, Иисус, сын Марии, – посланник Божий и Слово Его, ниспосланное Им Марии; [он – частица] Духа [Его], который [вдохнул Гавриил в Марию]. Веруйте же в Бога [Единосущного] и посланников Его. И не говорите: “[Бог –] это Троица”. Воздержитесь [от этих слов] – так будет лучше для вас. Воистину, Бог единствен, пречист Он, и не может быть у Него ребенка» (4: 171).

⁶⁸ «Скажите: “Мы веруем в Бога и в то, что Он ниспослал нам и что было ниспослано Аврааму, Измаилу, Исааку, Иакову, коленам (двенадцати сыновьям Иакова. – Ю.М.), что было даровано Моисею и Иису-

су и что было даровано пророкам их Господом. Мы не проводим различий между ними и одному Ему покоряемся» (2: 136).

⁶⁹ Существует и иная интерпретация того, что следует понимать под «искажениями» докоранических Богооткровенных книг. В ее основе лежит следующее рассуждение: поскольку Тора, Псалтирь и Евангелие, об истинности которых свидетельствует Коран и к которым апеллировал Пророк, сегодня нам доступны такими же, как и в пору ниспослания Священного Писания мусульман, значит, корректнее говорить не о текстуальных искажениях, совершенных (по злобе, неразумию или небрежению) подверженными греху людьми, а о неправильном истолковании этих текстов («О обладатели Писания! К вам явился Наш Посланник, чтобы разъяснить многое из того, что вы *скрывали* из Писания <...>. И явлены вам от Бога Свет и ясное Писание <...>» (5: 15); «Те, кому было доверено нести Тору, а они *не понесли* ее, подобны ослу, навьюченному книгами» (62: 5); «Среди них есть такие, которые *искажают* Писание *своими языками*, пытаясь убедить вас в том, что их речи — часть Писания. Однако это не Писание» (3: 78); «Слова [Писания] они переставляют местами, тем самым искажая [его смысл]. И забвению они предали часть того, что было велено им помнить» (5: 13); «Не оказали [иудеи] Богу должного почтения, когда сказали [Его Посланнику]: “Не низводил Всевышний людям ничего [из откровенной]”. Ответь [им, Мухаммад]: “А кто же ниспослал то Писание, с которым Моисей явился к людям, неся им Свет и руководство к прямому пути? На листки вы рассыпали это Писание. [Часть] из них вы являете [людям], но *многое скрываете*”» (6: 91)). «<...> современные полемисты берут на вооружение <...> результаты западной либерально-реформаторской и секулярристской критики Библии (а точнее, критики традиционного, ортодоксального взгляда на нее). Апеллируя к этой критике, радикальные полемисты полагают, что они тем самым подтверждают и подкрепляют слова Корана об “искажении” Библии. Но это настоящая “медвежья услуга” Корану и Исламу, так как подрыв авторитета Библии бросает тень и на Коран, который — и вопреки предположениям недалековидных полемистов — не говорит об искажении Библии, а подтверждает ее подлинность» (*Ибрагим Т.* О каком искажении Библии говорил Пророк? // Минарет. 2007. № 1. С. 39; во многом схожую аргументацию см.: Библия в понимании мусульман // Гайслер Н.-М. Указ. соч. С. 115–119. На с. 117–119: Ответ на исламские обвинения).

⁷⁰ *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное... С. 323–324.

⁷¹ *Ибрагим Т.* Ислам. С. 163.

⁷² Ничего строже абсолютного (строгого) монотеизма, апостолом которого выступил пророк Мухаммад, быть просто не может. Завершив ниспослание ислама, Бог дал понять человечеству: оно достигло уже такого уровня развития, что в состоянии самостоятельно руководствоваться Законом Божиим и, опираясь в первую очередь на собственные силы, должно жить в гармонии с Природой (что богословски эквивалентно

всеобщей праведности). Пророк говорил: «Я, как и вы, — человек. <...> Если я предписываю вам по делам вашей веры, то следуйте предписанию. А если предписываю на основе собственного мнения, то помните, что я — человек»; «То, что касается ваших земных дел, то вам решать, а что касается вашей веры, то решать мне».

⁷³ *Икбал М.* Указ. соч. С. 19, 98.

⁷⁴ Вот, например, перл такого рода: «Никто не станет спорить, что кораническая модель правления авторитарна. Священная книга мусульман полна ссылок на справедливого государя, благочестивого правителя, мудрого властителя» (*Закария Ф.* Будущее свободы. М., 2004. С. 128). Если в Коране и звучат авторитарные мотивы, то исходят они только от Бога, заботливо, но требовательно наставляющего человека, как вести себя, чтобы не угодить в Преисподнюю.

⁷⁵ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2005. С. 433, 442.

⁷⁶ *Закария Ф.* Указ. соч. С. 128. Действительно, не каждому читателю, даже такому продвинутому, как Фарид Закария, блестящему социологу и политологу, ныне главному редактору американского журнала «Ньюсуик интернэшнл», может хватить терпения, чтобы разобраться в Коране. Ниспосылая эту Великую Книгу, Бог не ставил перед Собой задачу развлечь людей, предложив увлекательное повествование. Откровение ислама — это неустанный призыв к истинному единобожию и всему, что с ним связано. Конкретные же истории упоминаются в Священном Писании мусульман лишь в качестве назидания, а потому если они и пересказываются, то лишь в той мере и в такой форме, которая позволяет вскрыть истинную подоплеку случившихся некогда событий. (Михаил Пиотровский подчеркивает, что прошлое интересно Корану лишь в той мере, которая позволяет оттенить актуальное для Мухаммада — на момент «озвучания» соответствующих аятов — настоящее; Кораном подчеркивается схожесть коллизий, в которых оказывались «двойники» (термин М. Пиотровского) Пророка — упоминаемые в исламском Откровении посланцы Бога; «Именно коранический рассказ может помочь нам увидеть то, что происходило в душе Мухаммада» (*Пиотровский М.Б.* Исторические предания Корана. СПб., 2005. С. 74).) Чтобы за якобы бросающимися в глаза противоречиями разглядеть внутреннюю вполне прозрачную логику, а заодно открыть подлинную природу религии пророка Мухаммада, надо очень и очень постараться.

Напомним рассуждение Блезе Паскаля: «Лицо может быть красиво только тогда, когда в нем согласуются между собой самые разные черты, и недостаточно сочетать соединимые свойства, не сочетая противоположных; чтобы понять смысл какого-либо сочинения, нужно согласовать все противоречивые места в нем. Так, Писание можно понять, если есть в нем смысл, согласующий все противоречивые места; недостаточно такого смысла, который подходил бы для многих сочетающихся между собой мест, а нужен такой, который согласовал бы даже противоречивые места. У каждого автора есть смысл, согласующий все про-

тиворечивые места, — или у него вовсе нет смысла. Нельзя этого сказать о Писании и пророках: у них, конечно, здравого смысла было с избытком. Значит, надо искать в нем тот смысл, который согласует все противоречия» (*Паскаль Б. Мысли. М., 1995. С. 147*).

⁷⁷ *Валлерстайн Им.* Указ. соч. С. 8–9.

⁷⁸ *Зидентоп Л.* Демократия в Европе. М., 2001. С. 261–263.

⁷⁹ «Самый почитаемый из вас перед Богом — самый благочестивый» (49: 13). Пророк Мухаммад говорил: «Все люди равны перед Богом подобно зубьям гребня».

⁸⁰ См.: *Боголюбов А.С.* ал-Иджтихад // Ислам. С. 91–92.

⁸¹ *Закария Ф.* Указ. соч. С. 129.

⁸² См.: *Боголюбов А.С.* ал-Иджма' // Ислам. С. 91. «<...> совершают дела свои по взаимному совету» (42: 38). О фикхе (*араб.*, букв.: «верное понимание сути намерения»; юридически оформленные религиозно-этические установки шариата) см.: *Сюкияйнен Л.Р.* Маджалла: 99 общих принципов фикха: Юридическое осмысление религиозно-нравственно-идеала в Исламе // Минарет. 2005. № 4. С. 20–25.

⁸³ «Сущность таухида (*араб.* единобожие) как работающей идеи — равенство, солидарность и свобода. Государство, с исламской точки зрения, есть попытка трансформировать эти идеальные принципы в пространственно-временные силы, надежда на их воплощение в определенной человеческой организации. Только в этом смысле государство в исламе есть теократия, а не в том, что им руководит представитель Бога на земле, который всегда может скрыть свою деспотическую волю за якобы присущей ему непогрешимостью (что, кстати, сплошь и рядом имело место в русской истории. — *Ю.М.*). <...> С точки зрения ислама государство есть лишь попытка осуществления духовного в человеческой организации. Но тогда всякое государство, не базирующееся на простом господстве, а стремящееся к реализации идеальных принципов, теократично» (*Икбал М.* Указ. соч. С. 148).

⁸⁴ *Зидентоп Л.* Указ. соч. С. 266.

⁸⁵ См.: *Шулестер Й.-А.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 332–354 (гл. XXI: Классическая доктрина демократии); С. 354–371 (гл. XXII: Другая теория демократии; на с. 355: «<...> демократический метод — это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей»; см. также: *Капустин Б.Г.* Что такое либерализм? // Свободная мысль — XXI. 2004. № 8. С. 33–55.

⁸⁶ Понятно, что в исламе институт демократии вторичен по отношению к Властителю всего и вся — Богу, Суверену абсолютной власти. Народ, наделенный Им соответствующими полномочиями, реализует эту власть, исполняя Его волю. Глава государства — это избранник народа, призванный ему служить, руководствуясь законоположениями Всевышнего и утверждая повсюду принципы справедливости, что обеспечива-

ет гармоничное существование государства в Творении. Луи Массиньон определял ислам как эгалитарную светскую теократию. «Политический контракт Ислама заключается не только между администрацией [правителя] и народом. Он заключается между ними с одной стороны и Богом — с другой; с моральной точки зрения, этот контракт имеет юридическую силу и существует до тех пор, пока обе стороны выполняют свои обязательства перед Творцом» (*Абдалати Х.* Ислам какой он есть. Баку, 1999. С. 219). Власть в подлинно исламском государстве не может быть авторитарной, хотя теоретически представима ситуация, когда мусульманин правит язычниками, держа их в ежовых рукавицах.

⁸⁷ [*ал-Банна Х.*] Из программы «Братьев-мусульман» // Сборник посланий шахида Хасана ал-Банна. Новгород, 2001. С. 144. Для панорамности картины приведем слова Мухаммада Икбала, сторонника обновления в исламе: «Республиканская форма правления не только полностью согласуется с духом ислама, но стала также необходимой, учитывая новые силы, которые высвободились в мире ислама» (*Икбал М.* Указ. соч. С. 150).

Любопытно, что, анализируя причины «долгожительств» классической доктрины демократии, Й. Шумпетер выделял ее «опору на религиозные предствления»: «Переформулированная в категориях религии, эта доктрина и, как следствие, демократические убеждения, которые на ней основаны, — писал он, — изменяют саму свою природу. Больше нет места логическим сомнениям относительно Общего Блага и Высших ценностей. Все эти проблемы решены за нас Творцом, цели Которого определяют и санкционируют всё. Всё то, что раньше казалось неопределенным и немотивированным, вдруг становится вполне определенным и убедительным. <...> демократия, обосновываемая таким образом, перестает быть просто методом, который можно рационально обсуждать <...>. Она становится тем, что я с других позиций считал невозможным, т. е. идеалом, или, скорее, частью идеального устройства вещей» (*Шумпетер Й.* Указ. соч. С. 350—351).

Казалось бы, всё логично. Подвох кроется в том, что свой «деструктивный скепсис» Й. Шумпетер распространяет на социальную составляющую всех без исключения религиозных систем. Меж тем в качестве «ключевых» для классической доктрины он выделяет «элементы протестантизма» (Там же. С. 350. Курсив мой. — *Ю.М.*). Чему же удивляться, если в рамках христианской традиции («Царство мое не от мира сего» (Ин. 18: 36)) подлинная демократия превращается в глазах знаменитого социолога в малоприспособный для конструктивного обсуждения идеал. Ислам Шумпетер, видимо, всерьез вообще не воспринимал.

⁸⁸ «Разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе» (*Хантингтон С.* Указ. соч. С. 98, см. там же с. 330).

⁸⁹ «Помимо Бога, они признали господами (богами. — *Ю.М.*) своих священников и монахов, а также Помазанника, сына Марии. А ведь им было велено поклоняться только одному Богу, кроме Которого нет ино-

го божества» (9: 31); «Не обретал себе Бог дитяти, и нет наряду с Ним бога иного» (23: 91); «Не присуще Богу детей иметь. Пречист Он [от этого]» (19: 35); «Не веруют те, которые говорят: “Бог — это Помазанник, сын Марии”» (5: 72). Разумеется, духовное сыновство не имеется в виду.

Исключая возможность боговоплощения (боговочеловечения), ислам вслед за этим отрицает и возможность низведения Божественной благодати посредством таинств. Признавая реальность «тайны», «сокровенного», «сокрытого», ислам отказывает в Божественной легитимности «таинствам» — атрибуту института жречества (священства в иудейско-христианской традиции). Лев Толстой в ответе на определение Святейшего Синода об отлучении его от Церкви писал: «Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, не соответствующим понятию о Боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний Евангелия» (*Толстой Л.Н.* Ответ на определение Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма // Листки Свободного слова. 1901. № 22. С. 10; подробнее см.: *Петров Г.И.* Отлучение Льва Толстого от Церкви. М., 1978).

Обратим внимание, что в Коране один из «титолов величия» Иисуса — ал-Масих (*араб.* «помазанник»). Следуя христианской традиции, в русских переводах стала использоваться калька этого слова — «Мессия» (кстати, слово «христос» — его полный греческий аналог). С нашей точки зрения, в русском тексте уместнее писать «Помазанник». Обряд таинства миропомазания — помазания символических частей тела (челá, очей, уст, персей, рук, ног и пр.) освященным елеем (ми́ром — смесью чистого растительного масла с бальзамами и ароматическими веществами) и тем самым придания им и в целом помазаннику сверхъестественной силы благодати Божьей, необходимой для его возрастания в духовной жизни, — ведет свое происхождение от древнееврейского помазания царей на царство. Поскольку власть над людьми считалась дарованной Богом и коронованная особа, будучи помазанной, обретала священнический статус посредника между Богом и народом (через миропомазанное тело которой (на всё время его жизни) осуществлялась Божественная защита и Божественное вдохновение, единение Бога с народом, гарантирующего ему Свою помощь и спасение на том свете), церемония возведения на престол (вокняжение) исполнялась как *таинство* («венчание (помазание) на царство»), сакрализовавшее держателя высшей власти в стране. Аналогично помазание как символ сообщения высших даров лицам, возводимым на высшее ответственное служение, практиковалось в отношении первосвященников и пророков. Иисус был помазан Богом на Его Царство (Помазанник Божий). В лице сына Марии сочетались, таким образом, все три высочайших служения. В Евангелии от Иоанна говорится: «<...> мы нашли Мессию, что значит “Христос”»; «<...> знаю, что придет Мессия, то есть Христос» (Ин. 1: 41; 4: 25).

После выхода в 1977 году в Лондоне книги Денниса Найнема «Миф о Воплощенном Боге» (см.: *Nineham D. The Myth of God Incarnate*), посвященной вопросу о том, какое отношение Иисус из Назарета имел к Богу и всему человечеству в свете знаний (или, скорее, их недостатка), полученных в процессе изучения Нового Завета, в западнохристианском мире вспыхнула дискуссия, в центре которой оказалась проблема «мессианского сознания» Иисуса. Кем на самом деле он считал сам себя — Спасителем, Помазанником Божьим, сыном Божьим?.. «<...> мы вынуждены оставить без ответа вопрос о том, как воспринимал себя сам Иисус, — резюмировал мнение большинства исследователей Джон Макварри, — поскольку в связи с этим вопросом невозможно сказать что-то определенное. Но с богословской точки зрения это не так уж важно. Однако, если кто-то заявит, что мы совсем не понимаем, что Иисус думал о себе и своей миссии, то это, как нам кажется, тоже будет не совсем верно. Он осознавал, что призван Богом быть провозвестником Его Царства, и Евангелия показывают, что он был беззаветно предан этому призванию <...>» (*Macquarrie J. Jesus Christ and Modern Thought*. L., 1990. P. 370).

Раймонд Браун, крупнейший исследователь, принадлежащий римско-католической традиции, написал по поводу богосыновства: «<...> манера, в которой Иисус говорил о Боге как об отце, указывает, что он притязал на особую связь со Всевышним. <...> Тем не менее в повествовании трех первых евангелистов об общественном служении всё же сложно найти неопровержимые доказательства того, что Иисус заявлял о своей единственности как сына Божьего, и о том, что других быть не может» (*Brown R.E. Jesus God and Man*. L.; N.Y., 1967. P. 91). В контексте сдерживающего влияния монотеизма на авторов Нового Завета Энтони Харви сделал важное замечание о том, что они, «видимо, подчинились этому ограничению и избегали употребления слова “бог” или “божественный” в отношении Иисуса. <...> [Они] последовательно отстаивали идею того, что Всевышний — Существо абсолютно единственное в своем роде, и для описания Иисуса не использовали языка, применявшегося в отношении Творца» (*Harvey A.E. Op. cit.* P. 157).

Грехэм Стентон, посвятивший свой труд сравнительному анализу Евангелий, написал в заключение: «Иисус отправился в Иерусалим в последний раз <...>, чтобы выступить против религиозно-политического устройства, утверждая, что Царство Божье близко. На основании своих убеждений о присутствии, власти и воли Божьей он призывал к переопределению приоритетов Израиля. В этом смысле он призывал к обновлению иудаизма. Обновленческие движения обычно подразумевают возвращение к неким базовым принципам и призывают к верности старым традициям. “Движение Иисуса” не было исключением в этом смысле. <...> Иисус верил, что Бог послал его как пророка, чтобы объявить Свою волю Своему народу. Признание или отвержение Иисуса и его Вести

были эквивалентны признанию или отвержению Самого Бога» (*Stanton G.N. The Gospels and Jesus. Oxford, 1989. P. 274*). Несложно продолжить рассуждение уважаемого автора и выйти на утверждение о том, что Иисус призывал Израиль вернуться к религии Авраама.

Эд Сендерс, автор одной из лучших современных работ об Иисусе, обращает внимание на то, что Иисус мог идентифицировать себя с мировым Сыном Человеческим и считать, что именно в таком качестве им будет наследовано Царство Божие (см.: *Sanders E.P. Jesus and Judaism. L., 1985. P. 326*). Подробное об этом пишет Сергей Аверинцев: «Особое место среди обозначений Иисуса Христа занимает словосочетание “сын человеческий”: это его регулярное самоназвание в евангельских текстах, но из культа и письменности христианских общин оно рано и навсегда исчезает (возможно, табуированное как особенность речи самого Иисуса Христа). Его смысл остается под вопросом, но весьма вероятна связь с ветхозаветной Книгой Даниила (Дан. 7: 13–14), где описывается пророческое видение, в котором “как бы сын человеческий” подошел к престолу “Ветхого днями” (т. е. Яхве) и получил от него царскую власть над всеми народами и на все времена; в таком случае это мессиянский титул, эквивалент слова “Христос”. Далее, Иисус Христос — “царь”, которому дана “всякая власть на небе и на земле” (Мф. 28: 18), источник духовного и светского авторитета (продолжение ветхозаветной идеи “царя Яхве”). Словосочетание “сын Божий”, имеющее применительно к Иисусу Христу догматический смысл, искони употреблялось в приложении к царю как эквивалент его титула. В этом же идейном контексте стоит слово “господь” — по традиции прилагалось к Яхве, заменяя в переводе Ветхого Завета его табуированное имя <...>; в бытовом обиходе оно означало не господина, распоряжающегося рабом, а опекуна, имеющего авторитет по отношению к несовершеннолетнему, и т. п.; употреблялось оно и как титул цезарей» (*Аверинцев С.С. Иисус Христос // Мифологический словарь. М., 1991. С. 234*).

Ссылаясь на получивший признание у западнохристианских теологов труд Джеймса Барра (см.: *Barr J. Abba isn't Daddy // The Journal of Theological Studies. 1988. № 39. P. 28–47*), Артур Пикок пишет о доказанности того, что Иисус не использовал слово «отец» по отношению к Богу в традиционном, «человеческом», понимании. Одним из аргументов Барра был вывод о том, что в обращении «Авва Отче!» (Мк. 14: 36; Гал. 4: 6; и др.) слово «авва» не несет оттенка детского лепета, а отличает серьезную и ответственную взрослую речь; нет свидетельств тому, что это слово употреблялось Иисусом в том же значении, что и апостолом Павлом; невозможно доказать, что Иисус использовал его только в обращении к Богу и именно в общеупотребительной коннотации (см.: *Пикок А. Указ. соч. С. 309*).

Теодор Шнайдер, профессор догматики и экуменического богословия Университета Майнца, подчеркивает, что сохранившееся в Новом

Завете в своей изначальной арамейской форме слово «авва» «едва ли возможно правильно перевести», поскольку оно несет в себе «особое, доверительное отношение к Богу» (*Шнайдер Т.* Во что мы верим: Изложение Апостольского символа веры. М., 2007. С. 113–114). Желая «представить людям и реализовать близость Бога», «включить их в свое сыновство», Иисус «сделал пришествие [Царствия Божия] в его (пришествии. — *Ю.М.*) окончательной радикальности личным делом», и в этом смысле следует говорить о «полной идентификации Иисуса с делом Божьим». Т. Шнайдер привлекает наше внимание к следующим строкам Послания апостола Павла к Римлянам: «Ибо те, кто ведом Духом Божьим, — дети Божьи. Ибо Дух, обретенный вами, не превращает вас в рабов и не вызывает в вас новый страх, этот Дух превращает вас в приемных детей Божьих. И восклицаем мы: “Авва!”, что значит “Отец!”. Сам Дух подтверждает, что мы — дети Божьи, и поскольку мы — дети Его, то мы также и наследники Божьи, как и сам Христос» (Рим. 8: 14–17). «Бросается в глаза, — пишет немецкий богослов, — <...> прежде всего включение всех нас в это сыновство через нашу причастность к бытию и жизни Иисуса Христа <...>. Все мы являемся и должны всё более и более становиться “сынами Божьими” — детьми Божьими через посредничество “Сына” Иисуса и причастность ему» (*Шнайдер Т.* Указ. соч. С. 230). Итак, корректным, с точки зрения современного католического теолога, является такое понимание сыновства Иисуса, которое предполагает включенность в него (сыновство) всех «человеков, братьев и сестер Иисуса». Будучи одним из нас, пишет Т. Шнайдер, Иисус «всё же — *абсолютная функция Бога по отношению к нам.* В Иисусе, человеке, Бог Сам действует так, что действие Иисуса есть действие Бога в нас и для нас» (Там же. С. 243. Курсив мой. — *Ю.М.*).

Йозеф Ратцингер, консервативный католический богослов, ныне Папа Римский Бенедикт XVI, дал следующее разрешение интересующей нас проблемы: «Согласно вере Церкви, богосыновство Иисуса основывается не на том, что у него не было человеческого отца; учение о божественности Иисуса не было бы никоим образом задето, если бы он родился в нормальном человеческом браке. Ибо богосыновство, о котором говорит вера, — факт не биологический, а онтологический, событие не времени, а вечности» (*Ratzinger J.A.* Einführung in das Christentum. München, 1968. S. 225).

Напомним, что «онтологичность» данного статуса была установлена епископами на IV Вселенском Халкидонском соборе в 451 году. Спустя более четырех столетий после смерти Иисуса Отцами Христианской Церкви был введен догмат «об образе соединения в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств». Халкидонский догмат (орос) звучит следующим образом: «Последея святым Отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа Нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в человечестве, истинного

Бога и притом истинного человека, с разумной душой и телом, единосущного Отцу по Божеству и притом единосущного нам по человечеству. Во всем нам подобного, кроме греха. Рожденного прежде веков от Отца по Божеству, а в недавние времена также ради нас и ради нашего спасения – от Марии Девы Богородицы – по человечеству. Одного и того же Христа, Сына Господа, Единородного в двух естествах (т. е. в двух природах. – Ю.М.) неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением различные двух естеств отнюдь не нарушается, но еще более сохраняется свойство каждого естества, во единую ипостась и во единое лицо соединенных. На два лица не распадаемого и не разделяемого, но одного и того же Сына и Единородного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как древние праотцы о Нем, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как передает нам символ отцов наших» (цит. по: *Кураев А., Петрушко В., Скогарев А.* Раннее христианство // Энциклопедия для детей. М., 2004. Т. 6: Религии мира. Ч. 2. С. 180. Точный перевод ороса см.: *Лурье В.М. (при участии Баранова В.А.).* История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006. С. 120–121).

Давая отпор вульгарному истолкованию догмата о богочеловечестве, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир заявил: «<...> христиане никогда не считали Иисуса “сыном Бога” в грубом, земном смысле, они никогда не поклонялись *трем отдельным* Божествам. Подобные утверждения являются богохульством как с мусульманской, так и с христианской точек зрения» (*Владимир*, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский. Миф об «угрозе ислама» с точки зрения православного христианина // Христианство и ислам: Пути реального взаимодействия. М., 2006. С. 13. Курсив мой. – Ю.М.).

Обобщая материалы разысканий, посвященных теме «непорочно-го зачатия (рождения)», Артур Пикок сообщает: «Исторические исследования <...> неумолимо приводят нас к заключению, что два евангельских рассказа о Рождестве, которые, по-видимому, служат единственным доказательством непорочно-го зачатия, можно в лучшем случае считать легендой. Эта легенда символизирует в том числе, что в пришествии Иисуса Христа соединились инициатива Бога и человеческий отклик на нее. <...> Разрастание этой легенды можно объяснить (совершенно ложными) биологическими воззрениями того времени и той обстановкой, в которой всё более и более подчеркивалось участие Бога в жизни Иисуса и даже предшествующие замыслы в отношении его. Таким образом, Божественное призвание Иисуса было удостоверено задним числом, и его отправная точка всё больше и больше отодвигалась назад во времени: сначала это было его крещение (у Марка), потом его рождение (у Матфея и Луки) и наконец его предсуществование как Слова Божьего (Пролог к Евангелию от Иоанна). Этот процесс в христологии ранней Церкви сейчас широко обсуждается учеными» (*Пикок А.* Указ. соч. С. 325).

С подобным радикальными выводами мусульмане, разумеется, никак не могут согласиться. Рождение Иисуса Христа прямо характеризуется Кораном как чудо. В Марию, избранную Богом от рождения, очищенную и «возвышенную над женщинами миров» (3: 42), Всевышний вдохнул от Своего Духа, чтобы она понесла в чреве сына Иисуса, и оба они стали «знамением для миров» (21: 91). Таким образом, Мария родилась одним из самых знаменитых пророков в истории человечества, «сохранив [при этом] целомудрие своего лона» (21: 91; см. также: 66: 12). Творец, в который раз обращая внимание на Свою определяющую роль в появлении на этом свете людей, и среди них — Своих посланцев, пояснил: «Воистину, Иисус пред Богом подобен Адаму, которого Он сотворил из праха и сказал ему: “Будь!” — и тот обрел бытие» (3: 59), то есть явился этому миру новым Адамом.

⁹⁰ Это отсутствие — не исторический казус, а следствие абсолютного равенства перед Богом всех без исключения людей, реальное воплощение исходного постулата о единобожии. Роль священнослужителя в исламе — предстояние, т. е. руководство коллективной молитвой, для чего достаточно хорошо знать саму ее процедуру и пользоваться авторитетом у верующих. В отличие от христианства, где священник обращен лицом к верующим, представляя своей персоной Всевышнего, в исламе и священнослужитель, и собравшиеся на молитву обращены в одну сторону — Бога. Поэтому мулл, имамов и муфтиев, строго говоря, некорректно называть священнослужителями или духовенством. Это скорее чиновничество, своего рода *мусульманская бюрократия*. Мечеть — место, где проходят собрания верующих (не только молитвенные). Ее здание не является сакральным. Абдол Хосейн Зарринкуб следующим образом охарактеризовал назначение мечети в жизни мусульман: «В эпоху правления халифов мечеть <...> имела гораздо большее значение, нежели в наши дни, ибо она была для них (мусульман. — Ю.М.) не только местом для молитвы. В эту эпоху мечеть <...> была еще и форумом [— аналогом главной городской площади-рынка и центра политической жизни в городах Древнего Рима], а также местом, где отправлялось правосудие, местом собраний для обучения и воспитания, своего рода академией. Там Пророк <...> решал вопросы, касавшие жизни и принципов веры своих последователей. Первая мечеть, построенная мусульманами в Басре, находилась неподалеку от здания городской администрации, так как мечеть была еще и местом сбора городских жителей. В последующие периоды знатоки хадисов проводили в мечети научно-религиозные диспуты. В мечетях создавались комментарии к установкам шариата, заседали кружки по толкованию Корана <...>, проводились церемонии богопомятия (*зикр*). <...> Сверх того, мечеть, по нынешним понятиям, была и городским парламентом. Мечеть представляла собой прибежище для обездоленных, служила гостиницей для путников» (*Зарринкуб А.-Х. Указ. соч. С. 184—185*).

⁹¹ Анализируя призывы, апеллирующие к «положительному опыту» Запада, секуляризовать исламское общество, Мухаммад Икбал пишет: «Раннее христианство было создано не как политическая или гражданская организация, а как монашеский орден в профанном мире, которому не было дела до гражданских вопросов и который практически во всем подчинялся римской власти. В результате, когда государство стало христианским, государство и Церковь оказались в конфронтации друг с другом как две различные власти с бесконечным числом спорных вопросов относительно границ своего влияния. Такое никогда не могло случиться в исламе, потому что тот с самого начала возник как гражданское общество, получившее из Корана набор простых юридических принципов, аналогичных двенадцати римским скрижалям, содержащих, как это доказал последующий опыт, огромные потенциалы распространения и развития посредством соответствующего толкования» (*Икбал М. Указ. соч. С. 148–149*).

⁹² *Закария Ф. Указ. соч. С. 155–156.*

Мухаммад Икбал подчеркивал, что с завершением пророческой традиции навсегда ушло время, когда правитель мог быть наделен какими-нибудь другими функциями, кроме светских: «В исламе пророчество достигает своего совершенства благодаря обнаружению необходимости собственного упразднения. Это включает в себя пронизательное понимание того, что жизнь не может навсегда удерживаться в управляемой узде; что для полного самосознания человек должен наконец опереться на собственные ресурсы. Упразднение духовенства и наследственной власти в исламе, постоянное обращение к разуму и опыту в Коране, а также акцент, который он делает на Природу и Историю как источники человеческого знания, — всё это различные аспекты одной и той же идеи конечности пророчества» (*Икбал М. Указ. соч. С. 125*).

⁹³ Со стороны может показаться, что жизнь мусульманина регламентирована шариатом — комплексом закрепленных прежде всего Кораном и Сунной предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман — вплоть до мелочей. Это распространенное заблуждение. Более того, в этих правовых принципах нет ничего, что могло бы хоть как-то осложнить жизнь человеку («Бог желает вам облегчения, а не отягощения <...>» (2: 185); «<...> не устанавливал Он чего-либо трудного в религии» (22: 78). Но если что-то непонятно или вызывает сомнения (хотя рано или поздно и это прояснится), то руководствоваться надо простым соображением: Всевышнему виднее, что в сотворенном Им мире полезно, а что вредно, ведь человек — часть Творения и он будет чувствовать себя только тогда комфортно, когда весь круг его взаимоотношений в рамках Бытия (как тела, так и духа) будет гармонизирован. Юсуф ал-Карадави объясняет: «Объем запрещенного в исламе весьма невелик, в то время как разрешенное безгранично. Существует несколько четко очер-

ченных предметных и поведенческих областей, касающихся запретов; то же, что не упомянуто в насе (т. е. либо айте Корана, либо достоверном свидетельстве о действии или высказывании пророка Мухаммада, жизнь которого для мусульман — образец для подражания. — Ю.М.) в качестве разрешенного или запретного, подпадает под общий принцип дозволенности и находится в рамках Божественной милости, адресованной людям. <...> принцип изначальной дозволенности не ограничивается [конкретными] предметами, но распространяется также на все действия человека, в том числе и на сложившиеся в обществе нормы поведения (не относящиеся к актам поклонения). <...> Миссией шариата является одухотворение и возвышение живой традиции, предупреждение о негативах и побуждение к позитиву» (Кардави Ю. Дозволенное и запретное... С. 24, 26).

⁹⁴ Хантингтон С. Указ. соч. С. 335.

⁹⁵ Гараджа В.И. Теологии родительного падежа // НФЭ. Т. IV. С. 39.

«Вместе с Рабле и вслед за Вольтером европейское человечество высмеяло и *просмеяло все свои святыни*, — обличал Иван Ильин современную ему цивилизацию. — Вместе с Байроном оно увлеклось *демонизмом*. Вместе с Ницше оно выговорило свой *нигилизм* и свое *антихристианство*. Этим была окончательно подготовлен религиозный кризис нашей и следующей за нами эпохи.

<...> Началось с рассудочной насмешки. Эта слепая, самодовольная и легкомысленная ирония выдавала себя и наивно принималась за проявление “света”, за высшую зрячесть. Бездуховный, религиозно беспомощный и беспризорный европеец стал называться *“esprit fort”* (сильный дух). На самом деле эта ирония закрепляла в душах духовную слепоту и религиозную немощь. Это был не только отказ от священного; это был отказ от серьезного и благоговейного подхода к священному. Эта ирония не только отрезала религиозные крылья у человека, но как бы прижигала урезанные места своим едким ядом, чтобы крылья и впредь не могли вырасти. Она опустошала душу и показывала опустошенной душе яковы пустой мир. И, следуя за ней, человек привыкал считать откровение вымыслом, догмат — предрассудком, молитву — ребячеством или ханжеством. Мало того, он привыкал стыдиться молитвы, а потом издеваться над ней, над собой, прежде молившимся, но более не молящимся, и над самим Предметом (такое именование Бога И. Ильин заимствовал у Василия Великого. — Ю.М.) своей бывшей молитвы. *Религиозная слепота стала критерием просвещенности*. А жизнь, опустошенная от святыни, стала мало-помалу подлинным *царством пошлости*.

Солнце не померкло на небесах. Но ослепшие глаза перестали его видеть и утратили его образ. Душа поверила, что солнца нет; и погрузилась во внутренний мрак. Человек осмелел свою духовность и разложил этим свой религиозный орган. Ему остались только те *суррогаты* религиозности, которые имеют некоторое наукообразие (например, астро-

логия, антропософия, так называемая «христианская наука» (подразуется одноименная протестантская секта. — Ю.М.); с отпадением их — ему достанется прямая и последовательная безрелигиозность.

<...> *Совлечение религиозного опыта и религиозной святости в пошлость — есть сущая язва мира.* <...> Смысл нашей эпохи состоит в том, что пошлость осознала себя, выдвинула свою доктрину и перешла в наступление, желая создать свою законченную систему жизни» (*Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. М., 2002. Т. I. С. 49–50, 445, 453).

⁹⁶ См.: *Sölle D.* Atheistisch an Gott glauben. Freiburg im Br., 1968; *Van Buren P.M.* The Secular Meaning of the Gospel. L., 1963.

⁹⁷ См.: *Vahanian G.* The Death of the God: The Culture of our Post-Christian Era. N.Y., 1961.

⁹⁸ *Гараджа В.И.* Теологии родительного падежа. С. 40. «Сегодня очевиден тот факт, что христианские Церкви парадоксальным образом не только смирились с секулярным миром, но и приняли правила его игры. Более того, эти правила им ближе и понятнее, нежели страстная и всепоглощающая религиозность мусульман» (*Минин Ст.* Возмущение ислама: «Карикатурная война»: конфликт веры и неверия? // НГ-религии. 2006. № 3. 15 февраля. С. 1).

⁹⁹ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1976. Т. 14. С. 64–65.

¹⁰⁰ *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 502. Весьма красноречив в данном отношении еще один пассаж этого гуру политологии: «Страны с западнохристианскими корнями добиваются успеха в экономическом развитии и установлении демократии; перспективы экономического и политического развития в православных странах туманны; перспективы же мусульманских стран и вовсе безрадостны» (Там же. С. 26). Похоронившему мир ислама Самюэлю Хантингтону осталось только разъяснить своим поклонникам прогноз, с которого начинается книга его коллеги по цеху Патрика Бьюкенена: «Наступление нового века ознаменовалось началом Четвертой мировой войны, войны цивилизационной, в которой евроатлантической цивилизации Запада противостоят цивилизации “второго” и “третьего” миров. Эта война, в отличие от предыдущих, ведется без применения оружия (если не считать локальных вооруженных конфликтов), она носит “информационно-культурный характер”, однако ее исходом, судя по тому, как складывается ситуация, станет *поражение Запада* и гибель не просто очередной империи, но и целой цивилизации» (*Бьюкенен П.-Дж.* Смерть Запада. М., 2004. С. 5. Курсив мой. — Ю.М.). То ли «кандидат в президенты США от Республиканской партии на выборах 1992 и 1996 годов» чего-то по-крупному не понимает, то ли у впередсмотрящего и слепопыта западного мира случился политологическая абберрация и он перепутал побеждающего с побеждаемым в изобретенном им реалисти-шоу с устрашающим названием «Столкновение цивилизаций». Что и говорить, эта «штука» и впрямь будет «посильнее “Фауста” Гёте».

¹⁰¹ *Соловьев Э.Г.* Информационное общество // НФЭ. Т. II. С. 143.

¹⁰² *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 283.

¹⁰³ *Джемаль Г.Дж.* Освобождение ислама. М., 2004. С. 182.

¹⁰⁴ Самюэль Хантингтон указывает на еще одну важную черту психологии противостояния: «Люди открывают новые, но зачастую старые символы [культурной] идентификации и выходят на улицы под новыми, но часто старыми флагами, что приводит к войнам с новыми, но зачастую старыми врагами» (*Хантингтон С.* Указ. соч. С. 14). Стоило бы исследовать этот феномен, обратившись к теории архетипов коллективного бессознательного, разработанной Карлом-Густавом Юнгом.

Вечный враг ислама — язычество и, разумеется, все его современные модификации. Например, насаждение западной демократии в Ираке ценой огромных жертв среди местного населения (вплоть до угрозы втягивания иракцев в гражданскую войну) — типичный пример современной формы язычества (институт демократии как идол). В глазах мусульман Запад — цивилизация неоязычества в облике христианского воинства (поэтому так часто звучит слово «крестоносцы», напоминающее о кровавых походах европейцев на Восток). Высказывание Гейдара Джемала — отличная к тому иллюстрация: «<...> современное человечество с его солипсизмом, глупостью и раболепием перед похабнейшими идолами и фетишами полностью контролируется ростовщиками. <...> [Современный мир —] рабство “мирового порядка”, учрежденного мировой идолократией. <...> человек не только объективно зависим от того, что определяет “юдоль земную”, он еще, безусловно, зависим и внутренне; и если он не предается Аллаху, не становится мусульманином, то тогда он предается тагуту, то есть “тому, что не Аллах”. Религиозная сущность мирового порядка состоит именно в его связи с тагутом, тем, кто стоит за личиной любого идола, даже не особенно скрываясь. Главный интерес, с точки зрения мусульманской историософии, представляет связь между религиозной сущностью идолократии и светским гуманизмом, ибо последний является живым и конкретным проявлением культа тагута» (*Джемаль Г.Дж.* Указ. соч. С. 78, 99). Любопытно, что озабоченность схожими проблемами демонстрирует и Фрэнсис Фукуяма. Анализируя угрозы человечеству, которые таят в себе биотехнологии, он обращается к роману Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», государство в котором ради поддержания общественного спокойствия взяло на себя функцию формирования мира чувств, эмоций и потребностей каждого гражданина. С точки зрения ислама, это настоящая языческая империя. Так вот, американский провозвестник «конца истории» озабочен тем, что именно к такому «царству постчеловечества», где человек оказывается лишен — кто бы мог подумать? — «человеческой природы», управляет западный мир. Констатируя «желание <...> обыкновенных людей как можно больше вывести свое поведение в область медицины и тем снять с себя ответственность за свои действия», Ф. Фукуяма восклицает: «<...> медицинская техника предлагает нам *сделку с дьяволом*:

продление жизни, но со снижением умственных способностей; избавление от депрессии — но и от творческой силы духа; медикаментозная терапия, стирающая грань между тем, чего мы достигаем сами — и чего достигаем с помощью воздействующих на мозг химикатов» (*Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 82, 20. Курсив мой. — *Ю.М.*).

Выводя на «свет Божий» идолов («кумиров»), искалечивших Россию на рубеже XIX—XX веков, Семен Франк особо выделял «всепоглощающий культ революционного служения», захвативший в те годы интеллигенцию и «разоблаченный ныне (текст опубликован в 1923 г. — *Ю.М.*) как пожирающий жизнь молох» (*Франк С.Л.* Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. С. 152). Характеризуя одержимость «строителей коммунизма» первых лет советской власти, С. Франк, «самый выдающийся русский философ» (*Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. II, ч. 2. С. 158), горько переживавший разлуку с родиной, писал: «Гордые спасители мира, противопоставлявшие себя и свои стремления как высшее, разумное и благое начало злу и хаосу всей реальной жизни, оказались сами проявлением и продуктом — и притом одним из самых худших — этой самой злой и хаотической русской действительности; всё накопившееся в русской жизни зло — ненависть и невнимание к людям, горечь обиды, легкомыслие и нравственная распущенность, невежество и легковерие, дух отвратительного самодурства, неуважение к праву и правде — сказались именно в них самих, мнивших себя высшими, как бы из иного мира пришедшими спасителями России от зла и страданий» (*Франк С.Л.* Смысл жизни [1925] // Франк С.Л. С нами Бог. М., 2003. С. 37).

¹⁰⁵ *Lash S.* Sociology of Postmodernism. L.; N.Y., 1990. P. 28.

¹⁰⁶ *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory Structuration. Cambridge, 1997. P. 205–206.

¹⁰⁷ См., например: *Castoriadis C.* Gesellschaft als imaginäre Institution: Entwurf einer politischen Philosophie. Frankfurt am Main, 1984. S. 129 ff.

¹⁰⁸ *Иноземцев В.А.* За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998. С. 257.

Один из крупнейших американских социологов, президент Американской социологической ассоциации профессор Амитаи Этциони прямо пишет: «Абсолютно свободных личностей, подобных тем, что представляют себе индивидуалисты, не существует и никогда не существовало. Человек общественен по своей природе и постоянно испытывает воздействие со стороны культурных, социальных и моральных факторов, не говоря уже о влиянии других людей. <...> Если личность в соответствии с пожеланиями сторонников абсолютной свободы окажется действительно свободной от всех общественных норм, то это не только не увеличит ее независимость, напротив, это оставит ее абсолютно не защищенной от всех других влияний, которые она воспринимает не в виде информации или воздействия среды, поддающихся анализу и контролю, а в виде ка-

кой-то невидимой ауры, которая подчас воздействует на нее самым иррациональным образом. <...> Позиция индивидуалистов, в соответствии с которой независимость личности представляет собою ценность, выше которой ничего нет, расходится с тезисом, гласящим, что добро имеет социальный контекст: каждый человек свободен в своем выборе, если он не причиняет вреда другому» (*Этциони А.* Новое золотое правило: Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 328, 326).

¹⁰⁹ См.: *Кардави Ю.* Дозволенное и запретное... С. 126–127. «Откуда [мусульманами Средневековья] брались книги? Исторические источники повествуют, что, победив Византию в 830 году, халиф аль-Мамун потребовал, чтобы контрибуция была выплачена книгами философов, а не деньгами или драгоценностями. Во все концы рассылались посланники с единственной целью — приобретать книги, книги, книги...» (*Изнатенко А.А.* В поисках счастья: Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. М., 1989. С. 15).

¹¹⁰ См.: *Хардт М., Негри А.* Множество: Война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 89, 139, 141.

¹¹¹ См.: Там же. С. 125, 402.

¹¹² См.: Там же. С. 4.

¹¹³ См.: Там же. С. 429.

¹¹⁴ «Подлинное богатство, которое действительно ценно само по себе, заключается в общих вещах; это сумма тех удовольствий, стремлений, способностей и потребностей, которые есть у всех нас. Общий достаток — вот подлинный и достойный объект производства» (Там же. С. 187).

¹¹⁵ См.: Там же. С. 147.

¹¹⁶ Там же. С. 4. «Множество является активным социальным субъектом, действующим на базе того, что связывает личности воедино. Множество — внутренне разнообразный, сложный социальный субъект, строение и деятельность которого базируются не на идентичности или единстве (и тем более не на отсутствии различий), а на том, что в нем есть общего <...>. Личности взаимодействуют и контактируют в социуме на основе общего, тогда как их коммуникация, в свою очередь, его производит. Множество представляет собой субъективность, которая возникает из динамики личности и общества» (Там же. С. 130, 246).

¹¹⁷ Для лучшего понимания концепции М. Хардта и А. Негри приведем еще несколько цитат из их труда:

«Производство идей, образов и знаний не только совершается совместно — никто, в сущности, в одиночку не думает, всякая мысль создается сообща, в контакте с прошлыми и нынешними размышлениями прочих людей — но, кроме того, всякая новая идея или новый образ требуют новых возможностей совместного творчества и их обеспечивают. <...>

Отправной точкой для нас является здесь признание того, что продуцирование субъекта и общего начала могут в совокупности сформировать

ровать спиралевидную симбиотическую связь. Другими словами, субъект порождается сотрудничеством и коммуникацией, а полученная таким образом субъективность создает новые формы сотрудничества и коммуникации, в свою очередь приводящие к новой субъективности, и так без конца. В этой спирали всякое последующее движение от производства субъекта к производству общего представляет собой инновацию, в итоге дающую нам более богатую реальность. В этом процессе метаморфоз и конституирования следует видеть формирование множества как принципиально нового общественного организма — всеобщего и демократичного. <...>

<...> плоть множества осуществляет совместное производство так, что оно чудовищно и всегда превосходит всякую меру традиционных общественных организмов, но, тем не менее, эта производящая плоть не порождает хаоса или общественного беспорядка. Фактически она *производит общее*, и это общее, которое мы делим между собой, служит основой для будущего производства в рамках винтообразной, расширяющейся связи. Последнее, вероятно, легче всего осмыслить, если рассуждать на примере коммуникации как производства: мы можем вступать в коммуникацию только на основе языков, символов, идей и взаимоотношений, которые являются для нас общими, и, в свою очередь, результатами нашей коммуникации выступают общие языки, символы, идеи и взаимоотношения. Сегодня такая двойственная взаимосвязь между производством и общим — общее производится, но и само является производящим — составляет ключ к пониманию всякой социальной и хозяйственной деятельности. <...>

Общее производство множества включает в себе некую форму конституирующей власти в той мере, в какой сами сети кооперативного производства определяют институциональную логику общества. Здесь мы опять-таки признаём особое значение того факта, что в производстве множества различие между экономическим и политическим начинает исчезать, поскольку выпуск товаров в рамках экономической системы становится производством социальных взаимоотношений и в конечном итоге — самого общества. Будущая институциональная структура этого нового общества укоренена в аффективных (имеется в виду деятельность, рождающая у потребителя ее результатов чувство комфорта/дискомфорта, радости/огорчения, притяжения/отторжения, т. е. задающая его психологическое состояние. — Ю.М.), кооперативных и коммуникативных связях общественного производства. Другими словами, сеть общественного производства порождает институциональную логику, способную обеспечивать существование нового общества. Таким образом, общественный труд множества непосредственно ведет к его утверждению в качестве конституирующей силы» (Там же. С. 185, 235, 244, 422).

¹¹⁸ Там же. С. 276.

¹¹⁹ Там же. С. 135.

¹²⁰ Там же. С. 277.

¹²¹ См.: Там же. С. 144.

¹²² См.: Там же. С. 186. «<...> жизнь сама становится производственной машиной» (Там же).

¹²³ См.: Там же. С. 6.

¹²⁴ См.: Там же. С. 137.

¹²⁵ Там же. С. 6.

¹²⁶ Там же. С. 420–421.

¹²⁷ «Когда президент [Дж. Буш-младший] говорит о “демократии” или “свободе”, — пишут М. Хардт и А. Негри в “Предисловии к русскому изданию” своей книги, — нам остается лишь удивляться, каким упрощению и извращению подверглись в современном мире эти важные понятия. В наши дни демократия в лучшем случае предусматривает периодические выборы, приводящие к ограниченным изменениям в правящей элите. Но гораздо чаще в рамках этого извращенного понимания демократическим считается только то, что делается по образцу и в соответствии с волей Соединенных Штатов» (Там же. С. XLV).

¹²⁸ Там же. С. 425, 1, 426.

¹²⁹ Там же. С. 131, 272. «Биополитическое производство, — поясняют М. Хардт и А. Негри, — являясь одновременно и экономическим, и политическим, прямо порождает социальные связи и составляет основу конституирующей силы. Это обстоятельство позволяет нам осознать: демократия множества, которую мы анализируем, мало похожа на “прямую демократию” в традиционном понимании, при которой каждый из нас отрывался бы от работы и личных занятий, чтобы постоянно участвовать в голосовании по тому или иному вопросу. <...> Биополитическое производство дает возможность делать работу по созданию и поддержанию социальных взаимосвязей в сотрудничестве, в рамках тех же самых коммуникативных и кооперативных сетей общественного производства <...>. В конечном счете закладка общественных связей имеет не только хозяйственную ценность, это также и политическая работа. В таком смысле хозяйственное и политическое производство совпадут, а совместные производственные сети обеспечат базис для новой институциональной структуры общества. Демократию, при которой все мы, участвуя в биополитическом производстве, совместно создаем и в то же время сохраняем социальные связи, мы и называем “абсолютной”» (Там же. С. 423).

¹³⁰ Там же. С. 424.

¹³¹ Там же. С. 424–425.

¹³² Там же. С. 278, 432.

Читая фолиант М. Хардта и А. Негри, трудно отделаться от ощущения схожести целого ряда их ключевых идей с тем, что за более чем полвека до выхода «Множества» написал в «Феномене человека» Пьер Тейяр де Шарден, выдающийся палеонтолог и теолог. На него наши авторы не ссылаются. Тем более показательно совпадение выводов

двух неомарксистов и знаменитого иезуита, выводов, отвечающих историческим представлениям мусульман. За неимением места и возможности проводить детальный сопоставительный анализ названных книг воспроизведем лишь один пассаж из «Феномена...». Описав как развивался «мыслящий покров» Земли, как «мысль становилась множеством, чтобы завоевать всё обитаемое пространство поверх любой другой формы жизни», как «дух ткёт и разворачивает покров ноосферы», Тейяр заключает:

«Положительно я не вижу другого цельного и, стало быть, научного способа сгруппировать и истолковать эту огромную массу фактов, как представить ее в виде гигантской психобиологической операции — своего рода *мегасинтеза*, “суперкомбинации”, которой ныне индивидуально и коллективно подчинены все мыслящие элементы Земли. <...>

Ложен и противоестествен эгоцентрический идеал будущего, якобы принадлежащего тем, кто, руководствуясь эгоцентризмом, доводит до крайнего выражения принцип “каждый за себя”. Любой элемент может развиваться и расти лишь в связи со всеми другими элементами и через них. <...>

Выход для мира, двери для будущего, вход в сверхчеловечество открываются вперед и не для нескольких привилегированных лиц, не для одного избранного народа! Они откроются лишь под напором *всех вместе* и в том направлении, в котором все вместе могут соединиться и завершить себя в духовном обновлении Земли» (*Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С. 155, 194*).

¹³³ *Гараджа В.И.* Секуляризация // НФЭ. Т. III. С. 513. Не можем очередной раз не процитировать С. Хантингтона: «<...> религиозное возрождение во всем мире — это реакция на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, а кроме того — утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и людской солидарности. <...> Крушение устоев и развал гражданского общества создают вакуум, который заполняется религиозными, зачастую фундаменталистскими, группами» (*Хантингтон С.* Указ. соч. С. 144).

¹³⁴ *Weigel G.* Religion and Peace: An Argument Complexified // *Washington Quarterly*. 1991. Spring. № 14. P. 27.

¹³⁵ *Иноземцев В.А.* Указ. соч. С. 565–566. Приведем другое, на наш взгляд весьма спорное, суждение о будущих угрозах: «Индустриальная система мышления базировалась на трех основных постулатах — отношении к природе как объекту эксплуатации, антропоцентризме и безоговорочной вере в научно-технический прогресс. Информационное общество в этом отношении — “духовный водоворот”, характеризующийся утратой согласия, неспособностью прийти к единому стандарту поведения, общим правилам, языку и т. д. Такая мозаика ценностных ориентаций порождает резкий рост субкультур, что может увеличить степень конфликтогенности общества» (*Соловьев Э.Г.* Информационное общество // НФЭ. Т. II. С. 143). Сомнительно, что у общества, находя-

щегося в состоянии «духовного водоворота», вообще может быть будущее. Считать же наступившую информационную эру предтечей Апокалипсиса пока нет никаких оснований.

¹³⁶ Хантингтон С. Указ. соч. С. 328. Развивая образ ислама как ведущего оппонента Запада, Ольга Соколик и Петр Власов, главный редактор журнала «РБК», пишут: «Ислам сегодня выглядит наиболее подготовленным к тому, чтобы противопоставить США свою идеологию. Ее основные постулаты — приоритет духовного развития над материальной модернизацией, создание гармоничного общества, не разделенного на богатых и бедных, жесткое регулирование повседневной жизни на основании неких “высших” установок — в теории представляются привлекательными довольно многим даже за пределами исламского мира. И кажется, именно ислам становится, или даже уже стал, реальной альтернативой американскому прагматизму и бросает вызов глобальному засилью американцев. Вспомним уничтожение небоскребов Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года, потрясшее весь мир. Тогда стало понятно, что, с одной стороны, исламисты готовы умирать за свои идеи, что может вызвать уважение к идеологии, которую они представляют. А с другой — они достаточно умны, влиятельны и изобретательны, чтобы спокойно орудовать в самом центре американской империи. И это уже восхищает, привлекая в их ряды новых сторонников. Война с исламом, хотя и называется она иначе, — реальный факт. Даже по официальным данным, тысячи американских солдат уже погибли за несколько лет боевых действий на Ближнем Востоке» (Соколик О., Власов П. Указ. соч. С. 34).

Вот что пишут Майкл Хардт и Антонио Негри о современных политологах, Самюэле Хантингтоне (как знаковой фигуре на мировом политологическом Олимпе/Паноптикуме) и его детище — концепции «конфликта цивилизаций»:

«<...> сегодня большинство политологов — не более, чем технологи, занятые решением количественных проблем поддержания порядка, а остальные бродят по коридорам от своих университетов до мест средоточия власти, пытаясь заполучить доступ к уху правителя и прошептать в него свой совет. Образцовой фигурой политолога стал тайный советник, секретный поставщик рекомендаций для высшего руководства. Самюэль Хантингтон может послужить наилучшим примером имперского тайного советника, наиболее успешно пробравшегося к властному уху. В 1975 году вместе с Мишелем Крозье и Джорджи Ватануки он опубликовал объемистый том по вопросу “кризиса демократии”, подготовленный для Трехсторонней комиссии. Диагноз, сформулированный Хантингтоном, сводился к тому, что с 1960-х годов “демократия” в Соединенных Штатах была поставлена под угрозу слишком многочисленными каналами демократического участия и излишним обилием требований со стороны организованной рабочей силы, а также недавно активизировавшихся социальных групп, таких как защитники прав

женщин и афроамериканцы. Согласно его парадоксальному утверждению, избыток демократии привел в США к ее ослаблению, что в итоге выразилось в “демократическом расстройстве”. Не исключено, что столь противоречивый ход мыслей мог восприниматься как разумный лишь во времена “холодной войны”, когда на фоне угрозы советского тоталитаризма власть над обществом капитала, какие бы политические формы она ни принимала, обязательно считалась “демократической”. В действительности текст Хантингтона — это решительно антиреспубликанская, антидемократическая проповедь, содержащая наставления по защите суверенитета против угроз со стороны всех социальных сил и общественных движений. Конечно, больше всего Хантингтон боялся именно демократии в подлинном смысле слова, то есть власти всех, осуществляемой всеми, и это определило основной пафос его аргументации. По его словам, демократия нуждается в усмирении властью, а различные сегменты населения необходимо удерживать от чересчур активного участия в политической жизни или от выдвижения чрезмерных требований в адрес государства. На деле в последующие годы доктрина Хантингтона действительно послужила руководством для неолибералов в деле разрушения государства благосостояния.

Через 20 лет тайный советник Хантингтон снова нашептывает в ухо верховной власти. Ее потребности изменились, а с ними и его советы. “Холодная война” обеспечивала прочный принцип деления государств на союзников и врагов, тем самым очерчивая глобальный порядок, но теперь с этим покончено. В конце 20-го столетия, когда “холодная война” завершилась и даже суверенитет национальных государств сходит на нет, отсутствует ясность в отношении того, какую форму можно придать глобальному порядку и как допустимо разворачивать и легитимировать насилие, необходимое, чтобы такой порядок поддерживать. Хантингтон рекомендует отныне определять организующие разделительные линии глобального порядка и глобального конфликта, те блоки, которые сводят государства в лагеря союзников и врагов, не в терминах “идеологии”, а как “цивилизации”. Освальд Шпенглер возвращается. Старые родимые пятна реакционной мысли вновь вышли на поверхность. Остается неясным, что могли бы представлять собой эти причудливые исторические образования под названием цивилизаций, но в интерпретации Хантингтона они в основном определяются, как обнаруживаются, на основании расовых и религиозных критериев. Размытый характер цивилизаций как мерил классификации тем более облегчает подчинение “науки” политической тактике и использование их для перекройки геополитической карты. В данном случае наш тайный советник верховной власти опирается на старую реакционную гипотезу, относящую политические группировки к смешанным сообществам (*Gemeinschaften*), и помещает властную реальность (*Machtrealitäten*) среди духовных сущностей. Он будит призраки этих цивилизаций, чтобы

обнаружить в них общую схему приведения в порядок того разделения на друзей и врагов, которое является для политики самым важным. Друзья для нас те, кто принадлежит к нашей цивилизации; прочие цивилизации — наши враги. Пусть все услышат благую весть: война превратилась в столкновение цивилизаций! Спиноза метко окрестил подобное сотворение врагов и страхов *предрассудком*, который, как было ему хорошо известно, всегда в конце концов приводит к варварству бесконечной войны и разрушения.

Талант Хантингтона как тайного советника проявился в 1970-е годы в том, что он предвосхитил потребности власти, заранее подготовив антидемократическое руководство к действию, пригодившееся во время революций Рейгана и Тэтчер. Аналогичным образом, его тезис о “столкновении цивилизаций” предшествовал 11 сентября 2001 года и последовавшей за ним войне с терроризмом, которую СМИ и основные политические силы немедленно восприняли, иногда с благоразумным его (тезиса. — Ю.М.) опровержением, но часто и без такового, как конфликт Запада с исламским миром. На этом фоне гипотеза о столкновении цивилизаций фактически выглядит не столько описанием нынешнего состояния мира, сколько *недвуусмысленным предписанием*. Это призыв к войне, постановка задачи, которую предстоит решать Западу. Иначе говоря, в версии Хантингтона цивилизации не имеют никаких изначальных, духовных или даже исторических истоков, а выступают в роли политических и стратегических данностей, которые должны породить реальные политические единицы, считающиеся друзьями или врагами США в перманентном состоянии войны.

На этот раз Хантингтон промахнулся, и власть отвернулась от него. О, жестокая судьба тайного советника, зависящая от прихотей господина! После 11 сентября американское правительство настойчиво повторяло, что его всемирная стратегия безопасности не имеет ничего общего со столкновением цивилизаций. Изначальная причина тут не в том, что политические лидеры США уловили *расистский подтекст* гипотезы-предложения Хантингтона. Скорее, его понимание цивилизации слишком узко для их глобального видения. Хантингтон застрял в рамках прежней парадигмы мирового порядка, стараясь сформировать новые кластеры национальных государств, на этот раз в виде цивилизаций, чтобы они заменили противостоящие блоки времен “холодной войны”. Однако имперские виды на будущее гораздо шире. Всё человечество должно оказаться под управлением Империи. В этом новом мире воображаемые цивилизации Хантингтона и разделяющие их границы — просто препятствия. Есть нечто печальное в облике ретивого советника, которым пренебрег владыка, вычеркнув его из избранного круга. <...>

Зная, как преуспела “холодная война”, упаковав всемирное насилие в сплоченные блоки и создав стабильный строй власти, Хантингтон хочет отвести такую же упорядочивающую роль цивилизациям: они

сделали бы глобальный конфликт логичным, разделив национальные государства на устойчивые группы союзников и врагов» (Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 51–54, 292. Курсив мой. — Ю.М.).

Порой приходится слышать о безмерной жестокости мусульман как решающей причине их феноменальных успехов по присоединению новых территорий. Коллективным автором этого вымысла являются крестоносцы и хронисты крестовых походов (1096–1291 гг.).

«Храбрые воины Святого Креста», залившие Ближний Восток реками крови и, по многочисленным свидетельствам мусульман, «мало чем отличавшиеся от хищных зверей», влекомых жаждой легкой наживы (см.: *Зарринкуб А.-Х.* Указ. соч. С. 168), «неотесанные варвары», «благочестивые воры» и «алчные грабители», как охарактеризовал их Жак Ле Гофф (см.: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 134–135), были, разумеется, заинтересованы в совсем иной картине своих «подвигов». Небылицы, сочинявшиеся этими «пилигримами», сражавшимися за «дело Божье» — «освобождение от рук неверных Святой земли и гроба Господня», подпитывались смутными представлениями крестоносцев о религии пророка Мухаммада, густо замешанными на заведомой лжи, распространявшейся представителями противоборствующих течений в исламе (в частности, антишиитскими сочинениями суннитских ересиографов и антисуннитскими трактатами шиитов). Эти легенды гуляли по Европе, обрастая невероятными подробностями и приобретая всё более интригующий вид и, как ни странно, статус достоверного факта в глазах европейских ученых, не критически внимавших рассказам о благородстве и героизме возвращавшегося с Востока Христова воинства, которое якобы отважно противостояло «кровавому жестокосердию и дьявольской коварности нечестивых мухаммедян». Европейские «художники слова», в руки которых будто из рога изобилия посыпались самые фантастические сюжеты, также не упускали шанса возславить отвагу и доблесть «рыцарей без страха и упрека». Мировая литература обрела новое дыхание, обогатив всех нас замечательными достижениями изящной словесности. Яркий пример такого бессмертного творения — «Книга о разнообразии мира» (1298; ее другие названия: «О чудесах мира», «Миллион»), продиктованная Марко Поло, томившимся в гунуэзских застенках венецианским купцом, тосканскому писателю Рустикелло Пизанскому. Последний записывал по-французски, хотя Марко диктовал ему на венецианском диалекте. Историки литературы до сих пор пытаются разобраться, что из выдумок («баснословий»), включенных в это сенсационное сочинение, переведенное на десятки языков и снискавшее всемирную славу, принадлежит ее автору, что его помощнику, а что более позднему переписчику. (Как известно, Христофор Колумб, увлеченный записками М. Поло и сочинениями некоторых географов того времени, собрал экспедицию, чтобы открыть новый путь в Индию, но попал в Америку, о чем так и не узнал до самой своей смерти.) Именно в этих «воспоминаниях путешественника»

впервые было рассказано о «тайном райском саде», где проводят свои последние дни так называемые «ассасины» (*араб.* фида'и) — одурманенные гашишем молодые люди, вкушавшие без меры прелести земной жизни и утратившие всякое чувство страха, — перед тем как во исполнение приказа своего зловещего предводителя, Старца Горы, пожертвовать собой ради хладнокровного убийства назначенной им жертвы да к тому же совершить его подчас на глазах множества людей — лишь бы нагнать побольше страха. В роли таинственного старика фигурировал Рашид ад-Дин Синан — глава сирийских исмаилитов низаритов, которого европейские историографы часто пугают с Хасаном Сабахом — основателем исмаилитского государства низаритов с центром в горной крепости Аламут (Персия), одним из самых образованных людей своего времени, собравшим уникальную библиотеку и предоставлявшим ее духовные сокровища в пользование всем желающим, независимо от вероисповедания.

Фантазии о мусульманах и в наши дни кочуют не только по западным массмедиа, теле- и кинопродукции «Фабрики грез», но и воспроизводятся во вполне солидных изданиях. Так, например, всерьез сообщается, что «перед заданием бойцы [Синана] получали в течение нескольких дней наркотики <...>, а в заключение безумной недели их ждало общение с молодыми девушками. Отправившийся на задание мечтал вернуться в «рай» (имеется в виду тот самый «райский сад». — *Ю.М.*), в котором он побывал накануне» (*Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 173. У автора вместо Синана — Хасан Сабах). Известно, что, когда Аламут и другие крепости низаритов были захвачены монголами, никаких следов «райского сада» и практики «наркотических запоев» обнаружено не было (см.: *Дафтари Ф.* Исмаилиты и крестоносцы: история и миф // *Дафтари Ф.* Традиции исмаилизма в средние века. М., 2006. С. 173–177). Лишь серединой XIX века могут быть датированы первые попытки западных и российских историков реконструировать подлинную картину событий того времени. Черные же легенды о «безжалостных измаильянах», раз возникнув, еще многие столетия продолжали будоражить воображение впечатлительных европейцев, да и в наши дни служат питательной средой для процветания исламофобии.

«Нашествие крестоносцев было подлинным варварством, пусть даже менее опасным, но более продолжительным, чем нашествие Чингисхана» (*Зарринкуб А.-Х.* Указ. соч. С. 168). Князь Дмитрий Голицын, русский посол во Франции, охарактеризовал крестовые походы как «бич, изобретенный честолюбием и видами политическими, поддержанный изуверством и суевериями <...>» (*Голицын Д.А.* Письмо к вице-канцлеру А.М. Голицыну от 26 мая 1766 г. из Парижа // *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века:* [В 2 т.]. М., 1952. Т. II. С. 39). Жак Ле Гофф, один из крупнейших авторитетов в современной медиевистике, цитирует сэра Джеймса Кокрэна Стивенсона Рансимэна (см.: *Runciman S.* A History of the Crusades: In 3 vol. Cam-

bridge, 1951–1954), полностью солидаризируясь с его точкой зрения: «Высокие идеалы крестового похода были искажены жестокостью и алчностью, дерзостью и упорством, слепым и оголтелым благочестием, и священная война превратилась всего лишь в затянувшийся акт нетерпимости во имя Божье, а это грех даже против Духа» (*Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 161). «Иногда в средневековом крестовом походе, — пишет далее Ж. Ле Гофф, — усматривают стадию западноевропейской колонизации. В чем-то это суждение верно» (Там же). Крестовым походам предшествовала мощная пиар-кампания: «Всё изменилось в XI веке, когда всей пропагандой, выдвигавшей на первый план ненависть христиан к приспешникам Магомета, были подготовлены и искусно организованы крестовые походы. <...> Мусульманин был неверным, врагом Господа, и о примирении с ним не могло быть и речи. Антагонизм между христианами и мусульманами был всеобъемлющим — таким, каким в 1095 году его определил Папа Урбан II, выступивший в Клермане с проповедью I крестового похода: “Какой позор будет нам, ежели это столь справедливо презираемое племя неверных, недостойных звания людей и гнусных рабов дьявола возьмет верх над избранным народом всемогущего Бога! На одной стороне будут сражаться отверженные враги Господа, на другой — Его друзья, щедро одаренные подлинными богатствами”. В глазах христиан мусульмане были “недочеловеки”. В шансон-де-жест “Алисканс” поэт, говоря о гибели Вивьена, восклицает: “На теле его насчитали пятнадцать зияющих ран. / Сарацин (т. е. мусульманин. — Ю.М.) умер бы от малейшей из них!” Магомет был одним из худших страшлищ средневекового христианства. Он неотступно преследовал христиан в апокалипсическом видении. Он не упоминался иначе как в связи с Антихристом. У Петра Достопочтенного, аббата Клуни в середине XII века, он помещался в иерархии врагов Христа между Арием и Антихристом; у Иоахима Флорского в конце того же века он (Мухаммад. — Ю.М.) “приуготовливает приход Антихриста, как Моисей приуготовил Христа”. На полях одной рукописи 1162 года — латинского перевода Корана — карикатура на Магомета представляет его в виде чудовища. <...> Вся господствующая отныне мифология сводится к поединку христианского рыцаря и мусульманина. Борьба против неверных становится конечной целью рыцарского идеала. Неверный рассматривается отныне как язычник — причем язычник закоренелый, который заведомо отказывается от истины и обращения в христианство. <...> По сравнению с этими своеобразными “язычниками”, какими были мусульмане, по отношению к которым единственной официальной позицией была священная война, совсем иначе выглядели другие: те, которые еще поклонялись идолам, рассматривались как возможные христиане» (*Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. С. 136–139).

Как минимум в трех случаях из четырех мусульмане присоединяли новые территории путем заключения договоров, оговаривая себе эконо-

мические привилегии и одновременно гарантируя населению безопасность соблюдения им местных религиозных традиций. Пóдать с иноверцев (джизья) взималась как плата за освобождение от воинской обязанности и за гарантии безопасности. Этот сбор составлял не более 4 динаров в год и должен был выплачиваться лишь теми, кто был способен к ношению оружия. Джизья не взималась со священнослужителей, женщин и несовершеннолетних. От нее освобождались также больные, рабы (считались членами семьи хозяина) и малоимущие (см.: *Зарринкуб А.-Х.* Указ. соч. С. 172).

Испано-мусульманский хронист Ибн Джубайр поделился впечатлениями от своего путешествия в Палестину в 1184 году: «Христиане взимают с мусульман на своей территории определенный побор, который был установлен с доброго согласия. Со своей стороны христианские купцы платят на мусульманской территории пошлину со своих товаров; между ними существует совершенное согласие и во всех обстоятельствах соблюдается равенство. Воины заняты войной, народ же пребывает в мире. В этом смысле ситуация в сей стране настолько необычна, что и длинное рассуждение не смогло бы исчерпать тему <...>» (цит. по: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. С. 138).

В ходе кампании против Сирии первый халиф мусульман, Абу Бакр, обратился к армии со следующим призывом: «Помните, что вы постоянно под неусыпным Оком Бога и накануне смерти. <...> Слушайте меня, и я дам вам десять приказов, которые должны неукоснительно выполняться. Когда сражаетесь во славу Господа, ведите себя как настоящие мужчины, не обращаясь в бегство. Пусть никогда кровь женщин, детей и стариков не обогривит ваши руки. Не совершайте вероломных поступков. Не отклоняйтесь от прямого пути. Не изувещивайте. Не вырубайте пальм, не жгите жилищ и хлебных полей, не вырубайте фруктовых деревьев, скот же умерщвляйте лишь когда это необходимо — чтобы не оставаться голодными. <...> Вам будут встречаться монахи, живущие в монастырях и уединенно поклоняющиеся Богу. Оставьте их в покое, не убивайте и не разрушайте их монастыри». Второй халиф, Умар, повторял те же наставления: «Никого не угнетайте, ибо Всевышний не любит угнетателей. Не будьте трусами в бою, жестокими в применении силы, чрезмерными в победе. Не убивайте ни старика, ни женщину, ни ребенка и опасайтесь убить их в боевых стычках или конных набегах».

О реальной практике мусульман хорошо написал современный немецкий историк ислама Петер Антес: «Стремительный рост и распространение вширь исламского государства до сих пор вызывают изумление. В Европе нередко склонны объяснять этот факт тем, будто распространялся ислам вширь “огнем и мечом”. В действительности дело обстояло так — и это хорошо известно, например, из истории Испании, — что мусульманские войска продвигались не столько со стремительностью, сколько с большой осторожностью, извлекая для себя максимальную выгоду из существующих различий между массаами коренного населения

и официальными властями в тех областях, куда они наступали, и именно благодаря этому им удалось столь быстро подчинить себе огромные территории. А различия и связанные с этим противоречия между носителями власти и коренным населением соседних областей касались прежде всего религии. Мусульманам удалось перетянуть на свою сторону тех, кого преследовали верные Риму или Византии представители христианства, а среди таких гонимых были копты, ариане (последователи арианства), несториане, яковиты (последователи святого Иакова), а также проживавшие на этой земле иудеи, так что история распространения ислама в первый век его существования в полной мере может быть понята лишь в совокупности с историей христианских ересей. Во всяком случае, надо исходить из того, что проживавшие на Востоке христиане («еретики»), которые вели борьбу с Византией за свободу вероисповедания, воспринимали наступление мусульман скорее позитивно, приветствовали его как свое освобождение, с их точки зрения это не было завоевание и насильственное навязывание им другой, новой религии».

Вклинимся в обзор П. Антеса, чтобы процитировать показательный фрагмент из автобиографии знаменитого французского мыслителя XII века Пьера Абеляра, затравленного агрессивной католической ортодоксией и в отчаянии собиравшегося искать политическое убежище у мавров в Испании: «Богу известно, как часто я впадал в отчаяние и помышлял даже о бегстве из христианского мира и о переселении к язычникам (мусульманам. — *Ю.М.*), чтобы там, среди врагов Христа, под условием уплаты какой-нибудь дани (джизьи. — *Ю.М.*) *спокойно жить по-христиански*. Я полагал, что язычники отнесутся ко мне тем благосклоннее, чем менее они будут видеть во мне христианина вследствие приписываемых мне преступлений (Абеляр, не выходя за пределы христианской веры и схоластики, стремился рационализировать веру и противопоставлял церковным догматам свободный разум и совесть. — *Ю.М.*), и будут надеяться легко склонить меня к своей вере. И вот, в то время когда я беспрепятственно и мучительно переживал эти революции и подумывал уже в крайности искать христианского убежища у врагов Христа, я воспользовался случаем, который, как я ожидал, мог бы в известной мере уменьшить коварство моих недругов. Но я очутился в руках христиан, и даже монахов, несравненно более свирепых и скверных, чем язычники» (*Абеляр П. История моих бедствий*. М., 1959. С. 49–50. Курсив мой. — *Ю.М.*). Вернемся к П. Антесу.

«Последующая история распространения ислама также определяется благоприятными для него историческими обстоятельствами в тех областях, куда он проникает. Сасанидский Иран практически уже приближался к своему концу, а в религиозном отношении кризис манихейства открыл исламу на его пути в Центральную Азию единственный шанс выступить в качестве его наследника, так что история распространения ислама в этом регионе тесно переплетается с историей падения и ухода с исторической арены манихейства, что придает этому процессу

особую окраску. Отчасти уже манихейские богословы (как позднее на этом настаивали исламские теологи) исходили из того, что откровения пророков Моисея и Иисуса подверглись искажениям в проповедях их последователей и учеников и нуждались в “очищении”, точном переложении и поправках; такую роль исполнил основоположник манихейства Мани (ум. 276), появление которого якобы предсказал Иисус согласно Евангелию от Иоанна (так называемая глава о Святом Духе — 14: 26).

В дальнейшем (в период от крестовых походов до турецких войн) достигнутое таким образом политическое господство мусульман было подкреплено и распространено еще далее вширь с помощью военных действий. Так произошло при установлении мусульманского политического господства в Святой земле (Палестине), при завоевании в 1453 году Константинополя, с чем был связан конец Восточно-Римской империи и начало проникновения в Европу турок, которые подошли к воротам самой Вены; наконец, при установлении мусульманского политического господства на севере Индийского субконтинента. В XIX—XX веках к этому добавляются военные интервенции в центрально-азиатские регионы, а также направленная против колониальной политики западных держав (прежде всего Франции и Англии) борьба мусульманских народов за независимость во имя Аллаха.

История распространения ислама была бы неполной, если не вспомнить о многочисленных торговых караванах и купцах — представителях исламского мира, которые отправлялись и в Индонезию, и в Африку, на юг от Сахары, и в известном смысле способствовали проникновению ислама в эти регионы и укреплению их связей и контактов с мусульманской метрополией. Это был важнейший фактор, способствовавший мирному распространению ислама. Таким же мирным путем и вовсе без миссионерских тайных замыслов и целей происходило распространение ислама при переселении мусульман, главным образом по политическим и экономическим причинам — в поисках убежища и работы, в Западную Европу и в Африку. Только с конца 1970-х годов исламские институты и организации, существующие на родине этих эмигрантов, стали использовать их присутствие в данных регионах мира в соответствии с миссионерской концепцией, а также активнее начали выдвигаться политические требования о религиозном равноправии, против диктата великих Христианских Церквей» (*Антес II. Ислам в современном мире // Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червоная С.М. Ислам в Евразии: Современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. М., 2001. С. 41—42).*

¹³⁷ Хантингтон С. Указ. соч. С. 505.

¹³⁸ Именно поэтому карикатуры на Пророка ислама, с точки зрения мусульман, — ни с чем не сравнимое и ничем не оправдываемое кощунство, подлый выпад агрессивного язычества против Избранника Всевышнего и косвенно — Самого Бога, Владыки всего сущего.

¹³⁹ «Все люди должны будут пройти по узкому, как волос, [и острее меча] Мосту <...>, переброшенному через Ад; грешники сорвутся с него <...>, а праведники беспрепятственно [с быстротой молнии] проследуют до райских садов» (*Пиотровский М.Б.* ал-Ма'ад // Ислам. С. 149).

¹⁴⁰ «Самостоятельным источником [, помимо Корана и Сунны,] факихи (*араб.*, знатоки фикха. — *Ю.М.*) признали также единоголосное мнение мусульманской общины (иджма), практически понимавшееся как консенсус сподвижников Пророка. (Тем самым земная умма была признана носителем верховного суверенитета, который, естественно, ни в коей мере не подменял абсолютное верховенство Бога. — *Ю.М.*) Был сделан вывод, что Коран и Сунна явно, или имплицитно, содержат ответы на любые вопросы, которые факихи должны “извлечь” из них. Поэтому в случае отсутствия в них (Коране и Сунне. — *Ю.М.*) однозначных решений, указаний на конкретные правила поведения, которым должны следовать мусульмане, факихи уделяли особое внимание правовой интерпретации данных источников, переводу их общих предписаний на язык практических норм и правовых инструкций. Постепенно сложились приемы “извлечения” из основополагающих источников правовых решений по не предусмотренным ими прямо случаям. Такие приемы были положены в основу иджтихада (*араб.*) букв.: “усердствование [, старание, приложение усилия]”), под которым факихи стали понимать рациональные методы формулирования решений по вопросам, не упомянутым в прямой форме в Коране и Сунне или не отраженным в единодушном мнении сподвижников Пророка, а также приемы извлечения таких решений из предписаний этих источников, изложенных в самой общей аллегорической форме» (*Сюкияйнен Л.Р.* Фикх // НФЭ. Т. IV. С. 187). Итак, главный принцип иджтихада — решать новое в согласии со старым. Иджтихаду не подлежат только вопросы веры, коранические запреты, ритуал богопоклонения, точные и однозначные предписания Корана и Сунны. «Современные мусульманские правоведы понимают под иджмой консенсус профессиональных богословов-факихов в данном месте и в данное время. Иначе говоря, договоренность между ними относительно интерпретации некоторых стихов Корана *для других необязательна*» (*Левин З.И.* Указ. соч. С. 77. Курсив мой. — *Ю.М.*).

¹⁴¹ *Сюкияйнен Л.Р.* Фикх. С. 188. Мариэтта Степанянц пишет, что создание мазхабов явилось следствием компромисса, сущность которого сводилась, в частности, к тому, что «рамки использования самостоятельного суждения были значительно сужены. *Раи* — личное мнение — было заменено иджтихадом, суждением менее произвольным <...>. Более того, “абсолютный иджтихад” (то есть свобода мнений по поводу текстов Писания. — *Ю.М.*) объявлялся закрытым, отправные положения веры и права не могли быть использованы как объекты самостоятельного суждения. Допускался *иджтихад фи-л-мазхаб*, то есть в рамках установленных той или иной правовой школой юридических принципов. Но, после того как он получал санкцию иджмы, возможность вынесения нового

суждения по данному вопросу в будущем исключалась. Мусульманам предписывалось следовать таклиду (*араб.*, букв.: «подражание, традиция». — *Ю.М.*), строго соблюдать решения, уже принятые в прошлом, главным образом в первые три-четыре столетия истории мусульманства. Закрытие «[врат] иджтихада» явилось религиозным обоснованием отвержения всего нового. Попытки изменить что-либо в мусульманском вероучении или практике исламского общества пресекались как недопустимая ересь» (*Степаняц М.Т.* Предисловие // Икбал М. Указ. соч. С. 21). Принцип кодификации правовых норм «на все времена», когда с принятием каждого нового положения поле вариативности в законотворчестве всё больше съеживалось, подобно шагреновой коже, обернулся для мусульман своего рода логической воронкой, на дно которой умму потащила «обрюзгшая», не способная реагировать на веяния времени юридическая система. Исламская правовая мысль стала «костенеть», обездвиживаемая в коконе догматизма. Отметим еще одно обстоятельство: «врата иджтихада» были закрыты в момент, когда правящие династии, заинтересованные в исключении каких-либо сомнений в исламской легитимности своих режимов, начали испытывать острейшие проблемы с поддержанием стабильности у себя в государствах и сочли за благо постараться ликвидировать всякую возможность дальнейшего передела политической карты исламского мира. «Это был период растущего разочарования в государстве и “официальном исламе”, — пишет Ефим Резван. — Восстания IX—X веков бросили вызов власти халифа: “Правда явилась миру, *махди* (*араб.* «ведомый верным путем»; провозвестник близкого конца света, последний преемник пророка Мухаммада, своего рода мессия. — *Ю.М.*) воскрес, власть Аббасидов, законоведов, чтецов Корана и проповедников подходила к концу...” Империя бурлила. В 930 году карматы увезли Черный камень Каабы [считая его одним из идолов], в 939 году началось “сокрытие” имама шиитов, проповеди исмаилитских да’и привлекали тысячи сторонников, исмаилитские экзегеты толковали скрытый смысл Корана, начинался расцвет новоперсидского литературного языка, на который переводился Коран. Наконец в 945 году Багдад был взят шиитами Буидами. Власть халифа резко ограничилась. <...> Ослабление государственности, внутренние и внешние смуты вызывали массовое чувство тревоги и общей неудовлетворенности. На площадях и рынках мусульманских городов с призывами к очищению и обновлению ислама выступали сотни и сотни проповедников, предлагавших разные пути к выходу из внутреннего кризиса, который переживал исламский мир» (*Резван Е.А.* Указ. соч. С. 179—180, 277).

Противников закрытия «врат иджтихада» и навязывания умме практики таклида всегда было предостаточно среди самых выдающихся богословов, это и Ибн Таймиййя, и Аш-Шаукани, и Джамаль ад-Дин ал-Афгани, и Сеййид Кутб, и мн. др. Они напоминали, что великие имамы, с именами которых связаны названия четырех сложившихся суннитских мазхабов, а также джафаритского, выражающего взгляды большинства

шнитов, были решительными противниками культивирования различий между школами, подчеркивали, что эти имамы отчаянно боролись с таклидом как среди своих последователей, так и в умме в целом. Один из современных исследователей фикха, Абу Амин Биаль Филлипс, сторонник постепенного перехода всех мусульман к единому мазхабу, как это было при Пророке, пишет: «<...> ни один из отдельно взятых мазхабов не может претендовать на то, чтобы представлять ислам или исламское право во всей целостности и полноте. <...> Фактически <...> единственным непогрешимым мазхабом, заслуживающим того, чтобы следовать ему безоговорочно, является мазхаб пророка Мухаммада. Только его собственное толкование шариата может считаться Божественно руководимым и указывать путь следования вплоть до самого последнего дня в этом мире. Все другие мазхабы — результат человеческих усилий и поэтому не застрахованы от человеческих ошибок. <...> слепое следование тому или иному мазхабу (таклид), помноженное на запрет иджтихада, воистину привело к широкомасштабному распространению фракционности среди широких масс и ко всеобщему спаду в поисках истины среди ученых. После этого четыре выживших мазхаба со своими различными и иногда противоречивыми правилами стали считаться непогрешимыми, а появление фальшивых хадисов стало хорошей подпиткой этим антиисламским тенденциям. Чтобы противостоять такому упадку, реформистские движения в разные времена призывали к объединению мазхабов, а в некоторых случаях и к отказу в праве на существование им всем. Первая позиция законна <...>, вторая — экстремистская, а возможно, и еретическая, ибо сбрасывает со счетов важность единой школы исламской правовой мысли — необходимого дополнения к Корану и Сунне, обеспечивающего лучшее понимание и оценку Божественных законов, установленных Аллахом» (Филлипс А.-А.-Б. Законы жизни мусульман: Эволюция фикха. М., 2002. С. 26, 27, 211–212). Напомнив аят «Так следуйте тому, что вам ниспослано от вашего Господа. И никакого, кроме Бога, не берите себе в покровители <...>» (7: 3), Ибн Хазм, авторитетный правовед, писал: «Достоверно известно, что существует единогласное мнение (иджма) всех без исключения сподвижников Пророка, их современников (табиин) и современников табиinov относительно того, что мусульманину запрещено придерживаться суждений только одного человека. Придерживающийся суждений только Абу Ханифы, либо Малика, либо Аш-Шафии, либо Ахмада <...> и не отказавшийся от определенного суждения того из них, за кем он следует, в пользу суждения другого ученого [если тот представляется более правым], должен знать, что он поступает вопреки единогласному мнению (иджме) всей без исключения исламской уммы и что он не найдет подтверждения этому ни среди сподвижников и их современников, ни среди иных людей, живших в три первых лучших века Ислама. Тем самым он не следует по пути верующих. <...> Все эти ученые запрещали неукоснительно следовать за ними. Кто же неукоснительно за ними следует, тот выступает против них самих»

(цит. по: *аль-Карадави Ю.* Современные фатвы. С. 131). Юсуф ал-Карадави высказывается категоричнее: «Следование определенному мазхабу и неукоснительное следование (таклид) его основателю во всех его решениях и суждениях не является ни обязанностью (фард), ни Сунной. <...> следовать во всем за тем, кто не является непогрешимым, — это очевидное заблуждение, поскольку тем самым каждый имам, основатель мазхаба, занимает среди своих последователей то место, которое занимает Пророк среди своей общины. <...> слепая приверженность [мазхабам] <...> является нововведением <...>» (Там же. С. 125–127). Мухаммад Икбал, как обычно, выразился очень хлестко по затронутому вопросу: «Закрывающие дверей иджтихада — чистый вымысел, выдвинутый отчасти благодаря кристаллизации юридической мысли в исламе, а частично — вследствие интеллектуальной лени, которая, особенно в периоды духовного упадка, превращает великих мыслителей в идолов. Если более поздние богословы поддержали данный вымысел, то современный ислам не связан их добровольной сдачей интеллектуальной независимости» (*Икбал М.* Указ. соч. С. 165).

В 1983 году к открытию «врат иджтихада» призвал даже король Саудовской Аравии Фахд (см.: *Жданов Н.В.* Указ. соч. С. 36).

Западные исламоведы также немало внимания уделяют проблемам иджтихада и таклида. Наиболее интересными представляются исследования Вэла Халлака (см.: *Hallaq W.* Was the Gate of Ijtihad Closed // *International Journal of Middle East Studies.* 1984. № 16. P. 3–41; *Ibid.* On the Origins of the Controversy about the Existence of Mujtahids and the Gate of Ijtihad // *Studia Islamica.* 1986. № 63. P. 129–141). Он пришел к выводу, что практика иджтихада никогда не прекращалась, но занималось ею небольшое число факихов преимущественно ханбалитского и шафитского мазхабов. Таклид же получил повсеместное распространение.

¹⁴² *Улемы* — собирательное название знатоков богословия, историко-религиозного предания и этико-правовых норм ислама, как теоретиков, так и практических деятелей, в области традиционных форм образования, судопроизводства на основе шариата и исполнения обрядов.

¹⁴³ *Икбал М.* Указ. соч. С. 145.

¹⁴⁴ *Джемаль Г.Дж.* Указ. соч. С. 50, 51, 217.

¹⁴⁵ *Михайлов И.А.* Фундаментализм религиозный // НФЭ. Т. IV. С. 281.

¹⁴⁶ *Капустин Б.Г.* Что такое консерватизм? // *Свободная мысль — XXI.* 2004. № 2. С. 44.

¹⁴⁷ *Степаняну М.Т.* Указ. соч. С. 23.

¹⁴⁸ См.: *Капустин Б.Г.* Что такое консерватизм? С. 45. Хафез Асад, президент Сирийской Арабской Республики, сказал в беседе с американским корреспондентом: «У нас нет проблемы исламского фундаментализма. У нас проблема с нефундаменталистами. Те, кто сообразует свою жизнь с исламскими принципами, в полной мере осознают, что такое терпимость, любовь и добродетель. Они отдают должное его (фундаментализма. — Ю.М.) гибкости и прогрессивной сущности. Исламские фун-

даменталисты никогда не были бременем для мусульманской страны» (цит. по: Христианство и ислам. М., 2006. С. 56).

¹⁴⁹ Задавшись вопросом «Каков же идеал политического устройства [исламских] реформаторов?», Залман Левин пишет: «Моделью совершенного общественного устройства они считают общину Пророка, которая сложилась в Медине после его переселения из Мекки в 622 году и *не знала социального и политического деспотизма*. В этом реформаторы не отличались от традиционалистов» (Левин З.И. Указ. соч. С. 82. Курсив мой. — Ю.М.). Показателен, например, следующий факт, приведенный Ахмадом Кефтаро, верховным муфтием Сирии: «В эпоху халифа Абу Бакра судьей Медины, тогда столицей халифата, был некий Умар ибн аль-Хаттаб. Он известен тем, что попросил халифа освободить его от этого поста, поскольку в течение целого предшествующего года в суд не было представлено ни одного дела. Зададимся вопросом: что это означает? Ответ может быть таков: если никто не обращался в суд, значит, существовало *образцовое общество, основанное на вере*» (Кефтаро А. Диалог между христианством и исламом: 900 лет вражды — предостаточно. Конец крестовым походам // Христианство и ислам. С. 67. Курсив мой. — Ю.М.).

У первых мусульман не было необходимости ломать голову над тем, каково оно, совершенное государство? Ведомые пророком Мухаммадом, вооружившись Кораном и Сунной, они строили не что иное, как идеальную социальную общность, ведь водил его Сам Бог. Именно в этом обстоятельстве, а не в деспотизме правителей или отсутствии свободы мысли коренится традиционно слабый интерес мусульман к вопросам политологии. Показательно их невнимание к «Политике» Аристотеля, хотя трудам этого древнегреческого философа ими уделялось неослабное внимание (см.: Игнатенко А.А. В поисках счастья. С. 11, 15). Исламских мыслителей не мог привлечь анализ политического строя и системы общественных отношений в языческом мире. И в то же время настаивать на полном отсутствии интереса к идеальному государству («Духовному Граду», «Справедливому Граду», «Добродетельному Граду» и т. д.) в исламской мысли у нас нет никаких оснований. Разумеется, он был. В этой связи в первоочередном порядке должны быть упомянуты труды ал-Фараби («Трактат о взглядах жителей Города благочестивых»), Ибн Сины (Авиценны) («О достижении счастья»), Абу ал-Хасана ал-Маварди («Принципы управления»), Ибн Баджжи («Прощальное послание»), Шихаб ад-Дина ас-Сухраварди («В западне Запада»), Ибн Халдуна («Введение»; другой вариант перевода названия: «Пролегомены»), Ибн Таймийи («Религиозное управление»), Ибн Туфайла («Повесть о Хайе, сыне Якзана») и Ибн Рушда (комментарий к «Государству» Платона). Подробнее см. книгу А.А. Игнатенко «В поисках счастья» (М., 1989).

¹⁵⁰ Понятие «стрела времени» было введено Артуром Стенли Эддингтоном, выдающимся английским физиком и астрономом первой половины XX века, с целью обозначить одно из следствий второго начала

термодинамики: возрастающая энтропия наделяет время выделенным направлением, или «стрелой»; необратимость хода времени — одно из фундаментальных оснований этого мира.

¹⁵¹ На наш взгляд, именно преодоление состояния неопределенности (например, социальной смуты) — выход из точки бифуркации — отлично описывается айатами, характеризующими процесс творчества (термин предложен Тауфиком Ибрагимом и Натальей Ефремовой), такими, в частности, как: «И когда повелит Он: “Будь!” — возникает (вариант: сбывается. — Ю.М.) это. Слово Его — истина» (6: 73); «А веление Наше [исполняется] сразу же — в мгновение ока» (54: 50).

Иммануэль Валлерстайн писал: «Вселенная развивается — живет своей жизнью — в ее упорядоченном беспорядке или беспорядочном порядке. Конечно, есть бесчисленное множество временно упорядоченных систем, самопроизвольно возникающих, скрепляющих воедино отдельные моменты, создающих иллюзорные связи. Но ничто не совершенно, ибо совершенный порядок — это то, что мы называем Богом, но Он, по определению, находится за пределами знакомого нам мира» (*Валлерстайн Им.* Указ. соч. С. 284).

Как известно, Бог управляет Творением, «пребывая на Троне (Престоле)». «Воистину, — говорится в Коране, — Господь ваш — Бог, сотворивший небеса и землю за шесть дней и утвердившийся потом на Троне, [чтобы] управлять делами» (10: 3); «Бог — Тот, Кто возвел небеса без видимых опор, затем утвердился на Троне и подчинил Себе Солнце и Луну, и пребывать им в движении до предназначенного срока» (13: 2); «Его Престол охватывает небеса и землю <...>» (2: 255).-

Итак, Трон — это система нерасчленимых межобъектных связей, имеющих законополагающий характер и обеспечивающих целостность (холизм) Творения. Акт «восшествия» («восседания», «водворения», «утверждения», «вознесения») Бога на Трон, выраженный в Коране языком антропных аналогий, подразумевает образование Всевышним Творения как целокупной реальности (которая не может быть сведена, как следует из общей теории систем, к простому, аддитивному набору входящих в нее, в эту реальность, объектов и в силу этого обладает особыми качествами, не присущими ни одному из них), «стянутой» воедино комплексом Божественных установлений (в том числе известными нам законами и константами физического мира) и получившей от Создателя энергетически неисчерпаемый постоянно управляемый Им импульс к развитию в соответствии с заданными Творцом «телеологическими уравнениями». См. также примеч. 57.

Данное объяснение призвано сделать более рельефным понимание того, что стоит за коранической характеристикой Бога как «властелина Трона» (21: 22), «держателя силы» (51: 58), обладателя «всей силы» (вариант: «всего могущества». — Ю.М.) (2: 165). Недаром в аяте 21: 22 утверждается: «Земля и небо стинули бы, если бы над ними были другие божества, кроме Бога».

Этот мир не обладает даже относительным онтологическим статусом, поскольку ежемоментно и непосредственно творим Всевышним, существуя лишь в силу Его прямого волеизъявления. Всё, что не есть Бог, обязано своим бытием Его судьбоносной воле. Блаженный Августин говорил: «Вселенная прейдет в мгновение ока, если только Господь отнимет Свою правящую Десницу». Рассуждая методом «от противного», Джон Полкинхорн заметил: «Одна из наибольших сложностей с определением Божественного Присутствия состоит в том, что ни одно существо никогда не испытывало Его отсутствия» (*Полкинхорн Дж.* Наука и богословие. С. 27). Мы даже представить себе не можем, что произошло бы, если бы один из физических законов прекратил действовать (изменил свой характер) или хоть в малой степени отклонилась от своего значения одна из физических констант. То есть, строго рассуждая, *Господь Всевластитель и Вседержитель — единственная онтологическая реальность.*

Бог — Владыка времени и пространства, а потому перечисленные в Священном Писании мусульман катаклизмы — предвестники Судного дня — не могут рассматриваться как физически неосуществимые, как простые фигуры речи, иносказания и аллегории. Имеются в виду такие айаты, как: «<...> свернем Мы небо, как сворачивают свитки с письменами» (21: 104), «<...> расколется месяц» (54: 1), «<...> разверзнется небо и станет вратами, придут горы в движение и превратятся в маревы» (78: 19–20).

В айате 11: 7 Всевышний уточняет, что, пока на протяжении шести дней Он был занят творением небес и земли {кстати, день у Бога длится «тысячу лет по вашему счету» (32: 5), «пятьдесят тысяч лет» (70: 4), что подчеркивает, в частности, мгновенность любого действия Господа и нелинейность хода физического времени, метафоричность самого понятия «день Бога» (дань антропной образности) — бесконечно большого временного интервала в сравнении с жизнью человека, бесконечно (исчезающе) малой по длительности}, «Его Трон покоился на воде». Получается, что к наступлению момента, с которым мы обычно связываем развертывание процесса Твародействия, уже существовала некая «вода». Очевидно, речь не может идти о привычном со школьной скамьи химическом соединении кислорода с водородом. По-видимому, «вода», на которой «покоился» (то есть не был активирован, находился в состоянии консервации) Трон, — это какая-то особая первичная нейтральная субстанция. Попробуем понять, хотя бы в первом приближении, ее физическую природу. Обратимся к наиболее популярной в современной космологии теории инфляционной («раздувающейся») вселенной. В рамках этой теории выдвинута гипотеза о существовании множества «вселенных» — «мини-вселенных», одной из которых является наша Метагалактика. Мини-вселенные возникают путем спонтанных флуктуаций физического (квантового) вакуума (см.: Вселенная, астрономия, философия. М., 1988; Астрономия и современная картина мира. М., 1996). В 2005 году было экспериментально установлено, что «материя, из которой состояла

вселенная в первые миллионные доли секунды своего существования, была [кварк-глюонной плазмой —] *идеальной жидкостью* [с чрезвычайно низкой вязкостью], а вовсе не газом, как до этого предполагали физики» (*Аствацатурян М.* Кварки ходят косяками // Поиск. 2006. № 17 (831). 29 апреля. С. 15. Курсив мой. — Ю.М.). Остается допустить, что именно первичный вакуум и упомянут в аяте 11: 7 как «вода». Здесь вновь использован близкий каждому человеку образ («[Айаты] эти — знамения Писания ясного. Воистину, Мы ниспослали его [в виде] Корана на арабском языке *в надежде, что вы поймете* [это Откровение]») (12: 1–2)). Акцентирование Всевышним внимания на «ясности» (16: 103) коранического (арабского) языка подчеркивает выбор не столько именно арабского языка (Откровение-то адресовано *всему многоязычному* человечеству), сколько его *понятность*, доступность разумению (см.: *Игнатенко А.А.* Зеркало ислама. М., 2004. С. 11).

Подчиненность Богу пространства обуславливает непротиворечивость одновременной вездесущности (вездеприсутствия) Всевышнего и Его запредельности существу — «Ничто не сравнится с Ним, всевсемлющий Он, всевидящий» (42: 11); «Ни один взор не постигает Его, а Он постигает всё сущее» (6: 103). Чтобы представить себе эту, на первый взгляд парадоксальную, ситуацию, воспользуемся аналогией из аналитической геометрии. Очевидно, что любое трехмерное пространство (объем) содержит сколь угодно много пространств двумерных (плоскостей). Чтобы из произвольной точки трехмерного пространства попасть в одну из точек выбранной в нем плоскости, вовсе не обязательно изначально находиться на этой плоскости. Аналогично по отношению к трехмерному пространству (а именно в таком мире человек живет) вполне может существовать пространство большей размерности, часть которого (охватывающую весь объем последнего за вычетом исходного трехмерного пространства) человек в силу своей природы никогда не сможет не только «посетить», но и вообразить — недаром сказано: «<...> они не способны объять Бога своим знанием» (20: 110). В абстрактной многомерной (с числом измерений больше трех) системе координат «разверзание (сворачивание) неба», например, формально вполне описываемо на уровне макромира с помощью современного физико-математического аппарата. Оперирование же фактором времени позволяет создавать такие коллизии в Творении, «расшифровать» которые в состоянии только его Архитектор.

«Я смотрю на картину, но мое воображение не может воссоздать внешность ее творца, — писал Альберт Эйнштейн. — Я смотрю на часы, но не могу представить себе, как выглядит создавший их часовой мастер. Человеческий разум не способен воспринять четыре измерения. Как же он может постичь Бога, для Которого тысяча лет и тысяча измерений предстают как одно?» (*Эйнштейн А.* О науке. С. 144).

Взглянув на пространство и время «другими глазами», мы теперь сможем найти рациональное объяснение следующим двум событиям.

В Коране рассказывается о царе Соломоне, пророке Бога, одаренном Им мудростью (см.: 21: 79; 27: 15) и необыкновенными способностями, и царице Савской, солнцепоклоннице (см.: 27: 24). Пригрозив ей изгнанием из ее собственной страны, если она покорной не явится к нему, Соломон велел слугам доставить к себе во дворец трон язычницы. Чтобы представить грандиозность сего мероприятия, примем во внимание, что «для культуры древнего Йемена (а именно там находились владения Билкис. — Ю.М.) <...> были характерны монументальные, походящие на здания каменные троны правителей» (*Пиотровский М.Б. Исторические предания Корана. С. 124*). Некто «обладавший знанием из Писания» вызвался «в мгновение ока» (букв.: «раньше, чем вернется к тебе твой взор») (27: 40) выполнить приказ царя. Когда, совершив неблизкий путь, ни о чем не подозревающая правительница явилась наконец к Соломону, ей показали ее престол, предварительно несколько изменив его. Обнаружив символ своей власти за тридевять земель от дома, царица испытала духовное потрясение (религиозный катарсис), разум ее «протрезвел», сердце «прозрело» и она приняла истинную веру.

Для нас в данном случае представляет интерес феномен мгновенной «телепортации» гигантского трона. Ибн Араби, например, объяснил ее «низведением его (трона. — Ю.М.) в небытие и возвращением ему, бытия» (цит. по: *Смирнов А.В. Великий шейх суфизма. М., 1993. С. 108*).

Мудрый Соломон сразу смекнул, что это чудо — «милость Господа» (27: 40), явленная ему, сыну царя-пророка Давида, для испытания. Всевышний наглядно продемонстрировал подвластность Себе пространства и времени.

Рассмотрим второе событие. Вспоминая свою первую встречу с Гавриилом, пророк Мухаммад рассказывал, что тот стоял в небесах, опершись ногами на горизонт, и, в какую бы сторону Мухаммад ни поворачивался, ангел оказывался прямо перед ним. Одно из наших объяснений этому следующее: вестник Божий, видимый Пророком силой духовного зрения, находился за пределами Творения, вне трехмерного пространства, а потому был *одновременно в любой точке* периметра земной сферы, оказывавшейся в центре поля зрения Мухаммада.

Понятно, что раз время и пространство, являющиеся атрибутами Творения, — во власти Бога, то Сам Он не может быть мыслим в системе этих физических и философских понятий (координат), и, следовательно, бесплодными представляются дискуссии вокруг наличествующих в Благой Вести мусульман «антропоморфных описаний» Всевышнего — Его Лица (см.: 2: 115, 272; и др.), Ока (см.: 11: 37; и др.), Длани (см.: 3: 26, 73; и др.) и т. д. и т. п. Как мы говорили выше, всё это сделано ради облегчения уловления человеком Божественного послыла Священного Писания.

В связи с последним тезисом имеет смысл обратиться к миру исламской образности.

В отличие от искусства христианского мира с присущим ему догматическим восприятием личности Иисуса Христа как боговоплощения и основанном на этом представлении о возможности приближения к Творцу путем воссоздания художественными средствами (силой духовного зрения иконописца или скульптора) облика земной Ипостаси Господа, в исламской культуре та же задача приближения к Богу могла решаться лишь полярно иным путем, исключаящую всякую возможность изобразительной конкретики из опасения обожествления рукотворного образа и тем самым впадения в грех образопоклонства (идолослужения), — передачей художественными средствами того, что принципиально неотобразимо — вселенной Божественной Трансценденции.

Новое понимание действительности вызвало к жизни потребность в новаторских приемах художественного самовыражения. Индивидуальность художника, его имя на фоне дела, к которому он был призван, должны были быть отодвинуты на второй план. На смену миру предметной (земной) конкретики, призванной пробудить у зрителя ассоциативные воспоминания о событиях, так или иначе связанных с реалиями его (или Иисуса Христа, или его апостолов и т. д.) земной жизни, пришел мир абстракции, обращенный прежде всего к разуму (сверхчувственному, трансрациональному восприятию) зрителя. Если в первом случае требовалась преимущественно обостренность (развитость, утонченность) эмоциональной сферы человека, то во втором — интеллектуальная изощренность и духовная зоркость. Напомним, что с физиологической точки зрения задействованным при этом оказывается соответственно правое либо левое полушарие нашего мозга. Если в первом случае мировоззренческая парадигма состояла в том, что Бог считался *выразимым* с помощью средств, доступных человеку, то во втором это принципиально отрицалось. Верующему была оставлена возможность бесконечного приближения к его Господину. Разгадывая головоломку абстрактной композиции и одновременно получая удовольствие от созерцания ее геометрического совершенства, зритель внимал проповеди художника о Всевышнем и Его Творении. Свет благодати Божьей озарял сокровенное в душе «слушателя», заполняя его сердце и рождая эффект радости духовного прозрения и душевного умиротворения. Человек отдавался этому состоянию и погружался в мир Божественной Запредельности.

Нескончаемость начатого когда-то Всевышним движения (одно из явлений Его Сущности этому миру), бесконечность, бездонность, неисчерпаемость всего, что связано с Творцом, — вот что должен был воспринять мусульманин просветленным духовным оком.

В какой бы области ни проявлял себя художественный гений, рожденный исламом, — каллиграфической вязи арабского письма, орнаменте, утвари, украшениях, ковроткачестве, архитектуре и убранстве мечетей и дворцов, — везде мы видим желание воспеть единобожие, передать ощущение бесподобной красоты горнего мира, восславить Бога и предаться Ему.

На примере высших достижений искусства орнамента видно, как художник, играя двумерными и псевдотрехмерными плоскостями, сцеплением многогранников и кружевом изломанных линий, стремится вызвать ощущение подвижности пространства рисунка. Рождая иллюзию трехмерности, оно становится то выпнутым, то вогнутым, но не сохраняется статично плоским. Картинка всё время «бежит», раздвигая границы реальности и увлекая за собой замороженного зрителя, превращая его в участника этого ирреального действия.

Умение мыслить абстракциями — одно из необходимых качеств для занятий научной деятельностью. И приобщение к подлинным шедеврам мусульманской художественной традиции — прекрасный способ развить в себе способность к анализу. Кстати, это одно из косвенных объяснений фундаментальных успехов науки в исламских государствах в период европейского средневекового застоя. Мусульмане спасли тогда науку для Европы (см.: *Икбал М.* Указ. соч. С. 128—129).

В завершение темы мусульманского искусства присовокупим сообщение Алексея Журавского о том, что «запрет на изображения был актуален в раннем исламе, когда необходимо было отучить недавних идолопоклонников связывать единого Бога с какими бы то ни было преходящими формами. В начале XX века Мухаммад Абдо издал фетву, разрешившую мусульманам заниматься изобразительным искусством и скульптурой, поскольку [на взгляд этого богослова.] опасность поклонения идолам миновала. Современный ислам перешагнул почти все запреты в этой области, кроме одного: изображения Пророка, его семьи и сподвижников» (*Журавский А.В.* Указ. соч. С. 69). Было бы некорректно, если бы мы не упомянули того обстоятельства, что некоторыми реформаторскими фетвами М. Абдо вызвал нескрываемое раздражение у своих консервативных коллег. Его обвиняли то в «крайнем модернизме», то просто в вероотступничестве (см.: *Филитс А.-А.-Б.* Указ. соч. С. 203).

В Коране говорится: «И ключи у Бога к сокровенному! О них ведает только Он. Знает Он и о том, что делается на суше и море. И не опадет без Его ведома ни единый лист. И нет ни зернышка во мраке под землей, ни чего-либо свежего или увядшего, о чем не было бы проречено в *Книге ясной*» (6: 59); «Не укроется от Него ничто, даже весом с пылинку, ни на небесах, ни на земле. И нет ничего меньше этого или больше, чего не было бы в *Писании ясном* <...>» (34: 3). В обоих случаях речь идет о так называемой Благохранимой Скрижали — небесном прототипе ниспосланных людям Откровений (в том числе Корана, см.: 85: 21—22), на котором записано всё, что было на земле и что произойдет в будущем, как в микро-, так и в макром мире, как в неживых, так и в живых (в том числе социальных) системах. Благохранимая Скрижаль — это трансцендентный Творению глобальный банк информации, в котором зафиксировано, в частности, всё случившееся в Творении и задано будущее Бытия. Кораном Скрижаль характеризуется как «книга, начертанная [тайными] знаками (вариант: цифрами. — *Ю.М.*) <...>» (83: 20), что

в век кибернетики о многом скажет даже школьнику. Наличие у Скрижали двух информационных каналов с соответственно входящим и исходящим потоками данных свидетельствует об их принципиальном несовпадении и, следовательно, о том, что будущее представлено в ней лишь в виде спектра потенциальных возможностей — бесконечного множества перспектив, суженного (прореженного) лишь в меру Божественного Провидения.

С точки зрения современной физики наиболее адекватной формой хранения и передачи информации является волновая голограмма. Голограммный метод универсален, поскольку с его помощью могут быть компактно описаны не только неорганические объекты, но и биологические системы. Теоретически обосновано и экспериментально доказано, что каждая биологическая клетка — одновременно источник и приемник корреляционной волновой голографической информации (см.: *Тертый Г.Г. и др.* Генетические структуры как источник и приемник голографической информации // Датчики и системы. 2000. № 2. С. 2—8; *Он же и др.* Трехмерная модель процессов эндогенного голографического управления развитием пространственной структуры биосистем // Там же. 2001. № 1. С. 3—8). Еще более поразительны последние успехи в разработке теории (точнее — семейства из пяти теорий) суперструн. Выяснилось, что в нее «заложен голографический принцип» (*Грин Б.* Элегантная Вселенная: Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. 3-е изд., испр. М., 2007. С. 262). В основе этой новейшей единой теории поля лежит представление об элементарной частице как о крошечной (примерно в 10^{20} раз меньшей атомного ядра) колеблющейся суперструне в форме петли, мода резонансных колебаний которой задает тип частицы. При этом струны всех элементарных частиц абсолютно идентичны. «То, что представлялось различными частицами, на самом деле является “нотами”, исполняемыми на фундаментальной струне» (Там же. С. 102). С позиций теории суперструн, Творение предстает неоглядным оркестром, дирижируемым запредельным ему Композитором-Зиждетелем. Ниспосылая «дирижерской палочкой» светонаполненные мироустроающие голограммы космической симфонии Бытия и законополагая ее на ноты-суперструны, Он животворит гармонию Своего вселенского Царства. Физиками выдвинуто предположение, что «все происходящие “внутри” вселенной события есть просто отражение данных и уравнений, определенных на далекой поверхности ее границы» (Там же. С. 262). Осталось сделать еще один шаг и признать это хранилище судьбоносной «партитуры» Скрижалю. Немаловажно и то, что в голограмме язык описания информации инвариантен языку, на котором «говорит» передатчик/приемник контента. То есть в «голограммной посылке» сохраняется лишь информация как таковая, вне ее связи с первичным, в частности вербальным, носителем. Получается, что обмен голографически упакованной информацией — это один из фундаментальных способов межобъектного взаимодей-

ствия, «диалога», в Творении, равно как и диалога с самим Творением. Почему бы не предположить, что Божественное Слово также имеет вид голограммы и лишь после попадания в голову (сердце) конкретного человека (пророка) облекается в удобную для реципиента лингвистическую оболочку? Тем паче в Коране сообщается, что «нет ни одного народа, к которому не приходил бы предостерегающий увещатель» (35: 24). Всевышний уточняет: «Посланниками Мы отправляли только тех [людей], кто говорил на языке своего народа, чтобы они [могли] разъяснить людям [смысл Писания]» (14: 4). Так, пророку Мухаммаду Господь низвел откровение: «Мы облегчили тебе [восприятие] Корана, [внушив] его [тебе] на твоём языке <...>» (19: 97). Показательно обетование ангелов Деве Марии: «Бог благовествует тебе о Слове Своем: имя ему — Помазанник Иисус <...>» (3: 45).

В свете сказанного весьма любопытно рассуждение западнохристианского теолога Джона Баукера:

«Вполне возможно с концептуальной точки зрения рассматривать Иисуса [Христа] как всецело информированного Богом человека, который находил Божественную информацию, кодированную в химических и электрических процессах мозга, для анализа каждой ситуации <...> для каждого утверждения, как словесного, так и невербального. <...> Каким бы ни был Бог Сам по Себе, реализация этого потенциального источника воздействия должна была служить связующим звеном с процессом и преемственностью жизни через процессы мозга, которые интерпретируются посредством кодов, доступных в тот или иной момент аккультурации. <...> Нет никакого другого пути быть человеком или даже просто быть живым, так как в ином случае сознание перестает действовать. <...> Это также справедливо по отношению к Иисусу *de humanitate*, как и к любому другому. Именно стабильность и последовательность информирования Богом всей жизненной конструкции Иисуса выводят его на совершенно другой уровень значимости.

На основании этого можно, не идя ни на какие уступки и компромиссы, говорить о нем как о *полностью человеческой фигуре* и в то же самое время говорить о совершенно реальном присутствии в нем Бога. Это так, поскольку природа (какой бы она ни была сама по себе) может быть опосредована через процессы жизнедеятельности, а если мы говорим о человеке, — также посредством мозговых процессов, при помощи которых каждый человек становится информированным субъектом. И в этом случае (вероятно, совершенно уникальном) он может стать *полностью информированным Богом субъектом*» (*Bowker J. The Religious Imagination and the Sense of God. Oxford, 1978. P. 187–188*).

Разделяя этот подход, Артур Пикок приходит к следующему утверждению: «<...> Иисуса Христа мы должны рассматривать не как уникальное событие наполнения личности отдельного человека Богом (Коего мы считаем полностью трансцендентным). Мы, скорее, должны воспринимать его (Иисуса. — Ю.М.) как ясное выражение потенциальной воз-

можности, внутренне присущей людям от природы (то есть в силу сотворенности Богом)» (*Ликок А. Указ. соч. С. 355*).

Если воспользоваться моделью расширяющейся вселенной, то ничто не мешает охарактеризовать креационный процесс как начавшийся в момент Большого взрыва и представляющий собой поэтапное овеществление в формирующемся Творении голограмм, ниспосылаемых из Благохранимой Скрижали и распространяемых сиянием Премудрости Божьей — «Бог — Свет небес и земли. Его Свет словно из ниши исходит, в которой — светильник, заключенный в хрустальный сосуд, подобный жемчужной звезде. Этот светильник возжигается от благодатного древа — оливы. Ни на востоке, ни на западе оно. И не успеет огонь коснуться масла, как оно изливает свет. И разливается над светом Свет! И к Свету Свету Господь ведет кого пожелает» (24: 35).

Это один из самых красивых и самых таинственных аятов Корана. Обращает на себя внимание метафора «светильника, заключенного в хрустальный сосуд». Очевидно, имеется в виду горный хрусталь — природный минерал, весьма редко встречающийся и трудно добываемый, да еще в виде большого однородного прозрачного монокристалла, необходимо для изготовления светильника. Необычайно твердый и одновременно очень хрупкий, этот материал требовал от камнереза, намеревавшегося сделать полый светильник с ограненными стенками (о характере типичного в таких случаях рисунка было сказано выше), исключительного мастерства. Такие сосуды всегда представляли огромную ценность. Прекрасно знали об этом и сподвижники Пророка, вглядывавшиеся «очами сердца» в изумительную кораническую картину, открывавшуюся Посланником Божиим. Кстати, самые ранние художественные изделия из горного хрусталя, дошедшие до нашего времени, датируются IX—X веками.

Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа, в котором хранятся подлинные шедевры такого искусства, написал: «Сосуды из горного хрусталя удивительно преломляют свет, становятся сами как бы его источником. При этом естественный свет приобретает какой-то потусторонний мистический блеск. Лампа из горного хрусталя кажется таинственным огоньком; жидкости в сосуде из него тоже представляются чем-то необыкновенным и мистическим. <...> крестоносцы <...> сочинили легенду о том, что Мухаммад похоронен в хрустальном гробу, который висит в воздухе. Эти европейские ощущения отражают их восторг перед произведениями мусульманских камнерезов <...>» (*Пиотровский М.Б. О мусульманском искусстве. СПб., 2001. С. 69—70*).

Мозаику небылиц о захоронении пророка Мухаммада дополняет рассказ Джерома Горсея, очевидца последних часов жизни Ивана Грозного. Войдя в сокровищницу, царь, мучимый страхом скорой смерти, завел с наследником и боярами разговор о магических свойствах драгоценных камней и металлов. Речь зашла о магните. «Вы все знаете, — сказал Грозный, — что в магните великая и тайная сила; без него нельзя

было бы плавать по морям, окружающим мир, и знать положенные пределы и круг земной. Стальной гроб Магомета, персидского пророка, дивно висит на воздухе посредством магнита в Дербенте в ропате» (*Гофсей Дж.* Записки о Московии XVI века... СПб., 1909. С. 56).

Выражение «и разливается над светом Свет» можно толковать не только как множественное отражение световых лучей от граней и тем самым многократное усиление яркости светильника, но и как простирание нетварного Света над светом, озаряющим душу человека благодаря «вдохновению» в нем от Духа Божья. (Симеон Новый Богослов, основатель христианского учения о небесном озарении души верующего, написал: «Бог Свет есть и сообщает о светлости Своей тем, с которыми соединяется, по мере очищения их. И тогда погасшая лампада души, т. е. омраченный ум, познает, что зажглась и засветилась, потому что объял ее Божественный огонь».) Нахождение «благодатного древа» «ни на востоке, ни на западе» говорит, возможно, о его запредельном этому миру пребывании. Такими же координатами мог бы быть отмечен и центр мира.

¹⁵² См.: *Флоровский Г.В.* Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 80–98; *Черткова Е.А.* Утопизм социальный // НФЭ. Т. IV. С. 151–152.

«Кто весь целиком ушел в работу для отдаленного будущего, — писал Семен Франк в середине 30-х годов минувшего столетия, — в благодетельствовании далеких, неведомых ему, чуждых людей, родины, человечества, грядущего поколения, равнодушен, невнимателен и небрежен в отношении окружающих его и считает свои конкретные обязанности к ним, нужду сегодняшнего дня чем-то несущественным и незначительным по сравнению с величием захватившего его дела, тот, несомненно, идолопоклонствует. Кто говорит о своей великой исторической миссии и о чаемом светлом будущем и не считает нужным согреть и осветить сегодняшний день, сделать его хоть немного более разумным и осмысленным для себя и своих близких, тот, если он не лицемерит, идолопоклонствует» (*Франк С.А.* Смысл жизни. С. 128).

¹⁵³ *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 181. Возможно, на фоне катастрофического спада рождаемости на Западе (по этой причине Патрик Бьюкенен предрек даже смерть Западу) ситуация в исламском мире и выглядит как некий «нездоровый импульс», на самом же деле налицо результат «деятельности» всё той же исламской ментальности, «вычистить» («выхолостить») которую от сакральности так мечтает неугомонный С. Хантингтон.

Коран призывает: «Не убивайте своих детей, страшась бедности и нищеты. Мы накормим и вас, и их» (6: 151). Николай Жданов приводит следующие обобщающие данные: «Мусульманские страны выступают против ограничения рождаемости. Население этих стран молодое (более 40% <...> не старше 15 лет). Как предполагается, общее количество населения (ориентировочно свыше 1 млрд) в мусульманских странах должно удвоиться через 20–25 лет. Здесь один из самых вы-

соких в мире показателей роста населения — 2,7–2,8% в год» (*Жданов Н.В.* Указ. соч. С. 275).

¹⁵⁴ *Хантингтон С.* Указ. соч. С. 331.

¹⁵⁵ См., напр.: *Кепель Ж.* Джихад: Экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 114.

¹⁵⁶ *Икбал М.* Указ. соч. С. 143. Ср.: «Не боюсь я Востока! — / Отвечал Казбек, — / Род людской там спит глубоко / Уж девятый век» (*Лермонтов М.Ю.* Спор // Собрание сочинений: В 4 т. М., 1969. Т. 1. С. 332). Известный современный французский философ (родом из Алжира) и признанный мусульманский историк Мохаммед Аркун говорит о десяти веках застоя (см.: *Аркун М.* Современный ислам перед лицом собственной традиции // Христианство, иудаизм и ислам. С. 108, 142). А вот как оценивал в свое время ситуацию Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк): «<...> в ходе истории моральные и общественные идеалы ислама постепенно были деисламизированы под воздействием факторов местного характера и доисламских предрассудков мусульманских народов. На сегодня эти идеалы являются не столько исламскими, сколько иранскими, турецкими или арабскими. Чистый лик таухида в той или иной мере получил отпечаток язычества, а универсальные идеалы ислама были утрачены в процессе его локализации» (цит. по: *Икбал М.* Указ. соч. С. 149). Прощитируем в пандан одну из показательных филиппик, принадлежащую имаму Хомейни: «Мы видим, что король Фахд каждый год расходует большую часть народного достояния на печатание Священного Корана и [вместе с тем —] финансирование пропаганды антикоранических идей; как он распространяет полное предрассудков учение ваххабитов, склоняет несведущие народы на сторону сверхдержав и использует ислам и Священный Коран для уничтожения того же ислама и Корана» (*Хомейни*, имам. Религиозное и политическое завещание. М., 1999. С. 10). Видя в правящей Саудовской Аравией династии своих идейных противников, вождь Иранской революции готов обвинить в самых чудовищных грехах главу влиятельнейшего исламского государства, носителя наследуемого титула Хранитель Двух Святынь — Каабы и Мечети Пророка, — тратящего огромные средства на их обслуживание (стоимость одной только ежегодно обновляемой кисвы, покрывала Каабы, составляет 20 млн саудовских риалов) и поддержание инфраструктуры мест хаджжа. Но из этого не следует делать скоропалительных выводов, будто руководители мусульманских государств заинтересованы в конфронтации. Например, Иран и ряд других стран выступают активными поборниками идеи сближения богословско-правовых школ, видя в этом одну из фундаментальных направляющих единения исламского мира.

¹⁵⁷ Поощряя мужскую силу, доблесть и честь, ислам не приемлет насилие, как физическое, так и духовное (см.: 2: 286; 18: 29); см.: *Ибрагим Т.* Еще раз о коранической толерантности: Смерть за уход от Ислама? // Минарет. 2005. № 4. С. 36–46.

¹⁵⁸ См.: Яшлавский А.В. Терроризм политический // НФЭ. Т. IV. С. 57.

¹⁵⁹ По-видимому, не стоит напоминать, что само понятие «фундаментализм» возникло в 1895 году в протестантизме и именно в США (см.: Филатов С.Б. Возвращение к основам: протестантский фундаментализм // Фундаментализм: Статьи. М., 2003. С. 107–126).

¹⁶⁰ Анализируя природу тоталитаризма, Ханна Арендт писала, что «тоталитарный террор», в отличие от «деспотического», «не просто отменяет основные права человека, но и разрушает самые условия свободы, вытравливает из людских сердец любовь к свободе. Новейшие формы террора используются не как средство уничтожения и запугивания противников, а как инструмент управления в принципе покорными массами» (Кара-Мурза А.А. Террор // НФЭ. Т. IV. С. 57).

«Грозная беда постигла современное человечество, — писал Иван Ильин, — оно расшатало духовные основы своего бытия, заглушило в себе главную религие-творящую силу духа — *сердечное созерцание* и растеряло свои святыни. Вследствие этого отмирает священная сердцевина его культуры: его жизнь становится бесцельна; его творчество утрачивает свои высшие цели; его благие цели становятся скудны и немощны; его влечения — низменны, необузданны и злобны. И чем дальше идет время, тем более люди становятся *слабыми в добре и сильными во зле*; и предел этого разложения еще не виден. <...>

Богопустынная душа бессильна перед напором сущего зла; она беспомощна в борьбе с диаволом, ибо диавол есть верный «идеолог» безблагодатности, безыдейности и бесстыдства» (Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Т. I. С. 46, 48).

¹⁶¹ *Мечеть ал-Акса* — мечеть в южной части благословенного Богом места, ал-Харам аш-Шариф, «заповедной территории» на холме Мориа в Иерусалиме. К ней (собственно, к тому храму, что стоял на ее месте) Пророк перенесся от стен Каабы во время своего знаменитого ночного путешествия на ал-Бураке, крылатом верховом животном. Рядом с ал-Аксой, в центре ал-Харам аш-Шариф, расположена мечеть Куббат ас-Сахра (*араб.* «Купол скаль»), построенная в VII веке над издревле почитавшейся скалой, где, как свидетельствует мусульманское предание, Авраам чуть было не принес в жертву одного из своих сыновей. С этого места Мухаммад вознесся с ангелом Гавриилом в горный мир, где свіделся со многими своими пророками-предшественниками, предстал перед Богом, учредившим тогда обязательное для каждого мусульманина ежедневное число молитв, заглянул в Ад и Рай.

¹⁶² Конвенция Организации Исламская конференция по борьбе с международным терроризмом. Часть I. Статья 2 // Жданов Н.В. Указ. соч. С. 469. Ирина Звягельская считает, что, хотя «религиозный фактор в палестинно-израильском противостоянии долгое время не играл существенной роли, <...> результаты войны 1967 года способствовали радикализации на религиозной платформе как части израильского общества, так и палестинского» (Звягельская И.Д. Святая земля в центре

борьбы: Значение религиозного фактора в палестино-израильском конфликте не следует недооценивать // НГ-религии. 2006. 21 июня. № 10 (182). С. 3).

¹⁶³ Волков А.В. Израиль: ортодоксальный иудаизм // Фундаментализм. С. 167, 182–183.

¹⁶⁴ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Сочинения в двух томах. М., 1993. Т. 1: Философия права. Нравственная философия. С. 437–438, 311, 342–343, 349–350, 438, 454.

История «палестинского вопроса» детально рассмотрена в изд.: Жданов Н.В. Указ. соч. С. 101–146 (гл. 2 «ОИК и Палестинская проблема»). Проанализировав такой социальный недуг, как терроризм, Николай Жданов делает несколько важных выводов: «Из всего вышесказанного абсолютно не следует, что терроризм как явление присущ исламской цивилизации в большей мере, чем христианской, иудейской или буддийской. В политической истории каждой из вышеназванных цивилизаций терроризм имел и имеет место. Вопрос в другом. В зоне распространения ислама терроризм принял устойчивый характер в связи с хронической нерешенностью проблем, его породивших. И если международное сообщество допускает применение двойных стандартов к разрешению проблем исламского мира, то и некоторые мусульманские страны действуют аналогичным образом: осуждая терроризм в официальных документах, продолжают поддерживать и воспроизводить инфраструктуры террористических организаций, пользующихся религиозной мотивацией в своей деятельности.

подавляющее большинство причин широкого распространения терроризма в зоне ислама связано с проблемами внешнего вторжения в среду исламской цивилизации. Великобритания инициировала принятие Декларации Артура Джеймса Бальфура в ноябре 1917 года, пообещав национальный очаг для евреев там, где жили и другие народы, втолкнув впоследствии арабов и евреев в замкнутый круг резни и погромов.

Великобритания так поделила территорию между Пакистаном и Индией, что эти две великие азиатские страны обречены в своих взаимоотношениях на постоянную военную напряженность, чередующуюся периодами некоторого ослабления угрозы военного конфликта между ядерными державами.

Несколько человек в советском руководстве в конце 1979 года, проигнорировав мнение гражданских специалистов и Генштаба СССР, решили военным путем проводить социальные преобразования в Афганистане, который к тому времени в ряде своих регионов не завершил еще феодальную стадию развития общества. <...>

Терроризм в зоне распространения ислама — явление устойчивое и не только в силу сохранения его (терроризма. — Ю.М.) причин, но и в силу того, что он был и остается инструментом борьбы спецслужб государств друг с другом. <...> в зоне распространения ислама идут вой-

ны между государствами в форме террора различных организаций с той и другой стороны. Тем временем международное сообщество принимает различные конвенции по борьбе с терроризмом, в которых участвуют те же, ведущие скрывают войну, государства. Но положение не безнадежно, его принципиальное улучшение связано с ликвидацией практики двойных стандартов в подходах к проблемам международной безопасности» (Там же. С. 243–244).

Этот тезис развивает Максим Кантор: «Двойная мораль в отношении соплеменников и чужих присуща всякой нации, но, как правило, двойную мораль не объявляют Промыслом Божиим. Если пораженные в правах (т. е. еврейский народ. — Ю.М.) ищут выход ценой унижения таких же, как и они, парий — то последствия будут разрушительными, прежде всего в моральном отношении. Невозможно использовать слово “холокост” как аргумент защиты, когда лишаешь жизни себе подобных: от неверного использования слово скоро утратит смысл» (Кантор М. Еврейский вопрос — двигатель истории: Кто и зачем поднимает новую волну антисемитизма // Московские Новости. 2006. № 29. 4–10 авг. С. 23). Анализируя «еврейский вопрос» в свете войны Израиля с Хезболлой, М. Кантор пишет: «Террористами сегодня принято считать исключительно арабов — евреи лишь отвечают на провокации. Это фальшивая посылка. С арабской стороны действовали воины джихада и Армия освобождения, а с еврейской — Иргун и Штерн, их методы ничем не отличались. Евреи проводили теракты с жестокостью, взрывали гостиницы “Семирамис” и “Кинг Давид”, устроили резню гражданского населения в Деир Ясине. В те годы израильская пропаганда отвечала на упреки так: “Женщины погибли потому, что многие боевики переоделись в одежду женщин, и у нас не было выбора — стреляли. — А другие боевики, — спрашивали в ответ, — они что, переоделись в одежду детей?” Арабы не отставали — зверства были с обеих сторон. Мудрено ждать от воюющих сторон соблюдения приличий — они унаследовали жестокость от мировой войны, продолжают ее дело. Многие лидеры Израиля начинали свою политическую карьеру с террора» (Там же).

¹⁶⁵ После Иранской революции 1979 года имам Хомейни, ее духовный лидер, следующими вдохновенными словами призвал своих соотечественников к великому джихаду:

«Доколе же вам спать в небрежении, пребывать во зле и тлении? Побойтесь Бога и последствий собственных дел, очнитесь от небрежения! Вы до сих пор не проснулись, не сделали и первого шага на пути, ведь первый шаг — проснуться. Да, вы спите!

Глаза ваши открыты, а сердца крепко спят. Не будь ваши сердца одурманены сном, не будь они черны и покрыты ржой греха, вы не смогли бы так спокойно и беззаботно творить зло делами и словами. Задумайся вы хоть немного о будущем, о жутких местах, кои им подготованы, о своей великой ответственности, вы бы посерьезнели.

У нас впереди другой мир. Вас ждет воскрешение, вы предстанете пред Богом! В отличие от других, у вас есть надежда! О, почему вы не остережетесь?» (*Khomeini R. Islam and Revolution. Berkeley, 1981. P. 354–355*).

«<...> в интервью корреспонденту Франс Пресс от 23 января 1981 года принц Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал определил джихад, к которому призывает Саудовская Аравия в связи с ближневосточным кризисом, не как призыв к священной войне, а как призыв “к борьбе, к борьбе с самим собой, чтобы лучше владеть собой, контролировать себя для блага, а не во имя зла... К сожалению, [– продолжил принц, –] на Западе есть непонимание смысла джихада. В основе этого непонимания лежат две причины. Запад узнал джихад в средние века во время крестовых походов, а крестовые походы для христиан – это священная война. Но джихад никогда не провозглашается с агрессивными намерениями. Даже в средние века речь шла не о завоеваниях, а лишь об освобождении Палестины, захваченной тогда христианами» (*Жданов Н.В. Указ. соч. С. 84*).

¹⁶⁶ Для полноты картины обратимся к представлению о Боге как о Свете (см.: 24: 35). Об озарении сердца верующего, высветивании прямого пути, превращении в очевидное того, что ранее казалось скрытым, мы уже говорили. Всё это территория духовного мира. Но не менее чудесно и во многом схоже ведет себя физический свет. Фундаментальным основанием специальной теории относительности является постулат о том, что ни одно сообщение не может пройти быстрее скорости света и что эта скорость одинакова для всех наблюдателей (независимо от их собственного темпа и направления движения). То есть скорость света – это некий предел (порог) реальности нашего мира, его граница, которую не перешагнуть. Свет не может ускориться, замедлиться или замереть на месте, он *всегда* движется, движется со скоростью света. А поелику на этой скорости ход времени останавливается, фотоны, кванты света, никогда не стареют. Свет вневременен! Окажись на «борту» фотона пассажир, и он *мгновенно* был бы доставлен в любое, *каль угодно далекое* место пространства. Поэтому для фотона оно оказывается сжатым в бесконечно малую точку (кстати, вспомним, что началом физическому миру послужил взрыв такой сингулярной точки и разворачивание из нее пространства и времени). В этом смысле фотон (свет) внепространствен. (А учитывая, что он не имеет массы (ничего не весит), напрашивается любопытная аналогия: фотон подобен мысли – лишь она способна мгновенно преодолевать любые расстояния, лишь силой своего воображения мы можем молниеносно перенестись на край вселенной и даже попытаться заглянуть в пределы занебесья.) Известно также, что в силу корпускулярно-волнового дуализма свет способен проникать буквально повсюду. И наконец, тот свет, который воспринимается человеческим глазом как монохромный белый и

обычно ассоциируется с солнечным, разложим в многоцветный спектр образующих его электромагнитных волн. Получается, что в физическом мире единый свет раскрывается в многообразии своих феноменов. Как видим, налицо и трансцендентность, и единство, и единственность, и вездесущность, и универсальность, и освещение (физическое и метафизическое) того, что скрыто в потемках. Без света не было бы жизни.

¹⁶⁷ *Ибрагим Т.* Вперед, к кораническому исламу. С. 64–65.

¹⁶⁸ *Икбал М.* Указ. соч. С. 158, 166, 169. Приведем на эту тему высказывание Мохаммада Аркуна: «Думать об исламской Традиции означает отбросить все официальные запреты вчерашнего и сегодняшнего дня, а также социальную цензуру [действующую ныне во многих мусульманских государствах], для которых (официальных богословских инстанций. — Ю.М.) представляется *невообразимым* возвращение к вопросам, ставившимся в начальную эпоху, но закрытым в связи с торжеством ортодоксии, основанной на классических текстах. <...> Если говорить без обиняков, то религиозная мысль ищет *независимых* мыслителей после того, как в течение веков она была монополией либо служителей-зилотов, либо полемистов, преследовавших иные цели» (*Аркун М.* Указ. соч. С. 123, 140).

¹⁶⁹ Залман Левин прямо пишет, что «арабский язык — язык Священного Писания — за столетия со времени ниспослания Корана человечеству сильно изменился, в особенности его семантика, и в арабских словах и их сочетаниях открылись новые смыслы. <...> Большинство богословов и богословствующей интеллигенции <...> считают, что иджтихаду подлежат только неясные по смыслу стихи Писания, а также тексты, относящиеся к проблемам, которые не имеют решения ни в Коране, ни в Предании. Но всё чаще звучит призыв к применению практики иджтихада не только к неясным, но и к ясным по смыслу стихам» (*Левин З.И.* Указ. соч. С. 71, 166). Можно не соглашаться с последним подходом, но и не следует игнорировать того обстоятельства, что уже при жизни Пророка и при его непосредственном участии начала складываться традиция толкования Корана. Причем разъяснения были востребованы как неграмотными сподвижниками Посланника Божьего, так и его вполне образованными современниками. Таким образом, с первых шагов исламского призыва проблема усвоения Корана стала связываться не столько с уровнем лингвистической подкованности адептов Последнего Откровения, сколько с непониманием его смысловых оттенков. Если бы преобладало первое, то сегодня любой верующий, овладевший в вузе классическим арабским языком, коим признан язык Корана, не испытывал бы потребности в сборниках комментариев к Священному Писанию мусульман — тафсирах. Абу аль Аля аль-Маудуди в своем толковании Корана заметил, что «в словах, которые произносил Мухаммад, громадную роль играли интонация, модуляция голоса, жесты, выраженные лица». Буквальная передача письменно-фиксированного текста та-

кого рода не может быть адекватной», — заключил Ефрим Резван (*Резван Е.А.* Указ. соч. С. 55).

¹⁷⁰ Когда у кого-то возникает желание «поставить на место» оппонента, рассуждающего об исламе, тому обычно напоминают требования, которым должен соответствовать ученый-богослов (муджтахид), чтобы получить право выносить решения в рамках абсолютного (полного) иджтихада. Перечислим их: владеть арабским языком во всех его грамматических и лексических тонкостях; помнить Коран наизусть, уметь его истолковывать грамматически и по смыслу, ориентироваться во всех обстоятельствах появления как целых сур, так и отдельных аятов; знать Сунну и комментарии к ней, причем до трех тысяч хадисов на память; знать обстоятельства сложения согласного мнения (иджма) и расхождения (ихтилаф) по главным вопросам фикха; владеть методикой интерпретации избираемых правовых материалов; ясно понимать задачу, которую ученый ставит перед собой; здраво оценивать полученные выводы; быть убежденным в вере и преданным ей (см.: *Боголюбов А.С.* ал-Иджтихад // *Ислам.* С. 91–92). Вряд ли кто-то усомнится, что сегодня в нашей стране нет такого эрудита (данное обстоятельство отнюдь не останавливает некоторых богословствующих прорицателей от надувания щек и вынесения вполне уничижительных оценок в адрес коллег). Мухаммад Икбал заметил: «<...> идея полного иджтихада оговорена условиями, реализовать которые одному человеку почти невозможно. Такое отношение кажется чрезвычайно странным в системе права, базирующейся в основном на фундаменте, представленном Кораном, олицетворяющим, по существу, динамичный взгляд на жизнь» (*Икбал М.* Указ. соч. С. 143. Курсив мой. — *Ю.М.*). А.-А.-Б. Филипс пришел к выводу, что желание отсеять дилетантов и амбиции отдельных правителей и богословов вылились в выдвижение таких требований к муджтахиду, которые бы позволили раз и навсегда «наглухо замуровать» ими (этими требованиями) «врата иджтихада», дабы впредь никому не повадно было им заниматься. «<...> заложенные <...> учеными условия были до того жесткими, что лишали права на иджтихад не только ученых — их современников (речь идет о середине XIII века, когда, по мнению Филипса, в исламе начался “застой и упадок”. — *Ю.М.*), но и многих из ученых предшествующих поколений, практиковавших иджтихад» (*Филипс А.-А.-Б.* Указ. соч. С. 196–197). Более того, ряд вопросов вызывает и знакомство с историей сложения Сунны. Ведь много сподвижников Пророка не дожили до тех дней, когда этой проблеме стали уделять серьезное внимание, а те мусульмане, что пережили Посланника Божьего, оказались рассеяны по большим территориям; хадисы, региональный состав которых во многом определялся личностью местного рассказчика, передавались из уст в уста и прирастали «местными подробностями»; и т. д. и т. п. Не ставя цели давать какую-либо оценку этой ситуации, заметим лишь, что такой, какой Сунна была на

самом деле, ее знал только сам пророк Мухаммад. Интересно, найдется ли сегодня на земном шаре хоть один человек, о котором можно было бы сказать, что он в полном объеме удовлетворяет всем перечисленным выше требованиям к муджтахиду?

¹⁷¹ «Призывай на путь Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор с ними наилучшим образом» (16: 125); «Если вступаете в спор с людьми Писания [– иудеями и христианами –], то [приводите им доводы] наилучшие. <...> Уверовали мы в ниспосланное нам и ниспосланное вам. Бог наш и ваш – Один и Тот же [Бог Единый] <...>» (29: 46); «Так наставляй же, ведь наставник ты, и ты не властелин над ними» (88: 21–22); «Нет принуждения в религии. Путь истинный уж отделен от ложного» (2: 256); «Воистину, каждой [общине] Мы установили [свой] закон и путь. Если бы Бог захотел, сделал бы вас единой [религиозной] общиной. Но [Он распорядился иначе], дабы испытать вас в дарованном вам. Так соревнуйтесь же меж собою в добрых деяниях. Вы к Богу возвратитесь, и Он поведаст вам [истину] о том, в чем было различие между вами» (5: 48); «Мы рассеяли их по земле общинами. Есть среди них и праведные и неправедные. Мы подвергли их испытанию и добром и злом, – быть может, они вернуться [на прямой путь]» (7: 168); «Воистину, Мы создали вас мужчинами и женщинами и сделали вас народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга <...>» (49: 13); «Не оскорбляйте тех [богов], к коим взывают люди, помимо Бога, а не то станут они (приверженцы этих богов. – Ю.М.) оскорблять Бога из вражды и по невежеству» (6: 108). В человеке, одержимом религиозной нетерпимостью, гневом, презрением, мстительностью, ненавистью, «духовное» явным образом придавлено «земным».

В предыдущем разделе книги мы уже говорили, насколько важна смысловая отточенность, нюансировка выражений при переводе Корана, тем паче в таких чреватых острыми социальными конфликтами аспектах, как взаимоотношения с иноверцами. Приведем еще один показательный пример. Отвечая на вопрос, может ли дружить мусульманин с немусульманином и как понимать положение Корана о том, что мусульманам не следует брать в друзья и покровители христиан, Шамиль Аляутдинов, имам-хатыб (проповедник) московской Мемориальной мечети на Поклонной горе, заметил, «что в Коране нет слов “не берите себе в друзья иудеев и христиан”, но сказано: “О верующие, не берите в *авлия*’ иудеев и христиан” (5: 51). Удивительно, но до сих пор нет ни одного смыслового перевода Корана на русский язык, в котором объяснялось бы значение слова *авлия*’. Ведь в Коране не написано *зумаля*’ (“товарищи”, “собратья”, “коллеги”), *асдика*’ (“друзья”), а используется именно *авлия*’, а это – максимально близкие люди, “душа в душу”. У мусульманских народов очень распространено выражение *валит-ла, авлияул-ла*, то есть приближенные, метафизически близкие к Богу люди. Точно такая же максимальная близость (душа в душу) подразумевает

ся и во взаимоотношениях людей. “Не берите в *авлия*”, то есть пусть не будут для вас такими друзьями, ради которых вы можете отказаться от самого дорогого — веры и многих своих убеждений, обычаев; или приобщиться к тому, что запретно для вас — употребление спиртного, нехалальных (не разрешенных или ритуально не очищенных. — Ю.М.) мясопродуктов и т. п.» (*Аляутдинов III*. Тафсир: Смыслы Священного Корана. М., 2006. С. 241–242).

Выше было приведено высказывание Владислава Иноземцева о том, что одним из камней преткновения на постиндустриальной стадии развития человеческой цивилизации станет формирование «единого результирующего вектора, задающего направление общественного прогресса». По-видимому, не нуждается в особых доказательствах утверждение, что в рамках социальной доктрины ислама эта проблема легко разрешима.

¹⁷² Россия, кстати, тоже ищет свой, третий, путь.

¹⁷³ «Военные акции — неадекватный ответ на вызовы времени» // Коммерсантъ. 2006. № 18. 2 февраля. С. 10.

¹⁷⁴ «За <...> [последние] 30 лет медресе, финансировавшиеся из Саудовской Аравии, напекли десятки тысяч полуобразованных, фанатичных мусульман, с большим подозрением смотрящих на современный мир и людей иного вероисповедания» (*Закария Ф.* Указ. соч. С. 154).

¹⁷⁵ Рассматривая проблему обновления ислама в нашей стране, муфтий Равиль Гайнутдин, председатель Совета муфтиев России, воспроизвел оценку, данную шейхом Ахмадом Таййибом, муфтием из Египта, положению дел в современном мусульманском мире: «<...> главным источником всех его социальных недугов и ключевой проблемой их (исламских стран. — Ю.М.) общей отсталости является *политический деспотизм*. — Далее Р. Гайнутдин поясняет: — [Шейх Ахмад Таййиб] рекомендует провести в мусульманских странах политические реформы и прежде всего развитие свободы и демократии. Именно эти два фактора должны стать преобладающими в мусульманском мире. В отдельных случаях лидеры мусульманских государств, не дожидаясь инициативы со стороны мусульманского духовенства, а то и *преодолевая его сопротивление*, при одновременной опоре на учение Корана и Сунны, пытаются реформировать важные стороны общественной жизни» (*Гайнутдин Р.*, муфтий. Ислам в современной России. М., 2004. С. 234. Курсив мой. — Ю.М.).

¹⁷⁶ Роберт Ланда написал: «Исследователи констатируют повсеместную неудачу национальных правительств стран ислама в попытках обеспечить “адекватный экономический рост”, руководствуясь опытом Запада. В результате, как считает Хашим Джавад, “многие мусульмане смотрят на ислам как на более справедливую экономическую систему”. По мере роста социальной напряженности в большинстве стран ислама, вследствие разочарования масс в проводимой светскими (как

правило, прозападными) властями политике, обычными становятся диктаторские методы управления, репрессии, цензура, попытки и нарушения гражданских прав, тайные убийства, похищения политических оппонентов. Это — ответ властей на разоблачение коррупции и разложение госаппарата, да и на любую критику, часто ведущуюся с позиций исламской морали» (*Ланда Р.Г.* Политический ислам: корни и эволюция // *Agabia Vitalis*. С. 218).

¹⁷⁷ Хантингтон С. Указ. соч. С. 512, 514.

¹⁷⁸ См.: Мусульмане против «безбожной» Европы?: Запад и Восток: в чужой монастырь со своим уставом // *НГ-религии*. 2006. № 3. 15 февраля. С. 4.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ «Аль-Бухари приводит наставление [четвертого халифа] Али: “Говорите людям понятное им; неужто вы хотите, чтобы Бога и Посланника Его опровергли?!” Муслим в предисловии к своему своду хадисов цитирует слова Ибн-Масуда: “Говорящий людям нечто сверх их понимания непременно вызовет у некоторых из них смятение”. <...> По мысли аль-Кинди [родоначальника направления в исламе, ориентированного на античные традиции философствования], истина — общечеловеческое достояние, и благоверный мусульманин должен быть открыт на философское достижение других культур: “Нам не следует стыдиться одобрения и обретения истины, откуда бы она ни исходила — пусть даже от далеких от нас [по времени] или отличных от нас [по вере] народов. Для искателя истины нет ничего лучше самой истины: истина не принижается и не умаляется из-за того, кто ее высказал и передал; и никого не унижит [приобретение] истины — наоборот, истина возвышает любого”» (*Ибрагим Т.К.* Между разумом и верой. С. 193, 200–201).

¹⁸² Воспроизведем несколько интересных высказываний на эту актуальную тему.

«Дух ислама настолько широк, — написал Макс Хортен, — что он практически безграничен. За исключением лишь атеистических идей, он ассимилировал все доступные идеи окружавших его народов и придал им (идеям) свою собственную специфическую направленность» (цит. по: *Икбал М.* Указ. соч. С. 155).

«Исламская цивилизация наследовала древнюю культуру Востока и Запада. Но она не была слепым подражанием и продолжением культурных традиций прошлого, а осуществляла синтез и совершенствование культуры. Расцвет исламской цивилизации, завершившийся монгольским нашествием, был временем созидания одной из мировых гуманистических культур. Эта могучая культура состояла из многих составляющих: греческой, иранской, еврейской, индийской, тюркской и даже китайской культур. В этом синтезе индийские и иранские компоненты в количественном отношении не уступают греческим и еврейским. Но

главная ценность заключается в специфически исламской структуре и исламском облике этой культуры, имеющем всемирное гуманистическое значение. <...> Бурный интерес к науке и культуре, проявленный мусульманами в период расцвета своей империи, и достигнутые ими успехи значительны и не менее впечатляющи, чем достижения греков в период расцвета эллинской культуры. <...> [мусульманская] культура по своей сути не была арабской или индийской, тюркской или иранской. <...> одновременно [она] представляла собой совокупность всех перечисленных культур. Заслуживает внимания и продолжительность [ее] жизни <...>, ибо даже период ее расцвета был более длительным, чем вся эпоха жизни древнегреческой цивилизации, а также более продолжительным, чем история нынешней так называемой американской культуры. <...> в свое время исламская культура была величайшей из человеческих культур» (*Зафринкуб А.-Х.* Указ. соч. С. 28, 31).

«Настроение общественности мусульманских стран позволяет предполагать, что XXI век в культурном отношении станет веком возрождения и освоения культурного наследия исламского мира, которое всё еще остается во многом сокровищем за семью замками» (*Левин З.И.* Указ. соч. С. 215).

Мохаммед Местери, директор Международного института исламской мысли, обратил внимание на то, что «в мусульманском этическом и религиозном наследии статус ислама как религии меньшинства никогда не рассматривался и даже не считался возможным», исламская цивилизация представляла собой культуру большинства, а теория меньшинств разрабатывалась лишь под углом интеграции иноверцев в исламскую социальную систему. Первая конституция мусульман — «Сахифа» — «не относилась к меньшинствам к социальным группам, а, наоборот, подтверждала их социальные права» (*Местери М.* [Выступление] // Материалы «круглого стола» на тему: «Европа — Россия — Мусульманский мир: стратегия развития и модели сотрудничества». 4 августа 2005 года. М., 2005. С. [30]).

Положение мусульманского сообщества на Западе, пишет М. Местери, ныне характеризующееся в терминах «коммунализм» и «геттоизация», должно быть изменено, поскольку «это настоящая преграда для исламской концепции шахады (шахада — *араб.*, букв.: “свидетельство”; первое и важнейшее положение исламского Символа Веры, выражаемое формулой “Нет бога, кроме Бога, и Мухаммад — Его Посланник”. — *Ю.М.*) в мультикультурном и поликонфессиональном пространстве» (Там же. С. [34]). Необходимо, призвал М. Местери, разработать новый фикх социальной адаптации ислама в такой среде в условиях неисламского правления (см.: Там же. С. [30]).

По мнению этого ученого, в основу фикха исламского меньшинства должна быть положена концепция интеграции в западное общество, но не наподобие традиционных меньшинств вроде афроамериканцев, ин-

дейцев, евреев, гомосексуалов и пр., а в качестве равноправных партнеров, в границах сложившегося конституционного поля, с сохранением культурной идентичности и возможностью донесения до граждан Послания ислама. «Ислам на Западе должен рассматриваться как меньшинство только с точки зрения численности мусульман в общей массе, и это ни в коей мере не должно сказываться на его универсальной роли» (Там же. С. [34]).

М. Местери выдвинул программный принцип исламской интеграции: «Демократическое большинство — влиятельное меньшинство» (Там же. С. [31]).

Поскольку для мусульман социальное единство на основе справедливости и равенства всех граждан — безусловная ценность, то, продолжил рассуждение М. Местери, интеграция должна предусматривать укрепление социума по всем этим направлениям. Всестороннее соблюдение прав меньшинств — один из таких механизмов. А поскольку некоторые известные меньшинства на Западе, контролирующие экономические ресурсы и информационное пространство, исподволь навязывают большинству свою точку зрения, отражающую их узкие интересы, мусульмане должны сосредоточиться не на противопоставлении себя большинству и не на противостоянии ему, а на отстаивании принципа уважения и равенства прав как меньшинств, так и большинства (см.: Там же. С. [32]). Только тогда, не имея численного превосходства, они обретут должную силу и достигнут необходимого уровня общественного влияния.

По мнению М. Местери, западный секуляризм вкупе с иудео-христианской традицией создает хорошие условия для интеграции мусульман в западное общество, поскольку при этом в полной мере может быть сохранена их культурная идентичность. И это принципиально важно, ведь исламское меньшинство не моноэтнично, а многонационально (оно ни в коей мере не может быть уподоблено, например, афроамериканцам или индейцам в США). Согласно нормам вероучения пророка Мухаммада, мусульмане разных народов должны дорожить в рамках ислама своими этническими корнями и традициями.

Любой развивающийся социум только выигрывает, если будет открыт культурному многообразию. Интересам мусульман отвечает нацеленность усилий общества «на продвижение и установление транскультурного и кросскультурного мира с мультикультурным источником вдохновения. Кросскультурное общество — это перманентная эволюция кросскультурной реальности <...>» (Там же. С. [33]).

«Вызов мусульманского меньшинства, — развивает свою концепцию М. Местери, — заключается в требовании признания его весомого культурного вклада в общемировое достояние, признания его (меньшинства. — Ю.М.) богатого духовного источника и его достижений в области науки, философии и искусства. Необходимо содействовать утвержде-

дению ислама как части многообразного [западного] социального пространства, чтобы общепринятый статус мусульман — маргиналов и эмигрантов — изменился на статус полноценных и полноправных граждан. Поэтому любые сравнения мусульманского меньшинства с любыми другими меньшинствами — этническими, сексуальными и прочими — должны быть отвергнуты. <...>

Процессы социальной адаптации всё еще сдерживаются пониманием уммы — священного универсального понятия коллективной идентичности в исламской мысли. “Групповая солидарность” была представлена как коллективная идентичность, заменяющая национальную принадлежность или гражданство, которые считались противоречащими религиозной общине, то есть умме. Это объясняет отсутствие у исламских мыслителей, как классиков, так и современных, интереса к теме социальной адаптации мусульман в немусульманской среде.

Мусульманской общине, проживающей на Западе, потребовалось немало времени, чтобы стать частью западного общества. Даже сегодня в исламской литературе наблюдается тенденция к запрещению социальной адаптации ислама в странах Запада. Умма как таковая рассматривается не только как религиозный пакт, но и как гражданский, связывающий всех мусульман во всем мире. Гражданское измерение уммы, подпитывающееся ностальгическими воспоминаниями о халифате, тормозит легитимацию исламом процессов социальной адаптации мусульман на Западе. Вместе с тем гражданского измерения уммы более не существует, равно как и не существует реального влияния мусульманских межгосударственных организаций на процессы, происходящие внутри исламского мира.

Вспоминая историю исходов мусульман в Абиссинию (Эфиопию) и Медину, инициированных самим Пророком, мы увидим, что переселившиеся (совершившие хиджру. — Ю.М.) мусульмане не имели эмигрантского статуса, а, напротив, пользовались статусом полноправных граждан. В христианской Абиссинии они составляли меньшинство, а в Медине смогли достичь компромисса с различными слоями общества, имевшими влияние на городскую власть, создав систему, эволюционировавшую к исламу.

В этой связи решение вопроса о статусе мусульманского меньшинства находится в зависимости от боязни нарушить “пакт уммы”. Современные исламские религиозные мыслители готовы смириться со специфическим статусом мусульман на Западе, нежели поддержать их социальную адаптацию. Таким образом, позиция ислама в современном обществе содержит в себе элементы конфликта, базирующиеся на неопределенности по отношению к вопросам идентичности и разнообразия. В этих обстоятельствах, — подытожил М. Местери, — традиционные подходы фикха меньшинства, основанные на историческом наследии и боязни нарушить религиозный пакт, не способны позитивно повлиять на

статус мусульманского меньшинства в многокультурном и поликонфессиональном обществе» (Гам же. С. [34–35]).

¹⁸³ См.: *Библер В.С.* Диалектика и диалогика // Архэ: Ежегодник культурологического семинара. М., 1998. Вып. 3. С. 14–15.

¹⁸⁴ В Древнюю Русь входило 22 разноязычных народа (см.: *Новосельцев А.П., Паушто В.Т., Черепнин Л.В. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 81). Характеризуя ее как плюральное общество, т. е. «общество с множественностью культур, социальных, политических и религиозных группировок, объединяемых господствующей общиной при помощи политических средств, включающих элементы принуждения», Марк Батунский пишет: «Прагматизм “строителей и укрепителей [древнерусской] империи” <...> заставлял в “нетрадиционных” терминах интерпретировать природу курса на “сохранение многообразия” нерусской сферы российской государственности. Перед нами — сохранение этнического (и конфессионального) плюрализма не как самоцель, а как стимулирование способности этой сферы к саморегуляции в измененных русско-православным субстратом условиях, чтобы эффективнее осуществлялись всевозможные взаимообмены “во имя общих интересов” этнических компонентов империи. Тем самым каждый из них смог бы не замыкать вопросы своей истории в наличной социальной прагматике — как бы ни была она важна, — а актуализировать одни потенциалы и, напротив, не объективизировать в своем эмпирическом бытии другие.

И еще один весьма примечательный момент.

Благодаря в общем-то неопределенной спецификации каждый из этнических коллективов мог стремиться к автономии и — по крайней мере, в идеале — даже к преобладающему положению (если и не формально, то фактически). В то же время автономия оказывалась лишь относительной, а преобладание — временным, поскольку ни один из этносов (само собой разумеется, что имеется в виду и его, этноса, конфессиональная принадлежность) не мог осуществлять управление всей государственной и общественной жизнью. Рано или поздно, но тенденция каждого этноса — в том числе и главенствующего, русского, — к тотальной автономии сталкивалась с противоположными требованиями к объединению с другими этническими образованиями. Идеальная норма сводилась поэтому к требованию взаимного “подлаживания” всех этносов, каждый из которых должен участвовать в определении того способа, которым остальные “вносят свою лепту в общее дело”. Заключаящему в себе неистощимое поле потенциалов, каждому этносу надлежит оставаться открытым для других: в каждом из них можно будет тогда распознавать отражение остальных; каждый одновременно будет и структурирующим и структурируемым. Сказанное — я хочу подчеркнуть это с особой силой — относилось и к мусульманским этносам.

<...> русская культура в качестве сложного и многофакторного механизма начала обнаруживать признаки самонастраивающейся системы

и способность регулировать и усложнять собственный строй, выделять из себя так называемые автомоделирующие тексты, моделировать собственную концептуальную память. <...> культурная гетерогенность повсеместно, в том числе и в Древней Руси, породила гетерогенный тип сознания» (*Батунский М.А.* Указ соч. Т. I. С. 195; Т. II. С. 33–34; Т. I. С. 72, 49).

И в этом отношении весьма символично и, по-видимому, нуждается в особом осмыслении исламское молитвословие, которым тверской купец Афанасий Никитин, отправившийся нестигаемым адептом православия в «Индостанскую землю», заканчивает свою знаменитую книгу: «Милостию Божией прошел я три моря. Остальное Бог знает, Бог, покровитель, ведает. Аминь! Именем Бога милостивого, милосердного. Бог велик. Боже благий, Господи благий. Иисус Дух Божий, мир тебе! Бог велик. Нет бога, кроме Бога. Господь Промыслитель. Хвала Богу, благодарение Богу всепобеждающему. Именем Бога милостивого, милосердного. Он — Бог, и нет, кроме Него, бога другого. Ведающий Он всё тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Нет никого, подобного Ему. Нет бога, кроме Бога. Он — Царь, Свет, Мир, Спаситель, отделяющий добро от зла, всемогущий, исцеляющий, превеликий, Творец, Зиждатель, Изобразитель. Он — разрешитель грехов, карающий, дарующий, разрешающий все затруднения, питающий, всеведущий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышащий, всевидящий, правый, справедливый, благий» (см. разные переводы с «тюркского волапока» Никитина: *Никитин Афанасий.* Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472 гг. М.; Л., 1948. С. 73–74; *Он же.* Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 58).

¹⁸⁵ Датский дипломат Юст Юль свидетельствовал: «Быстрота, с какою русские выучиваются и навькают всякому (делу), не поддается описанию. <...> (и вообще) все русские не отрекаются ни от одного из (тех) старых русских обычаев, которые могут служить им к возвышению, и в настоящее время только и делают, что изучают чужие (обычаи), пригодные для такого поддержания и умножения их достоинства и чести» (*Юль Юст.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900. С. 222, 144).

¹⁸⁶ Известна точка зрения, согласно которой «можно априори сказать, что широкая реформа в суннитском [преобладающем в России,] исламе сегодня неосуществима. Потому что в отсутствие общепризнанной высшей богословской инстанции итоги модернизации и поиска путей реформирования не могут быть закреплены в качестве общемусульманской нормы иначе как долговременной жизненной практикой, превращением инноваций в традицию» (*Левин З.И.* Указ. соч. С. 35).

Реформа и в самом деле может так никогда и не начаться, если уповать лишь на укоренение практики в традиции. В действительности же благотворные перемены могут стать делом вполне реальным, если всерьез озаботиться религиозным образованием верующих. Но если на

территории исламских стран сегодня немислимо появление учреждения, сосредоточенного на проблемах просвещения в русле исламской реформации, то почему бы не открыть его в России, тем паче что от этого выиграет весь мир (ведь предлагаем же мы обогащать уран у себя дома для иранской ядерной энергетики)? К тому же Россия рубежа XIX–XX веков уже была известна своими теоретиками обновления – джадидами (от *араб.* джадид, букв.: «новый») с их лидером тюрко-мусульманским просветителем и гуманистом Исмаилом Гаспринским (1851–1914; см.: *Исхаков С.М.* Гаспринский (Гаспралы), Исмаил-бей // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Прозорова. М., 2006. Т. I. С. 110–111; *Гайнутдин Р.*, муфтий. Указ. соч. М., 2004. С. 225–287 (гл. 5 «Как развивать религиозную мысль»), особенно: С. 264–282 (п. 4 «Чем может помочь джадидизм?»)). «Стремясь достойно представить тюрко-татар в многоцветной “палитре” Российского государства на пути к “сознательному общественному и государственному единению сторон”, он разработал программу, целью которой была борьба с отсталостью мусульманских масс Российской империи. Достижение цели предполагалось с помощью просвещения, что подразумевало, во-первых, реформу образования путем введения новых методов обучения, а также путем преподавания не только богословских, но и светских наук. Во-вторых, предусматривалось развитие мусульманской печати» (*Горшков Н., Червоная С.М.* Пантюркизм и панисламизм в российской истории и историографии // *Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червоная С.М.* Указ. соч. С. 83). Именно И. Гаспринского Марк Батунский считает «духовным отцом евразийства» (*Батунский М.А.* Указ. соч. Т. II. С. 324).

Чтобы составить хоть какое-то представление об образе мыслей этого незаурядного реформатора, выдвигавшегося, кстати, в 1910 году парижским журналом «*La Revue du Monde Musulman*» (*фр.* «Мусульманский мир») на соискание Нобелевской премии мира, приведем несколько его высказываний:

«<...> мне кажется, что в будущем, быть может недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы. <...>

Наблюдения и путешествия убедили меня, что ни один народ так гуманно и чистосердечно не относится к покоренному, вообще чужому племени, как наши старшие братья, русские. Русский человек и просто, и интеллигентного класса смотрит на всех, живущих с ним под одним законом, как на “своих”, не выказывая, не имея узкого племенного самолюбия. <...>

«<...> Служащий или образованный мусульманин, принятый в интеллигентном обществе, торговец в среде русского купечества, простой извозчик, официант в кругу простого люда – чувствуют себя одинаково хорошо и привольно, как сами русские, не тяготясь ни своим происхож-

дением, ни отношением русского общества, так что образованные мусульмане, имевшие случай знакомиться с разными европейскими обществами наиболее близко, искренне сходятся с русскими людьми. Это не более как следствие едва уловимого качества русского национального характера, качества, которое, я уверен, весьма важно для будущности русских и живущих с ними племен. <...>

Сеять недоверие и вражду к России среди мусульман, выставлять ее истребителем и беспощадным врагом ислама и западной культуры — прямой расчет европейцев. Они ловко и систематически эксплуатируют <...> недоразумения в отношении между мусульманами и русскими. Недоразумение это роковое и чрезвычайно выгодное для Европы. Грабить экономически весь Восток, держась на дружеской ноге, и ослаблять Россию периодическими войнами с мусульманами, снаряженными и вооруженными западными друзьями, — вот политика, от которой Запад во всяком случае ничего не теряет, ибо даже освобождаемые Россией мелкие народности, родственные ей, за исключением славной Черногории, тянут свои ручки к Западу, пока не нужна помощь мощной братской России. Это замечание мое, правда, не относится к простому народу, к массе, но ведь она, эта масса, никогда не играет руководящей роли.

Мусульмане, получающие образование на Западе или слушающие лекции профессоров, приглашенных отсюда, или изучающие науки по переводам книг и газет того же Запада, конечно, имеют крайне смутное и неправильное представление о России и о русском народе. <...> К сожалению, и у нас в России изучение и знакомство с Востоком тоже не достигло должного развития. <...> Следовало бы, чтобы русские и мусульмане лучше и непосредственно изучали друг друга без предвзятых или заказных предубеждений. Тогда они увидели бы, что, кроме верования, всё остальное сблизает и скрепляет их. <...> Для мусульманских народов русская культура более близка, чем западная. Мусульманин и русский могут еще вместе или рядом пахать, разить, растить скот, промышлять и торговать: их умение не слишком разнится, но рядом с европейцем мусульманин должен обнищать и стать батраком, как оно и есть. <...> Культурная, так сказать, стихийная близость народов Востока с русским народом видна из того, что нигде сын Востока так легко не обживется, как в России. Ни в Марселе, ни в Париже вы не найдете арабской колонии (из Алжира), в Лондоне не существует индийского квартала, в Гааге не отыщете ни одного ачинца или малайца-мусульманина, тогда как в Москве и Петербурге проживают тысячи мусульман, имея свои улицы, мечети и пр. <...> Что же влечет их в Россию и к России, как не *стихийное родство?*» (труды И. Гаспринского «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина» (1881) и «Русско-восточное соглашение: Мысли, заметки и пожелания Исмаила Гаспринского» (1896) цит. по изд.: *Ермаков И.А.* Ислам в культуре России в очерках и образах. М., 2001. С. 314, 315, 318, 319. Курсив мой. — Ю.М.).

Высказываниям И. Гаспринского созвучны мысли нынешнего митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира: «Мусульманство, мнимой агрессивностью которого запутывают общество некоторые журналисты, на деле может стать одной из главных державных скреп Российского государства. Знаменитый проповедник Христов архиепископ Димитрий (Абашидзе), впоследствии схиархиепископ Антоний, в свое время возглавлявший Туркестанскую епархию, свидетельствовал: “Мусульмане всегда были верными подданными Росийской державы”. Многими веками раньше, во времена Святой Руси, прозвучали как завет потомкам слова святого благоверного князя Александра Невского: “Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке”» (*Владимир, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский. Указ. соч. С. 28*).

Любопытно, что в древнерусской традиции понятие запада как стороны света имело совершенно определенную характеристику — на западе находился ад. С западом связывалось представление о заходящем солнце, несчастье, горе, смерти. К востоку наши предки обращались при молитве; обращенными на восток строились храмы; лицом к востоку клали покойников и даже ульи старались ориентировать в этом же направлении. На востоке жили «потомки Сима» — сирийцы — имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеянием и прелюбодеянием, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло» (Повесть временных лет // Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 33. (Памятники литературы Древней Руси. [Вып. 1])).

В апокрифе XII века архангел Михаил спрашивает мать Иисуса Христа: «Куды хоцещи, благодатная, да изыдеши на востокъ или на западь, или в рай, на десно (направо. — Ю.М.), или на лево, идѣже суть великия муки?» (Хождение Богородицы по мукам // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. М., 1980. [Вып. 2]: XII век. С. 175, 177. Далее — ПЛДР).

¹⁸⁷ Под реформацией мы понимаем не какие-то манипуляции с основаниями верования, а как раз возврат к их живительным истокам, напоение из которых позволило когда-то Аравии стать флагманом человеческой цивилизации.

¹⁸⁸ Как известно, именно по распоряжению Петра Великого был сделан первый полный перевод Корана на русский язык (с французского перевода Андре дю Рие, 1647 г.) — «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий» (СПб., 1716). Петр же поручил своему соратнику, молдавскому господарю князю Дмитрию Кантемиру составить подробное изложение содержания Корана и жизнеописание Мухаммада. В 1722 году была организована первая в России типография с наборным арабским шрифтом. На издание Корана и строительство мечетей для кочевников выделялись государственные средства при Екатерине Великой. При ней были открыты народные училища с преподаванием татарского, персидского

и арабского языков. Позднее в ряде университетов были введены востоковедческие дисциплины.

Василий Бартольд писал: «Каково бы ни было значение для России военных предприятий Петра, еще важнее были его меры для насаждения знания как единственного верного средства поднять уровень государственного могущества. В этом отношении ему были *одинаково близки Запад и Восток*. <...> в один и тот же день, 16 апреля 1702 года, были подписаны манифест о вызове иностранцев, положивший начало насаждению в России европейской науки, и первый правительственный указ об обучении русских людей в столице восточному языку. В своих отношениях к европейской культуре Петр, как известно, старался не только использовать чужое знание, но и удовлетворить свою собственную любознательность. *То же самое мы видим в его отношениях к Востоку*» (Бартольд В.В. К вопросу о происхождении Дербенд-наме // Бартольд В.В. Сочинения: [В 9 т.] М., 1973. Т. VIII. С. 469. Курсив мой. — Ю.М.). Со времен Екатерины II царское правительство стало склоняться к мысли, что «поддерживать ислам (по-видимому, имеется в виду толерантное отношение к нему. — Ю.М.) может быть выгоднее, чем распространять среди исповедующих его народов православие» (Жмикович Л. Ислам в царской России. М., 1936. С. 19).

¹⁸⁹ *Поликарпов В.С.* Если бы... Ростов н/Д., 1995. С. 315–316. Изложение цит. по: *Модестов С.А.* Геополитика ислама. М., 2003. С. 146–147.

Александр Куприн, прекрасный русский писатель, вложил в уста одного из своих героев, полковника Тулубеева, следующую фразу: «Эх, дал маху великий князь Владимир Красное Солнышко, когда из всех религий не остановился на магометанской! Сделай он так — и мы бы теперь...» (Куприн А.И. Последние рыцари // Куприн А.И. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1973. Т. 8. С. 536).

Владимир Соловьев, выдающийся русский философ, следующим образом объяснил мотивацию непринятия князем Владимиром ислама: «В дни своей языческой юности Владимир вел жизнь в высшей степени порочную и преступную. Честолюбивый и жестокий, он напал на своего старшего брата Ярополка, велел убить его и захватить его владения. Получив отказ от княжны, к которой он сватался, он силой взял ее себе в жены, избив предварительно всех ее родственников. При этом, говорит летописец, он был ненасытен в разврате. Ревностный идолопоклонник, он приносил человеческие жертвы туземным богам. Когда он усомнился в силе идолов, он задумал перейти в магометанство, соблазненный главным образом раем Магомета с его *гуриями*; но он переменял свое мнение, узнав, что Коран запрещает крепкие напитки. “Руси есть веселие пить, — сказал он, — не можем без того быть”» (Соловьев В.С. Владимир Святой и христианское государство // Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. 2. С. 252–253; см.: Повесть временных лет. С. 99–101). Показательно, что статью о Владимире философ опублико-

вал только на французском языке в Париже и не решился включить ни в одно из своих двух прижизненных собраний сочинений.

¹⁹⁰ С 1900 по 2000 год число исповедующих ислам в Европе и СНГ выросло в 4 раза (с 216 млн чел. до 1180 млн чел.), в США и Канаде — в 400 раз (с 0,01 млн чел. до 4,35 млн чел.), доля мусульман среди землян возросла с 13% до 19,5% (см.: *Жданов Н.В.* Указ. соч. С. 448, 7) и к 2050 году составит 27,8% (см.: www.unfpa.org).

¹⁹¹ В последнее время тема «разумности», «осмысленности», «обоснованности», «рациональности» (часто с оттенком сомнения) тех или иных социальных установок ислама стала доминирующей во многих дискуссиях. При этом, как правило, полемика ведется вне связи с ответом на самый главный, но неизменно опускаемый вопрос: Коран есть Богооткровенное Послание, «глаголом жгущее сердца людей», «неупиваемая чаша» Премудрости Божьей или это плод духовных исканий недюжинного ума, искусная компиляция распространенных в доисламской Аравии иудейских и христианских преданий и соответствующих им сектантских воззрений, часто замешанных на местной языческой традиции и противоречащих друг другу? Мухаммад (Аравийский) — это Избранник Бога, Его Пророк и Посланник или это появившийся на свет в нужное время и в нужном месте благодаря удачному стечению обстоятельств выдающийся государственный муж с исключительной харизмой и блестящей интуицией, самопровозгласивший себя последним пророком Аллаха и предложивший эклектичное религиозное учение, основоположник арабской литературной традиции, подверженный приступам эпилепсии, стимулировавшим вспышки его творческой активности, вылившиеся в конечном счете в авторство одного, но безусловно гениального сборника с проповедями единобожия, а также множества устных историй и притч назидательного характера (Михаил Пиотровский пишет, например, о «не осознававшем свое творчество художественном гении Мухаммада» (*Пиотровский М.Б.* Исторические предания Корана. С. 125); Василий Бартольд считал, что Мухаммад «стал пророком <...> благодаря своему губокому религиозному вдохновлению» (*Бартольд В.В.* К вопросу о призвании Мухаммеда // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1966. Т. VI. С. 616); Сергей Аверинцев говорил об образах, которые «улавливались сыном эпохи прямо из воздуха эпохи, насыщенной ими» (*Аверинцев С.С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата // *Многоценная жемчужина.* М., 1994. С. 51)).

Сегодня уже никого не удивит тем, что среди сторонников второй, естественноисторической, точки зрения много тех, кто в оценках отдельных аспектов светской жизни солидаризируется с мусульманами, руководствуясь обывательским принципом житейской практичности, «плотского мудрования», — позаимствовать у них всё полезное на данный момент и отбросить (проигнорировать) ненужное и вредное (сверное и т. п.). При отнесении чего-либо к «полезному/вредному» реша-

ющее значение играют обычно чисто субъективные, а порой и вкусовые соображения и пристрастия, то есть сугубо «земное».

Немалая часть этих людей уверенно отмечает наличие у себя чувства религиозности. Свою обожженность они неизменно связывают с безусловным признанием божественности происхождения книг Библии (для кого-то исключительно значимым представляется Тора (Пятикнижие Моисеево), а для кого-то — Евангелие). Безусловность указанного признания оценивается ими как вполне естественная, само собой разумеющаяся данность. А вот Корану они твердо отказывают в нерукотворности, заявляя, что изменят свое мнение лишь при демонстрации неопровержимых тому доказательств (буквально как в свое время язычники требовали от Мухаммада явить им чудо, например лестницу, ведущую на небо. — См.: б: 35). Правда, попыток отыскания таковых эти Фомы Неверующие, «зрячие, но не видящие», даже не предпринимают, будучи неколебимо убеждены в их тщетности. А потому и читать Священное Писание мусульман, по их мнению, вовсе не обязательно (а ведь только в самой Благой Вести ислама и содержатся аргументы в пользу неземной природы Корана). Налицо красноречивое сочетание слепого доверия к одному тексту со слепым же отрицанием другого.

«Категории человеческого рассудка становятся мерой религиозного созерцания, — отмечал Иван Ильин, характеризую умышленное состояние современной ему Европы. — Рассудок, это орудие земной нужды, вносит во все содержания жизни необходимое *упрощение* и условное *отвлечение*, предпочитает плоскую ясность всякой глубине и сложности, механически «стилизует» органическую тайну жизни. И вот прислужник пошлой пользы и обидной простоты — оказывается стражем и цензором Божественного Откровения... То, что ему кажется непонятным, — отбрасывается; необъяснимое его категориями — заподозривается или объявляется просто невозможным; неукладывающееся в его скудное и близорукое «миро-воззрение», вернее — «миро-упрощение» или «миро-искажение», — исключается из религиозного обстояния вообще. Но так как это упрощающее и искажающее миротолкование само далеко еще не закончено, — напротив, оно эволюционирует и развивается, — то оказывается, что *ум каждой эпохи судит о Боге согласно своей глупости и что эта быстро отживающая человеческая глупость провозглашается мерою божественных вещей.*

<...> Священное меряется несвященным; глубокое — мелкими и плоскими критериями; живое и таинственное воспринимается как отвлеченное и мертвое. Вследствие этого религия начинает как бы разлагаться и отмирать перед судом такого «интеллекта».

Человек *прав*, когда требует от себя при подходе к религиозному опыту *разумного трезвения*, но он *не прав*, если подменяет разумное трезвение *рассудочной трезвостью* или *трезвой слепотой* (Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Т. I. С. 101, 103).

Опонируя иноверцам и язычникам, Мухаммад обращался к мусульманскому Откровению и цитировал, в частности, такое место: «Не измышлен Коран этот, а ниспослан Всевышним как подтверждение [дарованного] до него и в разъяснение Писания, — в коем нет сомнения, — [ниспосланного] Господом миров. Или же станут утверждать многобожники: “Мухаммад выдумал Коран”. Отвечай ты: “Ежели и впрямь вы [так считаете], тогда сочините хотя бы одну суру, подобную Корану, [для чего] призовите [на помощь], кого сможете, кроме Бога”» (10: 37–38).

Тем, кто и сегодня не прочь порассуждать в позитивном ключе об авторстве Пророка ислама, хочется в который раз предложить или придумать самим нечто вроде Корана или назвать какой-то уже существующий и равный ему (во всех отношениях) текст (Библия — не в счет). Ведь за почти полторы тысячи лет с момента обретения человечеством этой Книги такого рода попытки сочинительства делались не раз. Наиболее многошумная из последних — «Рухнама» («Духовность») нынешнего президента Туркменистана Сапармурата Ниязова*, в недавнем прошлом первого секретаря Центрального комитета коммунистической партии Туркменистана, обратившегося к Всевышнему с просьбой, «чтобы человек, который прочитает эту книгу трижды — у себя дома, вслух, час на закате и час на рассвете, попал в рай». Будучи убежден, что после Корана «Рухнама» — это главный источник заветов для туркменского народа, что это «философская система не только познания, но и построения мира», что шгудирование ее позволит «стать умным, понять природу и законы, человеческие ценности», Отец всех туркмен недавно радостно возвестил миллионам своих «детей» по всему подлунному миру, что читатели «Рухнамь» гарантированно попадут «прямоком в рай» (см.: Коммерсантъ. 2006. № 49. 22 марта. С. 9). По-видимому, у Туркменбаши, заложившего для себя рай «здесь и сейчас», своя рука в Небесной канцелярии. Интересно, насколько часто он туда навещивается? Не ровен час, и окажется, что он уже давненько небожительствует, с удобством обустроившись в лучшем из миров — Обители блаженных с райскими кущами и елисейскими полями, и всюю консультирует Создателя, завороженого нетленной «Рухнамой».

Но вернемся к теме неподражаемости Корана. Ведь ничего подобного ему мы назвать и в самом деле не можем. И удивляться тут нечему. Пока еще никому из сторонников сочиненности Мухаммадом этой Книги не удавалось выйти за пределы стереотипной демагогии на сей счет. А может быть, Коран — это все-таки последнее в истории прямое Обращение к нам нашего Творца и Владыки? Не пора ли, дорогой читатель, поразмышлять на эту тему? Бог в помощь!

* Он был еще жив, когда писался этот текст.

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ИСЛАМСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Я служу главным редактором в научно-издательском центре «Ладомир». Ему идет уже 16-й год. В основном мы выпускаем научную литературу под грифом Российской академии наук. В нашей стране это своего рода знак высокого качества и свидетельство авторитетности. Одним из основных направлений деятельности «Ладомира» является подготовка и публикация книг по исламу. Так, в 2002 году наше издание научно-комментированного перевода Корана, осуществленного Магомед-Нури Османовым под научной редакцией Виктора Ушакова, получило Государственную премию РФ в области науки и техники.

Но говорить я буду не об успехах, а о тех проблемах, с которыми сегодня сталкивается исламское книгоиздание.

При советской власти в нашей стране сложилась одна из лучших в мире переводческих школ. Требование отличного знания языка оригинала и культурно-исторических реалий подкреплялось не просто безусловной необходимостью владения русским нормативным языком, но и умением передать оттенки авторской речи, не просто способностью донести до читателя мысль автора, но и способностью воссоздать атмосферу оригинала, настроения, в которое автор стремился погрузить читателя. От переводчика ожидался примерно такой русский текст, какой написал бы сам автор, будь для него родным великий язык Пушкина и Толстого.

Понятно, что в придачу к названным требованиям переводчик должен быть хорошо подкован в общекультурном плане. Когда же речь заходит о богословских трудах, ему

Сам Бог велел прекрасно ориентироваться в тонкостях религиозных учений и владеть (причем активно) выпшедшей сегодня из писательского обихода религиозной лексикой.

Исламская цивилизация создала одну из величайших культур, одарив всех нас бессмертными творениями человеческого духа, в том числе гениальными письменными памятниками. И вполне объяснимо желание донести эти шедевры до русскоязычного читателя. Ведь чем больше россиян испытает чувство восхищения сочинениями мудрецов мусульманского Востока, как ныне живущих, так и далекого прошлого, тем больше друзей обретет мир ислама в нашей стране, тем очевиднее станет духовное родство наших народов, спаянных тысячелетней историей.

А потому столь важно, кому именно будет доверена миссия открытия русским Божественного здания ислама. Иначе в случае неудачи, а неудачей следует признать всё, не отвечающее заявленным выше критериям, эффект от непрофессиональных публикаций может оказаться обратным ожидаемому.

Что же мы имеем на сегодняшний день в части исламского книгоиздания? Как это ни горько признать, за крайне редкими исключениями, массовый непрофессионализм и отсутствие культуры стороннего рецензирования как действенного инструмента контроля качества выполненной работы. Дело дошло до того, что переводами с арабского и персидского стали заниматься лица, не умеющие порой грамотно написать простое русское предложение. Я имею в виду не орфографию с пунктуацией, за которой обязаны, помимо автора перевода, следить редактор и корректор. В первую очередь речь идет о навыках правильного построения фразы и связного изложения текста. Между прочим, этому специально учат в вузах, где имеются филологические и лингвистические кафедры, и далеко не все студенты, для которых русский язык родной, осваивают профессию переводчика. От рождения умение правильно (в стилистическом отношении) писать не дается. Я неоднократно сталкивался с убежденностью высокопоставленных функционеров из духовных управлений в том, что, по их мнению, одной *способности говорить* по-русски достаточно, чтобы браться за перевод. Это глубочайшее и вред-

ное заблуждение. Ведь понятно же, что в случае привлечения к работе дилетанта нет оснований ожидать от него не только передачи особенностей авторского стиля, но и мыслей автора, выраженных ясно и понятно*.

Любителей-графоманов полным-полно в каждой стране. Желание самовыразиться присуще любому нормальному человеку. Но как могут называть себя издателями лица, публикующие графоманские опусы? А ведь именно такой макулатурой об исламе заставлены в основном полки российских книжных магазинов. Представляете, какое мнение об этой религии может сложиться у человека, воспитанного на произведениях Чехова и Бунина и для первого знакомства с исламом решившего почитать полутрамотную писанину самодеятельного автора или косноязычные вирши неумехи-толмача?

* Во время подготовки к изданию этой книги на глаза попала следующая красноречивая заметка: «Более 35 лет спектакль “Мальш и Карлсон” не сходит со сцены московского Театра сатиры, за эти годы его посмотрело свыше 3 млн зрителей. Но мало кто знает, что в самой Швеции к герою Линдгрэн относятся совсем не так, как в России. В Швеции он воспринимается скорее как отрицательный персонаж — самодовольное, назойливое существо с пропеллером на спине, которое лжет, хвастается, портит вещи и бесцеремонно вмешивается в жизнь маленького мальчика. А в США Карлсона за такое поведение вообще исключили в 2003 году из школьной программы, сочтя его “литературным героем, подающим отрицательный пример детям младшего возраста, призывающим их к деструктивному поведению”. Так почему книги Астрид Линдгрэн столь популярны в России? Одна из причин — им повезло с переводом. Первое издание “Мальш и Карлсона” на русском языке вышло в 1967 году в переводе Лилианны Лунгиной и имело оглушительный успех. “Я сразу почувствовала, что перевести такую книжку — это счастье”, — написала Лунгина позднее. А сама Астрид Линдгрэн признавала, что благодаря таланту Лунгиной ее герои стали в России популярны и любимы как ни в какой другой стране мира. В своих интервью Линдгрэн любила повторять, что в Карлсоне “есть что-то русское»» (*Дорофеева Е.* Вся правда о Карлсоне, Нильсе и диких гусях // *Коммерсантъ Guide.* 2006. № 104/В (Швеция). 13 июня. С. 37). Вот так не очень удачная в оригинале книга после перевода стала национальным шедевром совсем другой страны. В случае же с араб- и персоязычной литературой, связанной в первую очередь с исламом, *порочной нормой* в России закрепилось как раз обратное.

Обратите, пожалуйста, внимание, речь я веду не об уровне компетентности в сфере вероучения, хотя и тут своих проблем предостаточно.

Порой приходится слышать такие суждения: «Вот вы говорите, что книга издана плохо. А я этого не чувствую. Да и спросом она пользуется!» Иногда при этом добавляют, подчеркивая достоинства издания: «А бумага какая белая! И переплет твердый!»

Ну что на это скажешь? Либерализация книгоиздания обернулась тем, что в эту отрасль хлынули толпы халтурщиков, убежденных, что «святая» книгу может каждый, были бы деньги (типографий, мол, кругом полным-полно, полиграфматериалов — в избытке, а то, что знаний нет, — не беда). Но и некоторые спонсоры демонстрируют прискорбную беспечность, слепо доверяясь проходимцам.

Сегодня в России огромный интерес к исламу. Наша страна, позиционируя себя в меняющемся мире, всё отчетливее сознает, что без всестороннего развития отношений с мировой уммой она не сможет раскрыть в полной мере тот геополитический потенциал, что дарован ей Всевышним.

У нас всегда было мало профессионалов, способных писать и переводить книги по исламу. И, естественно, в нынешних условиях эти люди сверхвостребованы. Несложно догадаться, что лучшие в экономическом отношении условия им предлагают в основном западные фонды, ну и Израиль конечно же, отнюдь не заинтересованные по понятным причинам в наращивании числа качественных книг об исламе. Вот чем не в последнюю очередь объясняется сложившаяся сегодня кризисная ситуация. Она усугубляется тем, что высоким профессионалам, которых я имею в виду, в своем большинстве уже более 60 лет. И недалеко то время, когда может быть необратимо утрачена возможность передачи молодежи уникальных знаний и опыта, носителями которых являются корифеи.

Квалифицированных издательских работников также крайне мало, хотя в одной только Москве зарегистрировано более 10 тысяч издающих организаций. А потому те мастера своего дела, что получили базовое издательское образование в советские годы и составляли когда-то гордость страны, ныне или эмигрировали, или прозябают по бесчисленным конторам. Их таланты большей частью не востребованы.

Россияне, как мусульмане, так и интересующиеся исламом, должны быть обеспечены качественной литературой, и заниматься этим должны не случайные люди, а специалисты. Для этого я предлагаю создать на основе моего издательства «Ладомир», где уже сегодня трудится коллектив профессионалов, российский центр исламского книгоиздания. Помимо очевидной просвещенческой и культурной составляющей, в рамках означенного проекта будет решен и ряд важнейших политических задач, а именно: дан достойный отпор исламофобии, экстремизму, радикализму, агрессивности, приписываемым исламу его «заклятыми друзьями».

Изменение отношения к вере пророка Мухаммада в российском обществе окажет благотворное воздействие на развитие партнерских отношений России с исламским миром и тем самым повысит в глазах зарубежной уммы инвестиционную привлекательность нашей страны.

Ислам может и должен стать одним из столпов возрождения России. Лишь держась рука об руку, мы сможем противостоять тем евроатлантическим стратегам, для кого наша планета — нечто вроде бильярдной доски с государствами на ней в роли шаров, которые дядюшка Сэм с таким удовольствием умело перекатывает, сталкивая друг с другом и называя эту «забаву» «конфликтом цивилизаций».

СУРА 90

ГОРОД

Именем Бога Милостивого, Милосердного.

Нет же! Клянусь Я городом оным
(а ты одного города житель законный)

и родителем, и рожденным:

в человека заботу вложили Мы, сотворяя его! —
и не мнит ли он, будто нет победителя на него?

Говорит: «Мной богатство большое растрчено», —
уж не мыслит ли, будто не было то замечено?

Разве Нами не создан он об очах двух,
с языком и о губах двух —

не ведóm ли вверх на путях двух?

Но не бросился он горé!

Что поможет понять тебе, что такое «горé»?

Развяжи удавку на рабе,
в день нужды порадей о еде
родичу-сироте

или нищему в нищете —

с теми будь, кто уверовал, научает друг друга терпению,
научает друг друга состраданию, вот они-то — те,
те, кто правит к правой стороне!

А которые не благодарствуют нашим знамениям —
они правят к левой стороне,
и на них — свод в огне.

Перевод В.Г. Тихомирова

ПРИЛОЖЕНИЯ

Юсуф Баласагунский
БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ
Фрагменты

Возвещается хвала Господу,
да будет велик Он и славен

¹ Хвалою Творцу начинаю я слово —
Во славу Творца моего всеблагого.

Несчетны хвалы Ему и величанья —
Творец всемогущий не знает скончанья.

Он землю и небо, и солнце с луною,
И тварей всех создал, и время земное.

Создать пожелав всего сущего суть,
Он всё сотворил, повелев ему: «Будь!»

⁵ Томимы печалью все твари вселенной,
Лишь Он беспечален, вовек несравненный!

О Ты вечно сущий, бесскорбный, могущий,
Тебе лишь названия эти присущи!

Величие — знак Твоих высших примет:
Подобных Тебе не бывало и нет!

Никто не сольется с Тобой, Ты — Единый,
Исток и свершенье — Ты, первопричинный!

Единство Твое не объежится счетом,
Всё в мире Твоим сопричастно щедротам.

¹⁰ Поистине, Вечный Отец, Ты Един —
Един, вне слияния с сущим — один!

Ты в явном и тайном — суть истины сущей,
Далекий от взора, но в сердце живущий.

Всеявный, как солнце с луною светящий,
Сокрыл Ты смысл сути Твоей настоящей.

Единство Твое — вне бытийных начал,
Но сущее Ты бытием увенчал.

Ты всё сотворил — и живое, и вещи, —
Они — преходящи, Ты — вечный и вещей!

¹⁵ Творец — всего сущего суть и причина,
И суть Его даже в двойном едина*.

Ни равенства нет, ни подобья Ему,
И сущность Его не постигнуть уму.

И Он — ни в пути, ни в покое, но — бдящий,
Вне сходства Он с сущностью, облик носящей.

Ни справа, ни слева, ни прежде, ни днесь Он,
Ни в выси, ни долу, ни там и ни здесь Он.

Всю суть сотворил Он, а сам Он — нигде,
Узнай: Он всеместно безместный — везде!

²⁰ О близкий сердцам и всевнемлющий тайнам,
Всё — знак Твоей сути в пространстве бескрайном!

Живое без счета Ты создал, Единый,
Равнины и горы, моря и долины.

Ты сонмами звезд осветил небосвод,
А ночь — ярким солнцем, светящим с высот.

А сколько Ты создал рысучих, летучих,
Тобою вскормленных, вспоенных, живучих!

От горнего Трона до бездны зловещей
Все в горе к Тебе припадают, всевещий!

²⁵ Поверив в Единого, вникни в ту высь,
Уверовал духом — и мыслью смиришь!

Но в суть Его сердцем проникнуть не думай,
Уверуй, что сущ Он, смиренною думой.

* Имеются в виду горний и земной миры.

Не тщишь допытать, где предел Всеблагого,
Пойми, что всесущ Он, без лишнего слова.

Я — скорбный Твой раб, о бескорбный Господь,
Прости, помоги мне грехи побороть!

И, пав пред Тобой, я надежду лелею:
Да быть мне в беде — под Десницей Твоею!

³⁰ И милость даруй мне вознестись высоко —
Дозволь в Судный день быть под сенью Пророка.

Восславь его верных друзей четверых*,
Да буду храним я предстательством их!

Яви в Судный день мне их лики, Всесущий,
Да станет мне речь их звездой ведущей!

Хвалить Твою сущность — бесплодна мечта,
Восславь Себя Сам — мои немы уста!

О достоинствах Пророка, да будет он благословен

Любимый возвестник! Благим Севладыкой
Был послан ты, избранный, пастве великой.

³⁵ И темная ночь озарилась сияньем,
И блеск осветил тебя ярким сверканьем.

То — вестник к тебе был от Господа сил:
Воитель, на праведный путь ты вступил!

Отца позабыл он и мать, и всем сердцем
Служил он возлюбленным единоверцам.

Без сна и без пищи и ночью и денно
Творца за тебя он молил вдохновенно.

Страдая, молил о тебе, был с тобой,
Хвалою воздай ему, доброй мольбой.

⁴⁰ О пастве он думал с печалью всечасной,
Чтоб спастся от мук своих каждый несчастный.

* Имеются в виду четыре первых халифа.

Дороже, чем мать и отец он, — внемли же:
Моливший Творца за тебя — тебе ближе!

Он в милость всем людям Творцом сотворен,
Велик и в деяньях и сущностью он.

Он праведен, скромн, в деяньях велик он:
Участлив и добр он, и щедр каждый миг он.

Он был для земли и для неба отрадой,
И Бог одарил его щедрой наградой.

⁴⁵ Главнейший в главенстве, начало начал,
Печатью пророков над всеми он встал.

И предан я сердцем веленьям Пророка:
Влюблен в его речи, я чту их глубоко.

Мой дух охрани, о Творец, Своим Оком,
Да буду ведом в Судный день я Пророком!

⁴⁸ Яви мне Свой Лик в смуте Судного дня,
И пусть поведет Твой избранник меня!

Повествуется о том,
что достоинство сынов человеческих —
в знаниях и разумении

¹⁴⁸ Творец человека меж тварей отметил,
Чтоб разумом был он и знанием светел.

Умом отличил его, разумом, словом,
Дал облик и сделал в деяньях толковым.

¹⁵⁰ И стал человек разуменьем велик,
И знаньем он многие тайны постиг.

Кому даровал Бог и знанья и разум,
Того Он ко благу наставил наказом.

В науке — всё благо, в познаньях — величье,
Даны Божьим слугам два высших отличья.

И правду сих слов подтвердит моя речь,
Сумей из нее всё, что нужно, извлечь.

Величье дается благим разуменьем,
А знания — основа великим свершеньям.

¹⁵⁵ Кто знающ — тот знает, разумен — разумный,
Свершает желанное лишь многодумный.

Пойми суть познания — премудрый завет:
Кто мудр, тот избегнет болезней и бед.

Невежда подвластен болезням и бедам,
А хворь не излечишь — и смерть идет следом.

Лечись же, невежда, внемли же призывам:
Очнись от неведения — станешь счастливым!

Учение — повод, ведущий вперед:
К свершенью желаний Он твердо ведет.

¹⁶⁰ Кто предан ученью — тому и успехи:
Разумный не знает в желаньях помехи!

¹⁶¹ Ученьем вершатся труды и дела:
Наука властителей к цели вела!

⁶⁶⁰⁵ Познаниям учись — и познаешь почет:
Познания — твердыня и силы оплот!

Без знаний бесплодны и разум и речь,
А знания — вот влага живительных вод.

И сколько б ни знал ты — учись и учись:
Познание всё, что желанно, дает.

Кичащийся знаньем от знаний далек,
Признался в незнание — достигнешь высот!

Познание — море без края и дна,
Как воду не черпай, она не уйдет!

⁶⁶¹⁰ Разумный умеет владеть сам собой,
У глупого в мыслях — разлад и разброд.

Учись и познанием себя возвышай,
Иначе ты чужд будешь людям, ты — скот!

Разумный всегда в путях дум и тревог,
Глушцу — всё потеха, ни дум, ни забот!

Где медлит разумный, раздумьем смущен,
Глупец, что олень, лихо мчится вперед.

Разумный сомненьями скован всегда,
Глушца напролом своеволие ведет!

⁶⁶¹⁵ О мудрый, ты — в путах, невежда — без пут,
Опутай невежд — будешь сам без тенет!

Я к знаниям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.

Паслось слово тюрок оленем нагорным,
А я приучил его, сделал покорным.

Я ласков к нему был — оно покорялось,
Но было пугливым еще и задорным.

Но я неустанно обхаживал слово,
И мускус дохнул ветерком животворным.

⁶⁶²⁰ Речь вел я правдиво, порою и резко,
Но умные внемлют словам непритворным.

Читающий да не познает обиды,
Прощенья прошу я реченьям зазорным!

Всегда говори только правду, не путай
Правдивое с ложью и белое с черным!

Перевод С.Н. Иванова

ВСЕОБЩАЯ ИСЛАМСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА*

Четырнадцать веков назад ислам дал человечеству идеальный кодекс прав человека. Цель этих прав — придать честь и достоинство человечеству и уничтожить эксплуатацию, угнетение и несправедливость.

Права человека в исламе надежно укоренились благодаря убеждению, что Бог, и только Бог, — Творец Закона (шариата. — *Ю.М.*) и источник всех прав человека. Ввиду их Божественного происхождения никакой руководитель или правительство, никакая ассамблея или власть не могут ограничить, отменить или нарушить каким-либо образом права человека, данные Всевышним. Так же, как никто не может поступиться ими.

Права человека в исламе — составная часть всего исламского порядка, и все мусульманские правительства и органы обязаны соблюдать их в соответствии с их буквой и духом в рамках этого порядка.

К несчастью, права человека безнаказанно попираются во многих странах мира, в том числе и в мусульманских. Эти вопиющие нарушения очень тревожны и будят совесть всё большего числа людей во всем мире.

Я искренне желаю, чтобы эта Декларация прав человека послужила мощным стимулом мусульманским народам по-прежнему стойко, с мужеством и решимостью защищать права, дарованные им Богом.

Настоящая Декларация прав человека — это второй основополагающий документ, опубликованный Исламским советом в ознаменование начала XV века исламской эры, а первым была Всеобщая исламская декларация, провозглашенная на Международной конференции, посвященной пророку Мухаммаду (да благословит его Господь и да

* Разработана Исламским советом для Европы. Опубликовано в Париже 19 сентября 1981 года. Не признана ОИК в качестве официального документа. Неофициальный перевод публикуется с редакторскими изменениями стилистического характера по изд.: *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 292, 357–358, 512–519.

пребудет с ним мир) и его Посланию, проходившей в Лондоне с 12 по 15 апреля 1980 года.

Всеобщая исламская декларация прав человека основывается на Коране и Сунне и разработана видными знатоками ислама и юристами, а также представителями исламских движений и течений мысли. Да вознаградит их Всевышний за их усилия и да выведет их на прямой путь.

*Салем Аз-Зам,
генеральный секретарь*

«Всё сказанное — разъяснение людям, путеводство и наставление для богобоязненных».

Коран 3: 138

Полагая, что извечное стремление людей к более справедливому мировому порядку, когда народы могли бы жить, развиваться и процветать, не зная страха, угнетения, эксплуатации и лишений, далеко от удовлетворения;

полагая, что средства экономического существования, которые в изобилии ниспослало человечеству Божественное милосердие, в настоящее время расходуются расточительно или в них несправедливо и неравномерно отказано жителям Земли;

полагая, что Всевышний через Свои откровения в Священном Коране и Сунне Своего святого пророка Мухаммада дал человечеству прочную юридическую и моральную основу, позволяющую создавать и регулировать институты и человеческие отношения;

полагая, что права человека, предписанные Божественным законом, имеют целью придание достоинства и чести человечеству, а также уничтожение гнета и несправедливости;

полагая, что эти права в силу их Божественных источников и освящения не могут быть ни ограничены, ни отменены, ни нарушены властями, ассамблеями или другими институтами, равно как нельзя от них отречься или отказаться;

в соответствии с чем мы, мусульмане, верующие в Бога, Милостивого и Милосердного Творца, опору, Господина мироздания, единственного проводника человечества и начало всякого закона;

верующие в наместничество (*халифат*) человека, который был создан, чтобы выполнить волю Всевышнего на Земле;

верующие в мудрость Божественных наставлений, переданных пророками, чья миссия достигла апогея в заключительном Божественном Послании, переданном пророком Мухаммадом (да пребудет с ним мир) всему человечеству;

верующие в то, что рациональность сама по себе, без Света Откровения Господа, не может быть надежным руководством в делах человечества и не может дать духовную пищу душе человеческой, и зная, что предписания ислама — квинтэссенция Божественной заповеди в законной и совершенной форме, считаем своим долгом напомнить человеку о высоком положении и достоинстве, ниспосланных ему Создателем;

верующие в призыв ко всему человечеству приобщиться к Посланию ислама;

верующие в то, что, в соответствии с нашим древним союзом с Богом, наши обязанности имеют приоритет над нашими правами и что каждый из нас имеет священное право распространять наставления ислама словами, делами и всеми мирными средствами, а также применять их не только в рамках своего собственного бытия, но и в обществе, которое окружает нас;

верующие в нашу обязанность установить *исламский порядок*:

1) где все человеческие существа будут равны и никто не будет иметь привилегий или подвергаться дискриминации из-за принадлежности к своим расе, цвету кожи, полу, а также в зависимости от своего происхождения и языка;

2) где все человеческие существа рождаются свободными;

3) где рабство и каторжный труд запрещены;

4) где созданы условия для сохранения, защиты и почитания института семьи как основы общества;

5) где правители и подданные одинаково отвечают перед Законом и равны перед ним;

6) где подчиняются лишь тем приказам, которые согласуются с Законом;

7) где любая земная власть должна рассматриваться как священная и данная на время, предписанное Законом, и должна осуществляться в соответствии с ним и установленными им приоритетами;

8) где все экономические ресурсы рассматриваются как Божественные благоволения, предоставленные человечеству, которыми все могут пользоваться согласно правилам и ценностям, изложенным в Коране и Сунне;

9) где все общественные дела решаются и ведутся, а административная власть осуществляется после совета (*шур'a*) с верующими, которые уполномочены участвовать в принятии решения, не противоречащего Закону и общественному благу;

10) где каждый выполняет обязанности в соответствии со своими способностями и соразмерно этому несет ответственность за свои поступки;

11) где каждый может быть уверен в том, что в случае нарушения его прав будут приняты меры, предусмотренные законом;

12) где никто не может быть лишен прав, гарантированных ему Законом, кроме как в соответствии с данным Законом и в той мере, в какой это дозволено Законом;

13) где каждый имеет право предпринять юридические действия против любого, кто совершил преступление против общества в целом либо против одного из его членов;

14) где будут предприняты все усилия, чтобы:

а) избавить человечество от всякой эксплуатации, несправедливости и угнетения;

б) гарантировать каждому безопасность, достоинство и свободу в условиях, методами и в границах, установленных законом.

Настоящим подтверждаем, что, будучи служителями Бога и членами всемирного братства ислама, в начале XV века исламской эры мы обязуемся обеспечивать неприкосновенные и неотъемлемые права человека, сформулированные ниже и рассматриваемые нами как предписанные исламом.

I. Право на жизнь

1. Человеческая жизнь священна и неприкосновенна, и для ее защиты должны предприниматься все усилия. В частности, никто не может быть ранен или предан смерти, кроме как властью закона.

2. После смерти, как и при жизни, неприкосновенным остается священный статус тела человека. Верующие должны следить за тем, чтобы с телом умершего обходились с должной торжественностью.

II. Право на свободу

1. Человек рождается свободным. Не должно быть никакого ограничения права на свободу, кроме случаев, когда этого требует Закон.

2. Любой человек и любой народ имеют неотъемлемое право на свободу во всех ее формах: физическую, культурную, экономическую и политическую, и должны иметь право бороться всеми доступными способами против нарушения или отмены этого права. Любой угнетенный человек или народ имеют право на законную поддержку со стороны других лиц и/или народов в этой борьбе.

III. Право на равенство и недопущение какой-либо дискриминации

1. Все люди равны перед законом и имеют право на равные возможности и на одинаковую защиту закона.

2. Все люди должны получать равную плату за равный труд.

3. Никому нельзя отказывать в возможности работать, никто не должен быть жертвой дискриминации или подвергаться еще большему физическому риску под единственным предлогом различия в религиозных верованиях, цвете кожи, расе, происхождении, поле или языке.

IV. Право на справедливость

1. Любой человек имеет право на то, чтобы с ним обходились в соответствии с законом, и только в соответствии с законом.

2. Любой человек не только имеет право, но и обязан протестовать против несправедливости. Он должен иметь право обратиться в предусмотренном законом порядке к властям в случае нанесения ему необоснованного ущерба. Он имеет право защищаться в случае, если ему предъявлено обвинение, и добиваться справедливого решения независимого суда в случае спора с государственными властями или любым лицом.

3. Любое лицо имеет право и долг защищать права любого другого лица или всей общины (*хизба*).

4. Никто не должен подвергаться дискриминации за стремление защищать свои частные или общественные права.

5. Каждый мусульманин имеет право и долг отказаться выполнять приказ, противоречащий Закону, от кого бы этот приказ ни исходил.

V. Право на справедливый судебный процесс

1. Никто не может быть признан виновным в совершении правонарушения и понести наказание, если доказательство вины не было признано независимым судом.

2. Никто не должен быть признан виновным до справедливого судебного процесса и если не были предоставлены разумные возможности защищаться.

3. Наказание должно назначаться в соответствии с законом пропорционально тяжести правонарушения и с учетом обстоятельств, при которых оно было совершено.

4. Никакой поступок не должен рассматриваться как преступление, если это со всей однозначностью не прописано в законе.

5. Всякий индивид отвечает за свои поступки. Ответственность за преступление не может распространяться на других членов семьи или группы, которые не замешаны ни прямо, ни косвенно в совершении данного преступления.

VI. Право на защиту от злоупотреблений властью

Каждый человек имеет право на защиту от произвола со стороны официальных органов. Он не должен оправдываться, кроме случаев защиты от выдвинутых против него обвинений или когда он оказывается в таком положении, которое могло бы вызвать обоснованное подозрение о его участии в преступлении.

VII. Право на защиту от пыток

Никто не должен подвергаться психическим или физическим пыткам, унижению, угрозе причинения вреда ему или тому, кто ему дорог, кому он сочувствует, насилию с целью получения признания в совер-

шении преступления, принуждению соглашаться с действиями, приносящими вред его интересам.

VIII. Право на защиту чести и репутации

Каждый человек имеет право защищать свою честь и репутацию от клеветы, необоснованных обвинений и умышленных попыток диффамации и шантажа.

IX. Право убежища

1. Каждый преследуемый или угнетенный человек имеет право на убежище и пристанище. Это право гарантируется любому человеку, независимо от расы, религиозной принадлежности, цвета кожи и пола.

2. Аль-Масджид аль-Харам (Священный дом Бога) в Мекке — убежище для всех мусульман.

X. Права меньшинств

1. Принцип Корана «Нет принуждения в религии» [2: 256] должен определять религиозные права немусульманских меньшинств.

2. В мусульманской стране религиозные меньшинства для ведения своих гражданских и личных дел должны иметь возможность выбора между исламским Законом и их собственными законами.

XI. Право и обязательное участие в управлении делами общества

1. Как предусмотрено Законом, любой член общины (*уммы*) имеет право занимать государственную должность.

2. Процесс свободной консультации (*шура*) — основа административных отношений правительства с народом. В соответствии с этим принципом народ имеет право выбирать и смещать своих правителей.

XII. Право на свободу совести, мысли и слова

1. Каждый человек имеет право выражать свои мысли и убеждения в рамках, предусмотренных Законом. Напротив, человек не имеет права распространять ложь, сведения, которые могут нарушать общественные приличия, клевету, наносить вред репутации других лиц.

2. Поиски знания и правды — не только право, но и обязанность всякого мусульманина.

3. Каждый мусульманин имеет право и обязан защищаться и бороться против притеснений в рамках, установленных Законом, даже если это приводит к оспариванию решений высших государственных властей.

4. Не должно быть никаких препятствий распространению информации при условии, что она не угрожает безопасности общества или государства и не выходит за рамки, установленные законом.

5. Никто не вправе ни презирать, ни осмеивать религиозные убеждения других лиц, ни способствовать усилению враждебности по отно-

шению к ним в обществе. Уважение религиозных чувств других обязательно для всех мусульман.

XIII. Право на свободу вероисповедания

Каждый человек имеет право на свободу совести и вероисповедания в соответствии со своими религиозными убеждениями.

XIV. Право на свободу собраний

1. Каждый человек имеет право индивидуальным образом или коллективно участвовать в религиозной, общественной, культурной и политической жизни своей общины и создавать институты и органы, предназначенные для определения того, что хорошо (*маруф*), и противодействия тому, что плохо (*мункяр*).

2. Каждый человек имеет право создавать институты, позволяющие реализовывать его права. Община объединенными усилиями обязана создать условия, способствующие всестороннему развитию ее членов.

XV. Экономический порядок и вытекающие из него права

1. Все люди имеют право пользоваться в хозяйственной деятельности природными богатствами. Это блага, данные Богом в интересах всего человечества.

2. Все люди имеют право добывать средства к существованию в соответствии с Законом.

3. Каждый человек обладает правом собственности, которой он владеет индивидуально или совместно с другими лицами. Национализация некоторых экономических средств в общественных интересах законна.

4. Бедняки имеют право на определенную часть состояния богатых, установленную *закят* и выделяемую в соответствии с Законом.

5. Все средства производства должны использоваться в интересах всей общины (*уммы*); запрещается не принимать их в расчет или плохо ими распоряжаться.

6. Для обеспечения развития сбалансированной экономики и для защиты общества от эксплуатации исламский Закон запрещает монополии, чрезмерно ограничительную коммерческую деятельность, ростовщичество, использование принудительных мер при заключении сделок и публикацию лживой рекламы.

7. Разрешены все виды экономической деятельности, если они не приносят вреда интересам общины (*уммы*) и не нарушают исламские законы и ценности.

XVI. Право на защиту собственности

Никакое имущество не может быть экспроприровано, если это не отвечает общественным интересам. Экспроприация возможна при условии уплаты справедливой компенсации.

XVII. Статус и звание трудящихся

Ислам чтит труд и человека труда и повелевает мусульманам относиться к труженнику безусловно по справедливости и с великодушием. Он должен не только регулярно получать вознаграждение за труд, но и иметь право на достаточный отдых и досуг.

XVIII. Право на социальное обеспечение

Каждый человек имеет право на пищу, жилье, одежду, образование и на медицинское обслуживание в зависимости от возможностей общины. Эта обязанность общины распространяется в первую очередь на всех тех, кто не может обеспечить себя сам в силу временной или постоянной нетрудоспособности.

XIX. Право на создание семьи и связанные с этим вопросы

1. Каждый человек имеет право вступать в брак, создавать семью и растить детей в соответствии со своей религией, своими традициями и культурой. Каждый супруг обладает этими правами и привилегиями и подчиняется обязательствам, установленным Законом.

2. Каждый из супругов имеет право на уважение и почитание со стороны другого.

3. Каждый супруг обязан содержать свою супругу и детей соответственно своим средствам.

4. Каждый ребенок имеет право быть на иждивении у родителей и расти в семье. Запрещается заставлять работать маленьких детей и подвергать их наругам, вредным для их естественного развития.

5. Если в силу каких-либо причин родители не способны выполнять свои обязанности по отношению к ребенку, общине надлежит выполнять эти обязанности за счет общественных ресурсов.

6. Каждый человек имеет право на материальную поддержку, равно как и на заботу и защиту семьи в детстве, в старости или в случае недееспособности. Родители имеют право на материальную поддержку, равно как и на заботу со стороны детей.

7. Материнство имеет право на уважение, заботу и особую помощь со стороны семьи и общественных органов общины (*уммы*).

8. В семье мужчины и женщины должны разделить между собой обязанности и ответственность соответственно с их полом, способностями, талантами, природными склонностями, учитывая их общую ответственность перед детьми и родителями.

9. Никто не может вступить в брак против своей воли, утратить полностью или частично свое юридическое лицо вследствие вступления в брак.

XX. Права замужней женщины

Каждая замужняя женщина имеет право:

- а) жить в доме, где проживает ее муж;
- б) получать средства, необходимые для поддержания такого уровня жизни, чтобы он был не ниже, чем у ее супруга, а в случае развода — получать в течение периода законного ожидания (*идда*) содержание, соответствующее средствам ее мужа, для себя самой, равно как и для детей, которых она кормит и воспитывает; все пособия в полном объеме, независимо от ее финансового положения, ее доходов или имущества, которым она могла бы владеть;
- в) потребовать и получить расторжение брака (*хула*) в соответствии с положениями Закона; это право дополняет ее право требовать развода через суд;
- г) наследовать мужу, родителям, детям и другим лицам, породненным в соответствии с Законом;
- д) на строгое соблюдение мужем или бывшим мужем, если она разведена, конфиденциального характера той информации, которой он может располагать о ней и распространение которой могло бы причинить вред ее интересам. Такая же обязанность лежит на ней по отношению к супругу или бывшему супругу.

XXI. Право на образование

1. Каждый человек имеет право получать образование в зависимости от своих природных способностей.
2. Каждый человек имеет право свободы выбора профессии и карьеры, предоставления возможностей для полного развития своих природных дарований.

XXII. Право на личную жизнь

Каждый человек имеет право на защиту своей жизни.

XXIII. Право на свободу перемещения и местожительства

1. Учитывая, что Мир Ислама представляет собой подлинно всемирную мусульманскую общину, любой мусульманин должен иметь право на свободный въезд в любую мусульманскую страну и на свободный выезд из нее.
2. Никто не должен подвергаться давлению с целью покинуть страну своего проживания, а также незаконной депортации из нее.

КАИРСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИСЛАМЕ*

Государства — члены Организации Исламская конференция, *вновь подтверждая* цивилизующую и историческую роль исламской уммы, которую Бог сделал наилучшей нацией, давшей человечеству универсальную и хорошо сбалансированную цивилизацию, в которой установлена гармония между этой и последующей жизнью, а знание объединено с верой; и роль, которую эта умма должна играть, чтобы направлять человечество, смущаемое противоречащими друг другу тенденциями и идеологиями, и давать решения хроническим проблемам этой материалистической цивилизации;

желая внести свой вклад в усилия человечества, направленные на утверждение прав человека, защиту его от эксплуатации и преследований, а также утверждение его свободы и права на достойную жизнь в соответствии с исламским шариатом;

убежденные, что человечество, далеко продвинувшееся в материалистической науке, всё еще остро нуждается и всегда будет нуждаться в вере, чтобы поддерживать свою цивилизацию и движущее его стремление к защите своих прав;

считая, что основополагающие права и всеобщие свободы в исламе — составная часть исламской религии и что никто в принципе не имеет права приостанавливать их целиком или частично, или нарушать, или игнорировать их в том, что является обязательной, Божественной заповедью, содержащейся в Книгах Откровений Божьих, ниспосланных через последних пророков Его как заключительные предшествующие послания, превращая их соблюдение в акт поклонения;

* Принята на XIX Исламской конференции министров иностранных дел ОИК (сессия «Мир, взаимозависимость и развитие»), проходившей в Каире с 31 июля по 5 августа 1990 года. Неофициальный перевод публикуется с редакторскими изменениями стилистического характера по изд.: *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 520—525.

ния, а их несоблюдение или нарушение — в отвратительный грех, и, соответственно, признавая каждого человека в отдельности, а умму — коллективно ответственными за их сохранение;

исходя из вышеизложенных принципов,

заявляют:

Статья 1

А. Все люди составляют одну семью, члены которой объединены смирением перед Богом и происхождением от Адама. Все люди равны с точки зрения человеческого достоинства, обязательств и ответственности, без всякой дискриминации по признакам расы, цвета, языка, пола, религиозных убеждений, политической принадлежности, социальному положению и другим соображениям. Истинная вера — гарантия повышения такого достоинства и путь к человеческому совершенству.

Б. Все люди — слуги (рабы) Божьи; самые любимые Им, те, кто лучше всех служит остальным слугам Его; никто не имеет превосходства над другими, кроме как в благочестии и добрых делах.

Статья 2

А. Жизнь — это дар Божий, право на жизнь гарантировано каждому человеку. Люди, общества и государства обязаны защищать это право от любых посягательств на него; лишение жизни запрещено, кроме как по причинам, предписанным шариатом.

Б. Запрещается прибегать к таким средствам, результатом применения которых может стать геноцидное уничтожение человечества.

В. Сохранение человеческой жизни в течение всего времени, отпущенного Богом, — долг, предписанный шариатом.

Г. Защита от телесного вреда — гарантированное право. Долг государства — защищать его; нарушение этого права без причин, регламентированных шариатом, запрещено.

Статья 3

А. В случае применения силы в вооруженном конфликте недопустимо убийство лиц, не участвовавших в военных действиях, — стариков, женщин и детей. Раненые и больные имеют право на медицинскую помощь, а военнопленные — на питание, кров и одежду. Запрещается надругательство над телами убитых. Проведение обмена военнопленными и организация визитов или воссоединения семей, разделенных обстоятельствами военного времени, являются долгом.

Б. Запрещено рубить деревья, наносить ущерб урожаю или домашним животным, уничтожать гражданские здания и сооружения противника путем обстрела, взрывов или иным образом.

Статья 4

Каждый человек имеет право на сохранение и защиту своего доброго имени и чести при своей жизни и посмертно. Государство и общество должны защищать его останки и место захоронения.

Статья 5

А. Семья — основа общества, супружество — основа ее создания. Мужчины и женщины имеют право на супружество, и никакие ограничения, связанные с расой, цветом или национальностью, не должны препятствовать им в реализации этого права.

Б. Общество и государство должны устранять все препятствия к супручеству и упрощать связанные с ним процедуры. Они должны гарантировать защиту семьи и ее благополучие.

Статья 6

А. Женщина равна с мужчиной в человеческом достоинстве и имеет права, которыми она пользуется, и обязанности, которые она соблюдает; она имеет собственное гражданское лицо, финансовую независимость и право сохранять имя и родословную.

Б. Муж отвечает за содержание и благополучие семьи.

Статья 7

А. С момента рождения каждый ребенок имеет право на обеспечение со стороны родителей, общества и государства должного ухода, образования, а также материальную, санитарную и моральную заботу. Беременной матери и вынашиваемому ею плоду должны предоставляться защита и особое внимание.

Б. Родители и лица, приравненные к ним, имеют право выбрать такое образование, какое они желают для своих детей, при условии что они учитывают интересы и будущее детей в соответствии с этическими ценностями и принципами шариата.

В. Оба родителя имеют определенные права в отношении своих детей, а родственники имеют права в отношении своих родных в соответствии с нормами шариата.

Статья 8

Каждый человек имеет право пользоваться своим гражданским статусом; в том что касается как обязательств, так и обязанностей и при утрате такого статуса или его ограничении человек должен быть представлен своим попечителем.

Статья 9

А. Стремление к знанию налагает обязательства, равно как создание условий для получения образования — обязанность общества и государства. Государство должно обеспечить способы и средства по-

лучения образования и гарантировать разнообразие его видов в интересах общества, с тем чтобы в интересах человечества дать человеку возможность ознакомиться с религией ислама и феноменами вселенной.

Б. Каждый человек имеет право получить религиозное и светское образование в семье и в различных учебных заведениях, включая школу, университет, СМИ и т. п., таким интегрированным и сбалансированным образом, чтобы он мог развить свою личность, укрепить веру в Бога и уважение к защите как прав, так и обязанностей.

Статья 10

Ислам — это чистая по своей природе религия. Запрещается использование любой формы принуждения человека или эксплуатации его бедности или невежества в целях обращения его в другую религию или атеизм.

Статья 11

А. Люди рождаются свободными, и никто не вправе поработать, унижать, угнетать или эксплуатировать их; и не может быть их подчинения никому, кроме как Богу.

Б. Колониализм всех видов, являющийся одной из самых злостных форм порабощения, полностью запрещается. Народы, страдающие от колониализма, имеют полное право на свободу и самоопределение. Долг всех государств и народов — поддерживать борьбу колонизированных народов за ликвидацию всех форм колониализма и оккупации; все государства и народы имеют право на сохранение их независимой идентичности и осуществление контроля за своим богатством и природными ресурсами.

Статья 12

Каждый человек имеет право в рамках шариата на свободу передвижения и выбор места проживания, будь то в своей стране или за ее пределами, и в случае преследований — поиск убежища в другой стране. Страна убежища должна обеспечивать его защиту до тех пор, пока он не обретет безопасности, если только его желание укрыться не мотивировано актом, который шариат рассматривает как преступление.

Статья 13

Работа является правом, гарантированным государством и обществом каждому лицу, способному трудиться. Каждый человек волен выбирать вид деятельности, который подходит ему лучше всего и служит интересам его самого и общества. Работник имеет право на безопасность и защиту, а также на все другие социальные гарантии. Ему не может поручаться работа, с которой он не в состоянии справиться, и он не может подвергаться принуждению, эксплуатации или друго-

му ущерб в любой форме. Он имеет право — без какого-либо ущемления прав как мужчин, так и женщин — на незамедлительную, справедливую оплату своего труда, а также на оплаченный отпуск и карьерный рост, которого заслуживает.

С другой стороны, от него требуется прилежание и добросовестность в труде. В случае разногласий между нанимателями и работниками по любому вопросу государство должно вмешаться с целью урегулирования спора и удовлетворения претензий, беспристрастно подтверждая права и обеспечивая справедливость.

Статья 14

Каждый имеет право на законную прибыль без монополизации, обмана или ущерба для себя и других. Ростовщичество (*ribā*) безусловно запрещено.

Статья 15

А. Каждый имеет право владеть собственностью, приобретенной законным путем, и будет иметь право владения без ущерба для себя, для других или для общества в целом. Экспроприация недопустима, за исключением случаев, когда это требуется в общественных интересах или в случае немедленной и справедливой компенсации.

Б. Конфискация и арест собственности запрещены, за исключением необходимости, диктуемой законом.

Статья 16

Каждый имеет право распоряжаться плодами своей научной, литературной, художественной или технической деятельности, а также право на защиту моральных и материальных интересов, вытекающих из нее, при условии что такая деятельность не противоречит принципам шариата.

Статья 17

А. Каждый имеет право жить в чистой окружающей среде, вдали от порока и коррупции, в среде, способствующей саморазвитию, и на государство и общество в целом возлагается обязанность обеспечения этого права.

Б. Каждый имеет право на медицинское обслуживание и социальное обеспечение, а также на все общественные виды обслуживания, предоставляемые обществом и государством в пределах имеющихся у них ресурсов.

В. Государство должно гарантировать человеку право на достойную жизнь, дающую ему возможность удовлетворения потребностей, как своих, так и иждивенцев, включая питание, одежду, жилье, образование и другие основные потребности.

Статья 18

А. Каждый имеет право на жизнь в условиях безопасности для себя, своей религии, своих иждивенцев, своей чести и собственности.

Б. Каждый имеет право на личную жизнь в ведении своих частных дел, в своем доме, в кругу своей семьи, в отношении своей собственности и своих отношений.

Не разрешена слежка за человеком, взятие его под наблюдение или очернение его доброго имени. Государство должно защищать человека от неправомерного вмешательства в его жизнь.

В. Частное владение неприкосновенно во всех случаях. В него нельзя входить без разрешения населяющих его или каким-либо незаконным образом, оно также не может быть разрушено или конфисковано, а его жильцы выселены.

Статья 19

А. Все равны перед законом без различия между правителем и подданными.

Б. Право на обращение к юстиции гарантировано каждому.

В. Ответственность является в основном персональной.

Г. Не существует ни преступления, ни наказания, за исключением тех, что предусмотрены шариатом.

Обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в справедливом разбирательстве в суде, в котором он должен получить все гарантии защиты.

Статья 20

Не разрешается без законных причин арестовывать человека или ограничивать его свободу, высылать или наказывать его. Не разрешается подвергать его физическим или психологическим пыткам или унижениям в любой форме, жестокому обращению или оскорблять его достоинство. Не разрешается подвергать человека медицинским экспериментам без его согласия или с риском для его здоровья или жизни. Не разрешается вводить чрезвычайные законы, которые давали бы исполнительной власти право на такие действия.

Статья 21

Захват заложников в любой форме и в любых целях категорически запрещен.

Статья 22

А. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение таким образом, чтобы это не противоречило принципам шариата.

Б. Каждый в соответствии с нормами исламского шариата имеет право выступать за то, что правильно, поддерживать то, что есть добро, и предупреждать о том, что есть зло.

В. Информация жизненно необходима для общества. Ее нельзя эксплуатировать или злоупотреблять ею таким образом, чтобы это могло нарушать святость и достоинство пророков, подрывать моральные и этические ценности или разваливать общество, коррумпировать его или ослаблять его веру.

Г. Недопустимо разжигание националистической или связанной с доктринами ненависти либо осуществление действий, могущих способствовать расовой дискриминации в любой форме.

Статья 23

А. Власть — это доверие, и злоупотребление ею или злонамеренное ее использование абсолютно запрещены с тем, чтобы могли быть гарантированы основные права человека.

Б. Каждый имеет право участвовать прямо или косвенно в общественной жизни своей страны. Он также может исполнять общественные обязанности в соответствии с принципами шариата.

Статья 24

Все права и свободы, оговоренные в настоящей Декларации, подчинены исламскому шариату.

Статья 25

Исламский шариат — единственный источник для ссылок при объяснении или разъяснении любых статей настоящей Декларации.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.В. Наумкин, В.В. Попов.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>Максим Шевченко.</i> РОССИЯ — ИСЛАМ: ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ	7
ОТ АВТОРА	15
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЛОЖЕНИЯ С КНИГО- ИЗДАНИЕМ ДЛЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН	23
ОТКРЫТЬ «ВРАТА ИДЖТИХАДА», НАЧАТЬ ВЕЛИКИЙ ДЖИХАД!	32
Божественное Мироздание и человек в нем гла- зами мусульманина	33
Человек и Божественные ресурсы	37
Ислам и научное знание	46
Судьба человека с точки зрения ислама	50
Ислам и демократия	57
Ислам и общество знаний	68
Интеллектуальный застой в исламе и терроризм	78
Мусульманские «анклавы»	97
Просвещение мусульман — дело государствен- ной важности	101
Что делать на Кавказе?	106
Примечания	110
РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ИСЛАМСКОГО КНИГОИЗДАНИЯ — ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ	209

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Юсуф Баласагунский.</i> БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ. <i>Фрагменты</i>	217
ВСЕОБЩАЯ ИСЛАМСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	223
КАИРСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИСЛАМЕ	232

Михайлов Ю.А.

Пора понимать Коран: Сборник статей. 4-е изд., испр. М.: Ладомир, 2023. — 240 с.

ISBN 978-5-86218-483-9

Издание адресовано российским политикам, политологам и госслужащим, всем, кто хотел бы понять, в чем состоит феномен исключительной креативности ислама, что лежит в основе его социальной доктрины и почему его возрождение в России послужит не только укреплению ее государственности, ускорению развития национальной экономики, духовно-нравственному очищению, возвращению нашей стране статуса великой державы, но и в конечном счете явится одним из фундаментальных оснований обеспечения достойного уровня жизни всех россиян, независимо от вероисповедания.

Книга может служить учебным пособием для учащихся старших классов гуманитарных школ, религиозных образовательных учреждений, студентов колледжей и вузов.

Mikhailov Yu.A.

Time to Understand the Qur'an: A Collection of Articles. Moscow: Ladoimir Publishing House, 2023. — 240 p.

ISBN 978-5-86218-483-9

This edition is intended for Russian politicians, political scientists and government servants who have but a vague idea of what Islam really is, and who are willing to understand what lies behind the phenomenon of its exceptional power, what is the foundation of its social doctrine and why Russia will not be able to restore the country's status as a great power without the renaissance of Islam.

The book can be used as a textbook for senior graders of schools specialized in the humanities, for students of religious educational institutions, colleges, and universities.